

ИВАН
ЩЕДРОВ

**ПАРТИЗАН-
СКИМИ
ТРОПАМИ
ЛАОСА**

ПАМЯТИ ЛАОССКИХ ДРУЗЕЙ, ОТДАВШИХ
ЖИЗНЬ ЗА СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ СТРАНЫ
МИЛЛИОНА СЛОНОВ И БЕЛОГО ЗОНТА.

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
Ц К В Л К С М
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1 9 7 8

ИВАН
ЩЕДРОВ

**ПАРТИЗАНСКИМИ
ТРОПАМИ
ЛАОСА**

Художник В. Кочкин

Щедров Иван Михайлович

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ ЛАОСА. Памяти лаосских друзей, отдавших жизнь за светлое будущее Страны миллиона слонов и белого зонга. М., «Молодая гвардия», 1970.

112 с., с илл. («Ровесник»)

32И

Редактор *И. Сабова*

Худож. редактор *Н. Коробейников*

Техн. редактор *Ю. Бойко*

Сдано в набор 27/І 1970 г. Подписано к печати 22/Д 1970 г. А02624.
Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бумага № 2. Печ. л. 3,5 (усл. 5,88) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 9,7.
Тираж 60 000 экз. Цена 34 коп. Т. П. 1970 г. № 169. Заказ 2900.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30,
Сущевская, 21.

**В ДЖУНГЛЯХ СРЕДНЕГО
И НИЖНЕГО ЛАОСА**

„Пещерный город“

Чтобы добраться до темного входа в пещеру, пришлось карабкаться вверх по скользким скальным выступам. Лестница из лиан прошлой ночью была сожжена. Ракета разорвалась рядом. Американский пилот, видимо, целился в темное отверстие входа, да промахнулся.

Дождливая ночь. Резкие порывы ветра пронизывают насквозь, леденят руки. Порою даже не верится, что мы в тропиках, что еще днем изнывали от жажды.

Наконец цепочка черных теней с фонариками медленно вползает в пещерный провал. Огромные своды едва проглядываются в бледных отсветах самодельных факелов из расщепленного бамбука. То и дело над самой головой с шумом проносятся летучие мыши. Входное отверстие в пещеру время от времени озаряется красными отблесками, и тогда несколько секунд спустя сюда врывается запоздалый скрежет реактивных авиационных двигателей. Командир отряда карабинеров, с которым продвигаемся к фронту, выставил пикеты. Свободные от нарядов бойцы готовятся к ночлегу на небольших островках «сушки» гигантской пещеры. Где-то совсем рядом звонко булькает вода. Неожиданно высоко под сводами раздается странное разноголосое пересвистывание. «Летучие мыши», — поясняет Бунец, молодой карабинер, расположившийся по соседству со мной на циновке.

В дальнем углу раздается писк крыс. С наступлением темноты тысячи серых комков надвигаются на нас со всех сторон. И до самого утра вокруг стоит зловещий шум и скрежет. Недавно их полчища атаковали в этих краях целые деревни, уничтожая на пути все живое. Нас спасает лишь свет факелов, отвоевавших у темноты безопасное для человека пространство. Крысы смертельно боятся огня.

Пока дежурные разводят костер, мы с Буненом, захватив фляги, уходим на поиски воды. Острые каменные осколки ранят ноги. В одной из расщелин лучи фонариков нащупывают плетенные из тростника и обмазанные глиной пузатые кувшины. Они заполнены водой. Еще год назад пещера служила кровом буддийскому монаху-отшельнику. Эти кувшины и остатки самодельного водопровода из бамбуковых стволов — плоды его непримятательной практической изобретательности. Сам монах, не выдержав бомбардировок и обстрелов, перекочевал дальше, пытаясь найти невозможное — тихий уголок в охваченной войной стране.

...Рано утром нас разбудил глухой вой реактивных двигателей и разрывы бомб. Через узкий проем в пещеру пробился оранжевый сноп света. Под его косыми лучами на стенах выступили выписанные угольками изображения американских бомбардировщиков. Художник придал им вид сказочных птиц, пронзенных стрелами. Чуть пониже — изображения зениток, пулеметов и охотников с арбалетами, стреляющих по стервятнику. По древним поверьям

лаосцев, пещерные рисунки обладают магической силой. Убитый зверь, поверженный враг, а в эту войну и бомбардировщик, начертанные на стенах, рассматриваются как доброе предзнаменование перед схваткой.

Из пещеры с высоты открывается вид на долину. Со всех сторон ее теснят горные кряжи и цепи. На вершинах проглядываются причудливые силуэты средневековых замков и крепостей, окутанные пеленою белого тумана и облаков. Когда я говорю об этом карабинерам, они смеются. Нет здесь никаких крепостей и замков — просто буйная фантазия природы. Впрочем, давным-давно, если верить легендам, поясняет Бунен, здесь стояли замки и крепости, да в последние десятилетия людям недосуг заниматься их поисками. В долине горные джунгли уступают место малахитовому покрывалу рисовых полей, по которому вьется лентой горная речушка. Но это великолепие изуродовано бурыми воронками от бомб.

Третью неделю нахожусь в Освобожденных районах Среднего Лаоса — горном сердце страны, недалеко от Махасая. В нескольких десятках километров западнее начинается линия фронта, протянувшаяся с севера на юг более чем на полторы тысячи километров.

После завтрака начинаем знакомство с обитателями «пещерного» города, разместившегося по соседству с нашим ночных убежищем. Пробираемся с «этажа» на «этаж» узкими ходами, пробитыми в горном кряже. У «небоскреба» высотою в полтораста метров нет названия. Его обитатели считают себя здесь временными жильцами. На сколько? На год, на два, а может быть, и на десятилетия — этого никто не знает. Но они твердо верят, что не навсегда. Их древний Махасай лежит километрах в трех-четырех отсюда, в благодатной солнечной долине, над которой день и ночь висят хищные дюоралевые птицы далекой заокеанской, как они произносят, «Америки». По преданию, здесь много веков назад побывал Марко Поло. Летописи сохранили память о пребывании в Махасае великих путешественников средневековья из Китая и Индии. Орды захватчиков на протяжении веков пытались огнем и мечом покорить народ. Но он выстоял. Выстоял и древний Махасай, город мирных землепашцев и торговцев, рыбаков и охотников.

На этот раз беда пришла в виде американских «летающих крестов» и сверхзвуковых истребителей.

Когда американские пилоты начали прицельно сбрасывать бомбы, обстреливать ракетами отдельные дома и хижины, охотиться за работающими на полях крестьянами, стало ясно — единственное спасение в близлежащих, пусть сырых и темных, пещерах горного кряжа. Перебирались сюда не день, не неделю и не все сразу. До боли жалко было оставлять обжитые места, очаги предков, которые здесь чтут как святыню. Но и терять каждый день родных и близких, ожидать смерти было бессмысленно. Вот так и оказались оставшиеся в живых махасайцы в горном «небоскребе». Город славился на весь край своими охотниками за слонами. «Дикарь» отлавливали с помощью прирученных слонов, обучали труду. Часть оставляли у себя, других продавали. С войной всему этому пришел конец. Последние слоны так и не дошли до горного кряжа, сраженные осколками бомб.

И вот я в одной из «квартир» эвакуированного «города-небоскреба», не отмеченного ни на одной карте мира. В большой пещере прямо у стен топчаны и нары. В глубине — наспех сооруженные миниатюрные хижины с двускатными крышами, защищающими от водяной капели. На кострах готовится пища. Здесь же копошатся дети. Женщины с утра склонились у ткацких станков. На небольших сколоченных из бамбуковых стволов столиках — традиционные чашечки с чаем. Влажный воздух смешан с едким дымом.

Десятки и десятки пещерных «квартир». Из глубины одного гrotta неожиданно вырастают покривевшие от времени желто-красные статуи. Окаменевшие лица Будд бесстрастны. Перед ними дымятся благовонные палочки. Восемь буддийских священнослужителей полупричтывают-полупоют монотонную молитву, прерываемую время от времени ударом небольшой палочки в круглый барабан. Сопровождающий меня лаосец переводит. Бонзы обращаются к Будде с просьбой вернуть стране мир, прогнать из Лаоса чужеземцев, пришедших сюда из «Америки». Молитва закончена. Можно побеседовать. Священнослужители усаживаются кружком, поджав под себя ноги. Желтые одежды-покрываала. Стриженые головы. Оголенные в татуировке плечи и ноги. Восемь бонз от 66-летнего Бунтхонга до худенького лет восьми мальчика-послушника один за другим рассказывают о себе, о трагедии Махасая, о надеждах на Будду, который, как они уверены, после их молитв даст народу силу и дальше сражаться за свободу и мир на лаосской земле.

В одном из нижних этажей «небоскреба» задержались. Пожилой, лет пятидесяти лаосец опробовал отравленными стрелами арбалет. Бронзовое загорелое тело покрыто традиционной татуировкой. «Тян Тхай, мэр Махасая», — представился незнакомец. Дальнейшее знакомство с «городом» продолжаем в его сопровождении. По пути он рассказывает:

— Дел много. Занимаемся организацией народного ополчения и эвакуацией. Обеспечиваем сами себя продовольствием и одеждой. У каждой семьи имеется хозяйство, скот. Условия трудные, как сами видите. Но мы будем продолжать борьбу, чего бы это нам ни стоило.

У подножья горного кряжа под густыми, увитыми лианами кронами деревьев в клетушках и загонах — свиньи, птица, буйволы. Кипит работа у примитивных каменных рисорушек. Стройные лаотянки с распущенными по плечам волосами, плавно раскачиваясь, несут охапки дров. У одной из пещер — остроносые лодки-долбленики. В то далекое мирное время там, у города Махасая на реке Себанфай, на них в шумные праздничные дни устраивались традиционные гонки.

В пещере, где мы провели ночь, разместились склады и магазин. Собственно, это не совсем магазин, скорее, фактория. Здесь в обмен на рис и маис, лесные коренья, шкуры и рога диких животных крестьяне и охотники получают черную хлопчатку, голубые рубашки, грубые одеяла, соль, мыло, спички, мотыги, котелки. Здесь же на низеньком столике потрепанный ценник. На базе-фактории раз или два в месяц кадровые работники получают по строгой норме рис и соль. Часть продовольствия идет на нужды местных вооруженных сил.

— Ну что ж, в добный путь, — напутствует нас мэр при рас-

ставании.. — Не рискуйте. Американские пилоты иногда устраивают охоту и за одинокими пешеходами.

Нам предстоит пройти всего три-четыре километра до мертвого города Махасая. Вырубленная старинными тесаками в джунглях тропа явно не рассчитана на мои габариты. То и дело приходится останавливаться, чтобы пламенем обычной зажигалки сбить успевших присосаться к телу пиявок. Они прыгают прямо с кустарников. Несколько раз пережидали американские самолеты. У самого города на тропе обнаружили длинные чушки неразорвавшихся контейнеров шариковых бомб. Обходим их стороной и двигаемся дальше.

Окраина города. Мертвую тишину улиц нарушает лицъ каранье ворон. Вокруг огромных котлованов, вывороченной взрывами красно-бурой земли черные обгоревшие остаты деревьев. Вся правобережная часть иссечена осколками: каменные дома, бамбуковые хижины.

Осторожно по битому кирпичу и поврежденным переклади-
нам пробираемся к алтарю пагоды. Взрывная волна раскидала
в разные стороны статуи невозмутимых Будд. Один из бойцов
бережно ставит их на свои места, втыкает тоненький стебелек
благовонной палочки в фарфоровую чашу с золой. Вокруг разли-
вается прянный аромат. Очередной облет пережидаем в опустев-
шей бамбуковой хижине на сваях. Недалеко от лестницы в зарос-
лях бананов обвалившийся вход в бомбоубежище. В кадке на тер-
расе распустились огненно-красные бутоны теперь уже никому не
нужных диковинных цветов. Настил из дранки местами обвалил-
ся. Ловкий Бутхап в короткий перерыв между налетами стреми-
тельно взобрался по голому стволу на высоченное кокосовое дерево
и начал сбрасывать крупные плоды. За легким завтраком пробуем
ароматное манго и нежный сок кокосовой пальмы. Налет, и снова
лишь вороний крик да залихватское пение кузнечиков в непривыч-
ной тишине городских улиц. Неожиданно с левобережной стороны
Махасая слышу тревожное буйволиное мычание и петушиный го-
мон. Бунен объясняет, что некоторые из жителей свой скот и птицу
оставили в городе. И каждую ночь или утром приходят сюда:
скот проводить, дом посмотреть.

К вечеру вернулись в пещерный «небоскреб», где был дан небольшой прием. На циновке кружком расположились на корточках мэр Махасая и карабинеры. На перекладинах для москитных сеток — американские автоматы, карабины, пистолеты. Уставшие от перехода и бессонницы, разморенные теплом, мы беседуем. Говорим о том, что когда-нибудь и на эту землю, вот уже двадцать лет не знающую мира, придет тишина. Те из обитателей «пещерного города», кто останется в живых, будут возрождать, вerner, строить новый каменный Махасай. И будут там кинотеатры и школы, автобусы и катера. А «пещерный город» превратят в заповедный край — памятник мужеству и выдержке героического поколения. Один из карабинеров даже размечтался о том, что эта огромная пещера станет крупнейшим концертным залом страны, местом народных гуляний. И будет к ней вести роскошная мраморная лестница. А вдоль нее, как память о грозовых годах, по скалам будут тянуться лестнички из лиан.

В полночь американские самолеты начали «обработку» очередного квадрата, вывесив в небе осветительные ракеты. Раствинув про-

волочную антенну, вслушиваемся в разноголосое попискивание эфира, пытаясь поймать ночной выпуск последних известий. «...В Южном Вьетнаме, — читает диктор, — отряды американской морской пехоты продолжают карательную операцию по дороге № 9 южнее 17-й параллели... На границе Камбоджи обстреляна деревня. Убито несколько крестьян... В Среднем Лаосе, как сообщает радио Патт-Лао, сбит американский истребитель-бомбардировщик...» Мы находимся где-то в центре этого бушующего военного смерча.

«Только что поступило сообщение из штаб-квартиры ООН, — продолжает бесстрастный голос диктора на французском языке. — Национальное управление по аeronавтике и исследованию космического пространства приступило по просьбе министерства обороны США к разработке проекта, предусматривающего запуск на орбиту огромного спутника-зеркала. Он будет отражать солнечный свет на поверхность Земли с тем, чтобы освещать зону в сто тысяч квадратных километров двойной силой света полной Луны. Соединенные Штаты намереваются использовать первый спутник-зеркало для того, чтобы в ночное время освещать как днем территорию Вьетнама и соседних стран с целью оказания помощи своим войскам». В связи с этим представитель Камбоджи направил на имя председателя Совета Безопасности протест, в котором говорится: «Такого рода спутник-зеркало, если он будет использован во Вьетнаме, неизбежно вызовет пагубные последствия для сельскохозяйственных культур и для жизни людей в соседних странах». Соседние — это Лаос, Камбоджа. До информации о зеркале-спутнике я кратко переводил последние новости моим спутникам. А здесь растерялся. Современная реактивная техника Америки загнала население целого города в пещеры. А теперь еще и новые зловещие планы космических «экспериментов». Так и не решился сообщить моим друзьям сенсационную новость.

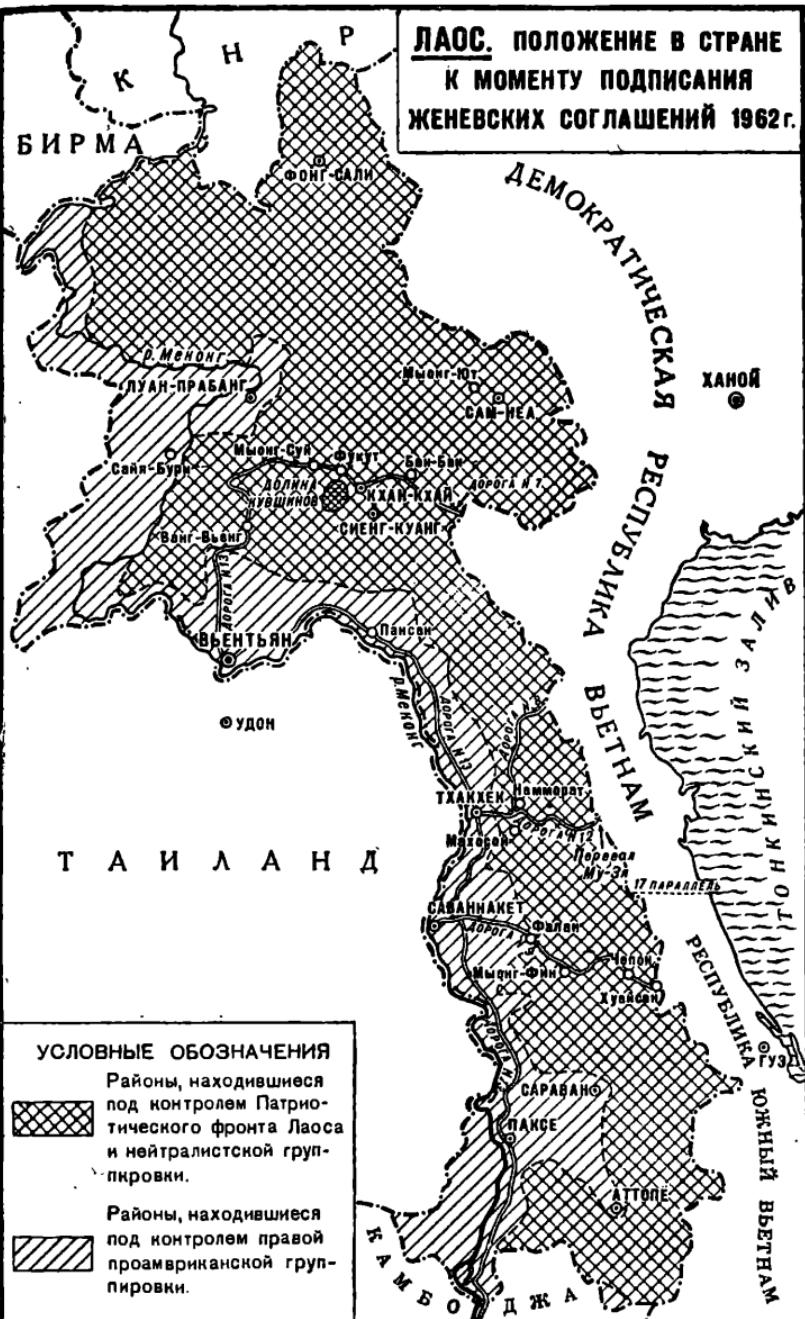
В догорающем костре тлеют угли. Карабинеры, свободные от дежурства, давно уже спят на разложенных прямо на каменистом грунте циновках. А я вновь и вновь возвращаюсь к тому дню, с которого, по существу, начались первые шаги к партизанским тропам Лаоса. С них, может быть, и следовало начать дневник.

Москва! Она отсюда представляется в виде далекого фантастического острова, где царит мир. И этот прощальный подмосковный день. Над увядющими осенними лугами нависли низкие серые туманы. Березовые рощи в янтарном наряде справляли трину в преддверии долгой зимы. Шли последние дни бабьего лета. Было приятно идти по опавшей листве, любоваться взмывающими в затянутое легкой пеленой дождя небо тяжелыми пассажирскими лайнерами, наблюдать за будничной суетолокой в зале ожидания аэропорта... Скоро, кто знает, на сколько месяцев, все это — и чарующая осень среднерусской полосы, и мирный аэродром, и уже оставшиеся позади шумные, с их стремительным ритмом жизни московские улицы — снова будет казаться далеким, нереальным, словно сказка из ушедшего детства...

Впереди индокитайский фронт. Мой путь растянулся на 15 тысяч километров.

Лишь на четырнадцатый день на теплоходе «Сибирьск» добрались до Хайфона. Над городом то и дело нависает надрывный вой сирен, оповещающий о налетах американской авиации. Южную окраину Хайфона застилает густой дым. С палубы видны падающие

**ЛАОС. ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ
К МОМЕНТУ ПОДПИСАНИЯ
ЖЕНЕВСКИХ СОГЛАШЕНИЙ 1962г.**

прямо на городские кварталы самолеты. Бой с короткими перерывами продолжался около двух часов.

Путь от Хайфона до партизанских районов Лаоса оказался гораздо длиннее, чем предполагалось, — в несколько месяцев. Пришлось задержаться в Северном Вьетнаме. Над Ханоем шли самые упорные с начала войны бои. Спираль американской эскалации войны продолжала стремительно раскручиваться не только в Южном, но и в Северном Вьетнаме, в Лаосе.

...И наконец вот этот «горный небоскреб», на пути к которому снова пришлось терять друзей и спутников, с несколькими из которых я и познакомиться-то по-настоящему не успел.

Экзотический уголок нашей планеты, где еще бродят стада диких слонов и носорогов, где в джунглях живут «лесные люди», где еще сохранились одни из самых интересных древних обрядов и праздников, почти исчезнувшие на нашей планете. Но главное сейчас не экзотика.

Война неизвестно изменила страну. Устарели составленные в тридцатых годах нашего века французскими колонизаторами карты. Обозначенные на них города и селения превращены в развалины или оставлены людьми. Вместо них выросли новые. Через дремущие джунгли и горные перевалы пролегли трассы, сменившие разбитые бомбами и ракетами старые колониальные дороги.

Старый экзотичный Лаос, колониальная окраина, место паломничества туристов, больше не существует. Новый Лаос — наследник былого величия древней Страны миллиона слонов и белого зонта — более 20 лет с оружием в руках отстаивает свои завоевания и свободу. О нем сегодня известно, пожалуй, гораздо меньше, чем об Антарктиде, Арктике или Огненной Земле.

Это не первая моя командировка в сражающийся Лаос. С начала тревожной весны 1963 года я не раз бывал в Освобожденных районах Верхнего Лаоса, прожил здесь в общей сложности более девяти месяцев. Но сюда, на тыловые базы и боевые рубежи патриотических сил в Среднем и Нижнем Лаосе, добрался впервые. На их долю приходится большая часть территории, находящейся под контролем патриотов. Здесь, как утверждает Пентагон, проходит знаменитая «тропа Хо Ши Мина», по которой идет основная помощь извне Временному революционному правительству Республики Южный Вьетнам.

За двадцать с лишним лет существования в этом огромном горном крае освобожденных и партизанских районов я оказался, как мне сообщили в главной ставке Патет-Лао, первым иностранным корреспондентом, которому была предоставлена такая возможность.

Граница

Без пяти шесть. Через несколько минут ночь стремительно опустится на небольшую горную долину. Небо в белых хлопьях от разрывов снарядов. Между ними в заходящих лучах солнца мечут-

ся бомбардировщики. Сначала видны их силуэты, и лишь затем вместе с нарастающей канонадой зенитных батарей на нас обрушивается скрежет реактивных двигателей. И снова канонада уходит куда-то в сторону. Новый заход. Плотно прижавшись к шершавой стене пещеры, видим самолет, падающие одна за другой неподалеку от нас бомбы. Когда вновь поднимаю голову, над желтым полотном дороги огромные столбы дыма и пыли. Красные змейки огня ползут по кустарнику. К охваченному пламенем грузовику бегут люди.

Тишина воцаряется внезапно. И вместе с ней приходит ночь. Грузовики и «газики», рассредоточенные вдоль дороги, замерли — все ждут распоряжений регулировщика. Саперы перекрывают дорогу самодельным шлагбаумом из длинной бамбуковой жерди. Трасса временно закрыта. Саперы — единственные, кому разрешено пересечь эту линию. Пока они выявляют и обезвреживают неразорвавшиеся бомбы, засыпают воронки, у нас времененная передышка. Сидим у обочины дороги на корточках, обсуждаем события последних дней, часов, минут. Вчера в нескольких метрах от того места, где укрылся наш «газик», погибло трое. В это же самое время, без пяти шесть. Все было как и сегодня. Сначала мы увидели, как падают люди, а затем сверху обрушился нарастающий рев авиационных двигателей и перед глазами вырос столб серой пыли и дыма. Днем ливень заполнил свежую воронку мгноватой водой, и, когда наша колонна уйдет отсюда, на нее, пожалуй, никто и не обратит внимания.

Беседа то затихает, то вновь разгорается. Тянут свою монотонную песню цикады, с рисовых полей доносится лягушачья какофония. Ночную темноту разукрасили голубые огоньки светлячков. Наши машины напоминают то стога сена, то каких-то доисторических животных. Они со всех сторон утыканы зелеными ветками. Над кабинами — длинные полутораметровые козырьки, чтобы отраженный в ветровых стеклах лунный свет не был виден пилотам.

На подфарниках пристроены консервные банки с маленькими отверстиями, сквозь которые во время ночных маршей на два-три метра вперед пробивается тусклый свет.

Полнолуние.

И сегодня машины пойдут по извилистой горной дороге, даже не включая подфарников. Часа через два автоколонна двинулась в путь. К полуночи, если не будет никаких ЧП, доберемся до перевала — границы двух фронтов: северовьетнамского и лаосского. Мы находимся где-то между 18-й и 19-й параллелями северных широт на восточных отрогах Чыонг Шона — Длинного (Аннамитского) хребта.

Неожиданно сквозь шум моторов доносится выстрел. Сбавляем скорость. Выстрел — условный сигнал тревоги. Каждый из водителей имеет при себе карабин. Он и для самозащиты от возможных нападений диверсантов, и для подачи сигнала в случае воздушной тревоги — крики сквозь рев моторов разобрать невозможно. Стремимся ехать по теневой стороне. Сворачивать некуда. Слева отвесные выступы, справа пропасть. Над головой с ревом проносятся американские самолеты и скрываются за вершинами гор. Останавливаться в этих местах не рекомендуется. В движу-

ицуюся машину попасть с самолета труднее, чем по неподвижному объекту. И снова обычный размеренный шум мотора. Из кабины чудесный вид на горную долину. Белопенная речушка. Стойкие силуэты пальм. Диковинные очертания огромных баобабов. Не верится, что здесь идет война.

Но она напоминает о себе следами недавних ремонтов после бомбардировок, тысячами гигантских воронок вдоль дороги. Наиболее опасные из них обставлены бамбуковыми палочками. То и дело проезжаем мимо изрешеченных осколками черных оставов обгоревших машин. На одном из участков дорожная бригада пытается поднять упавшую под откос трехтонку. Ее водитель успел выпрыгнуть и сейчас вместе с другими орудует у стального троса. Все чаще на пути попадаются небольшие группы парней и девушки с карабинами, ломами и лопатами. Это бойцы добровольческих молодежных отрядов. Они обслуживаю наиболее опасные участки трассы.

Последний участок дороги едем одни. У начала длинной петли, растянувшейся на многие километры по открытой местности, нас останавливает небольшого роста человек в военной форме. Часть пути нам, пассажирам, придется месить грязь на своих двоих. На этом участке шутки плохи. Вчера погибло несколько человек, сгорели три машины.

— Перевалите хребет, — советует он, — постарайтесь до утра продвинуться хотя бы на 15—20 километров. За последние дни американская авиация почти круглосуточно совершает массированные налеты на пограничные районы. Ну, поторапливайтесь. Желаю удачи.

Долина напоминает лунные пейзажи. Огромные воронки теснят одна другую. От домиков остались лишь развороченные фундаменты. Кое-где они успели зарасти травой и кустарником. Ни одного деревца. Разбитые машины, огромные неразорвавшиеся бомбы и словно клубни картофеля — круглые мячики шариковых. Марш-бросок прошел без осложнений, но за перевалом «газик» засел в трясине. Несмотря на все наши усилия, сдвинуть его с места не удалось. Вокруг, словно мертвые каменные истуканы, почерневшие от огня толстые стволы деревьев — верхушки на чисто скошены осколками. Подготовив на всякий случай оружие, водитель и охрана чутко вслушиваются в тишину ночи. И когда вдоль трассы проносится американский самолет-разведчик, мы жмемся к обочине. Лишь через час с помощью случайной машины удалось выбраться из трясины. Дальше продвигаемся вместе, стараясь не терять друг друга из виду.

Последний вьетнамский солдат, повстречавшийся нам на той стороне, оказался прав. Н-ский квадрат, где мы находились, незадолго перед нами дважды «прошли» стратегические бомбардировщики Б-52.

Уже вовсю светило солнце, когда наш «газик» замер под кроной могучих деревьев. Закидав машину свежими ветками, грязные, усталые заваливаемся на импровизированные постели в нише пещеры. Спать, спать, спать... В полдень следующего дня от дозорных узнали, что район, где мы расположились трижды подвергся бомбардировкам. Но ни одна ракета, ни одна бомба или хотя бы осколок не попали ни в «газик», ни в деревья, стоящие плотной стеной у входа в пещеру.

Ожидание

Четвертый день живем на небольшой базе в глубине лаосских джунглей. Ждем связных, которые задержались из-за непрекращающихся налетов. Нас, командированных, здесь трое. Живем дружной коммуной: водитель Тé, переводчик Тхуонг и я. Снова на несколько дней жизнь вошла в нормальную колею: днем работаем, ночью спим. С Тé мы знакомы уже больше года. Вместе проделали тысячи и тысячи километров по дорогам Вьетнама, недосыпали, недоедали. Ему уже давно за сорок. В Ханое жена и куча ребятишек. Он повсюду обрастает приятелями. Вот и здесь уже с кем-то успел обменяться сувенирами. Пока мы с Тхуонгом занимаемся подготовкой к дальнейшей дороге, Тé успел узнать и об истории района, и об обстановке, изучить съедобные растения и клубни. Это может пригодиться в пути. Пока я при свете «летучей мыши» в пещере пишу эти строки, он пристроился к группе бойцов — участников самодеятельности. Разучивает новую песню, родившуюся здесь, на базе. Иногда у меня закрадывается добрая зависть к этому человеку: откуда берется такой запас энергии, неиссякаемой любознательности, любви и уважения к людям?

Тхуонг, стройный красивый караглазый парень, в отличие от Тé неразговорчив. Он выходец из народности лао тхынг. Впервые за последние годы снова едет в родной край, где вырос, где нашел свою первую любовь. Его деревня где-то под Чепоном, городом, которого больше нет, как, может быть, нет и его деревни. На вид ему больше двадцати и не дашь. На самом деле тридцать. Из них шестнадцать — это партизанские тропы, учеба, снова борьба. В годы первого Сопротивления Тхуонгу много пришлось общаться с вьетнамскими добровольцами. И теперь он свободно говорит на трех языках: родном лаотхынгском, лаосском и вьетнамском. Вчера утром, увидев у меня в руках «Правду», медленно прочитал вслух несколько заголовков. Перевести, правда, не смог. Русский начал учить несколько лет назад, слушая уроки по радио. А потом в круговороте дел так и не смог продолжить. Красивым ученическим почерком вывел в моем блокноте: «стол», «стул», неизменную для всех иностранцев «Машу».

За свою жизнь Тхуонг переменил много профессий. Недавно окончил курсы кинооператоров. Его мечта — отснять большой, полнометражный документальный фильм о лаосской войне, а пока Тхуонг прикомандирован в нашу группу. С остальными спутниками познакомиться труднее. Я не знаю лаосского, они — русского. Да и дел у бойцов пока больше, чем у нас: приходится вести круглосуточные дежурства по охране нашей базы, ремонтировать дорогу.

По вечерам коротают время, слушая то грустные, то отчаянно веселые мелодии этих краев. Их играет на стареньком хене карabinер Хамди. Хен — самый популярный национальный инструмент. 14 тоненьких бамбуковых трубочек, скрепленных попарно. В руках Хамди он превращается в настоящий мини-орган. Хамди

виртуоз-самоучка. А вообще, я еще не встречал лаосца, который не мог бы играть на этом инструменте. Мелодии, как правило, традиционные, а слова каждый раз новые. Чаще всего и песня и танец слиты воедино. У большинства песен припевки хоровые. Присутствующие прихлопывают в такт ладонями, в то время как танцующие выделывают затейливые фигуры в кругу. Один из танцующих совсем как у нас запевает озорные частушки под одобрительный смех, крики и свист присутствующих. Эта импровизация может начаться без всякого повода, просто в короткие минуты отдыха, передышки. Без песни, танца и кхена вообще трудно представить себе лаосца. С ними рождается, живет и умирает лаосец.

Перед рассветом проснулись от шума грузовика и громких голосов. Прибыли связные. С наступлением сумерек двинемся в путь. Провожают нас торжественно, насколько позволяет обстановка. На столе пиалы с рисом, курица и даже по стакану самогона. Перед самым отъездом каждому на запястье повязываются белые толстые нитки. Это традиционное баси — пожелание счастья, доброго пути. Без него и связанных с ним торжественных церемоний не обходится ни одно сколько-нибудь важное событие в личной жизни лаосца и даже в государственных делах. Баси повязывают всем: младенцам и генералам, принцам и премьер-министрам. И носят его до тех пор, пока не перетрутся нитки. А их на каждой из рук по несколько десятков.

Ночующий завод

— Прибыли! — слышу сквозь сон голос Бунена. Полуторка резко тормозит. Несколько минут спустя один за другим по лесенке забираемся во влажное нутро пещеры. На настилах из досок громоздятся какие-то тюки, ящики. Карабинеры осторожно продвигаются в глубину пещеры, пытаясь найти местечко для ночлега. Но она оказывается забитой непонятными для нас тюками и ящиками. После короткого совещания решаем устроиться прямо на них, предварительно ознакомившись с содержимым. Осторожно вскрываем один, другой, третий... Мыло! Спички! Хлопчатка! Мотыги!

Выставив дневального, устраиваемся на отдых. За целую ночь проехали всего около двадцати километров. Находимся, видимо, где-то по соседству с механическим заводом, в одном из складов-факторий. Но все это выясняется утром. Выделенный поварской наряд с котелками растворяется в темноте. В одной из ниш пещеры карабинеры нашли самодельную лампу. О ней стоит рассказать особо. Лампа — неизменная принадлежность пещер-гостиниц и крестьянских хижин. В пустой консервной банке сбоку проделывается квадратное отверстие, которое в случае тревоги задвигается крышкой. В нее ставится небольшая коптилка. Если самолеты далеко, то банку поворачивают отверстием к себе, и правила маскировки соблюдены полностью. Через час возвращается наряд. На лицах загадочные улыбки. Оказывается, они умудрились

не только сварить рис, вскипятить воду, но и приготовить суп из листьев огромного дерева ке. Он чем-то напоминает рассольник.

Утром нас поднимает сигнал тревоги. К пещере движется группа неизвестных. Свои или диверсанты? А пока боевая тревога. Незнакомцы оказались «хозяевами» — рабочими разыскиваемого нами механического завода. Он разместился по соседству — тоже в пещерах, куда нас и приглашают переселиться. В самой большой из них столы, скамейки из бамбука и небольшая трибуна. В глубине портрет принца Суфанувонга. Это своеобразный клуб. Здесь даже во время бомбардировок проходят политические митинги и производственные собрания, учатся грамоте, принимают гостей. По соседству с клубом в низких пещерах разместились цехи, жилые помещения, общежитие дорожных рабочих, склады. В городке постоянно проживает до двухсот человек.

Лаосец лет сорока приглашает нас в клуб. Он здесь и директор и командир. Сначала по заведенному обычаю пьем чай и лишь полчаса спустя приступаем к главному — знакомству с предприятием. А за это время мелкий дождь переходит в мощный тропический ливень. За плотным потоком воды ничего не видно. Зажигаем коптилки. В пещеру врываются мутные пенистые ручьи. Где-то в глубине они уходят под землю.

— Да, — медленно говорит директор, наблюдая, как набухают потоки, — из-за ливней нам снова скоро придется менять базу. Вот так и живем четыре года. То американские бомбардировки, то потоп. Скоро на все лето этот район превратится в болотистую кашу. Ни пройти, ни проехать. Вы знаете, это восьмое место, на которое мы перекочевали за последние четыре года... Трижды предприятие накрывалось американскими бомбардировщиками. Мы уже присмотрели новый район, повыше и посуще. Потихоньку, за месяц, пожалуй, и переберемся.

Ливень кончился так же неожиданно, как и начался. И мы отправляемся в цехи. Кузница, слесарные и столярные верстаки. Здесь же, в пещерах, склады готовой продукции — котелков, на конечников для плугов, мотыг, лопат, других сельскохозяйственных орудий и предметов домашнего обихода. На предприятии всего несколько специалистов, профессиональных рабочих. Остальные — новички, еще совсем недавно им был знаком лишь нелегкий труд землемельца и охотника. Многие только в пещерах научились читать и писать. Мы выходим с завода.

От пещеры к пещере разгуливают собаки, пятнистые свиньи, куры. У скальных выступов рядом с пещерами в клетушках тревожно мычат буйволы. На полянках сушится белье, развезщенное на тонких нитях лиан. А где-то совсем рядом в темных многоярусных джунглях стремительно носятся стаи гибонов и слышится их залихватский резкий свист. На вершинах соседних великанов деревьев гнездятся огромные черные птицы. В нескольких километрах отсюда ночью прошло стадо диких слонов, оставив в илистой почве глубокие следы. Кукует кукушка. Порою кажется, что мы на каком-то отрезанном от всего мира, забытом богом и людьми клочке земли. Но это не так. И наша база десятками троп и дорог связана с другими такими же поселками, эвакуированными деревнями. Здесь тоже фронт.

В пиратской воздушной войне Пентагон одной из главных задач поставил подрыв экономики Освобожденных районов. Но ко-

варные расчеты терпят провал. В победы, одержанные патриотами на экономическом фронте, свой вклад внесли и рабочие механического предприятия, под гостеприимным кровом которого находился наш отряд.

Со второй половины дня горную долину снова заполняют рев реактивных двигателей, разрывы бомб. «Америка» взялась за свою обычную работу. По долине раскатывается гулкая канонада зенитных батарей. Они разместились на гребнях горных кряжей высотой в несколько сот метров. Не так-то просто по крутым склонам втащить туда орудия, наладить бесперебойное снабжение снарядами, водой, питанием. Еще труднее перебазировать обнаруженные врагом батареи.

На закате к пещерам на бешеной скорости подъехал грузовик. Задняя часть кузова словно обрублена. Водитель сбивчиво рассказывает, что на трассе, идущей под густой кроной джунглей, есть открытый участок; он выжжен прошлой ночью напалмом. И надо же случиться — они там попали под обстрел американских самолетов. Что со второй машиной, он не знает. Она шла следом. Прошлой ночью на этой же дороге были подожжены две машины с медикаментами. Есть убитые, раненые.

Дорога, дорога...

Сижу на нарах в пещере. С потолка падают крупные капли воды. На соседнем настите при свете бамбуковых факелов санитарка перевязывает нашего шофера Те. На белоснежных бинтах выступают алые пятна. Оказывают помощь и другим ребятам из нашего отряда.

События последней ночи, которая еще не кончилась, разворачивались стремительно и оказались трагически на судьбе нашего небольшого отряда. Вот как это было.

Выехали в темноте. Приказано не зажигать фар. Вдоль разбитой дороги гигантские воронки, черная, выжженная напалмом земля, мертвые деревни. Ни огонька, ни звука. Время от времени над головой с ревом проносятся самолеты. Лишь иногда нас останавливают вырастающие откуда-то из темноты дорожные патрули.

В полусне чувствую, как машина резко кренится в сторону, потом следует сильный удар, взрывы бомб, рев удаляющегося самолета. И тишина, прерываемая стонами. Это не сон. Лежим вверх колесами. Внизу пропасть. Машина чудом удержалась на крутом склоне, уткнувшись в огромное дерево. Выбирайся, попал прямо в муравьиную кучу. Рядом из-под машины выползает еще кто-то. Пытаемся вытащить остальных. У Те лицо, шея, одежда в крови, ноги перебиты. Двигаться не может. По одежде ползут полчища муравьев. Оставив машину, перетаскиваем раненых наверх — к дороге, перевязываем рубашками, майками. В машине оружие, документы, продукты, кино- и фотокамеры, магнитофон, пленка. Часть отснятой пленки погибла, повреждена кинокамера.

Что делать дальше? Прежде всего маскируем машину. Если

она будет видна с воздуха, по ней снова будут бить ракетами. Один из бойцов (его слегка контузило) уходит на разведку, а мы, разместившись в кустарнике, ждем попутной машины. Но надежд на это мало. Впереди в нескольких километрах от нас американские самолеты вывешивают в небе осветительные ракеты. К утру, так и не дождавшись «попутной» машины, добрались до обжитой пещеры, где и встретили санитарку Суон. Пока она оказывала помощь раненым, рабочие дорожного отряда вытащили нашу машину на полотно. И хотя чудес не бывает, машина ожила и своим ходом добралась до госпитальной пещеры.

Факелы снова приближаются к нам. Суон из термоса поит раненых и контуженных водой. Вода здесь необычная: кипяток настаивается на жженом клейком рисе. Утверждают, что этот мутноватый напиток гигиеничен и питателен, хорошо утоляет жажду. В отблесках пламени отсвечивают серьги и браслеты Суон, светится ее милая добрая улыбка. Уже потом я узнал, что она за несколько дней до нашего появления потеряла любимого. Он погиб от осколка американской бомбы на этой же дороге.

Покидаем базу на следующий день. Двигаемся на попутном грузовике, а наш неунывающий Тे остается на попечении Суон. Его переправят в полевой военный госпиталь. Пройдет еще много месяцев, прежде чем мы сможем встретиться вновь.

Следующий день провели у зенитчиков. В деле я их видел не раз. Но на фронте жизнь складывается не только из боев. Очень важно, что было до и после боя, как живут, о чем мечтают солдаты и командиры. Это определяет ту таинственную силу, которую называют моральной стойкостью. Светло-зеленые фуражки, гимнастерки и широкие брюки цвета хаки, парусиновые прорезиненные полуботинки — так выглядят бойцы и командиры прославленной зенитной батареи, на счету у которой десятки сбитых американских самолетов. Самому молодому пятнадцать, а «старику» Енгу — тридцать пять. На вопрос: «Кем мечтаете быть после войны?» — отвечают разно: водителем машины, рабочим на механическом заводе, военнослужащим. Но большинство мечтает вернуться в родные села. А пока в короткие передышки они овладеваюг грамотой.

Когда я спрашиваю, кто же из них сбил больше всего самолетов, показывают на молоденького с виду бойца. На его счету три стервятника — моторный Т-28 вьентьянских BBC, который здесь называют «мухой», военно-транспортный С-147, обслуживающий диверсионно-шпионские банды, и реактивный американский Ф-105 — ударная сила BBC США. Зовут зенитчика Ну. Ему двадцать пять лет. В партизанских отрядах с шестнадцати. Шестой год воюет зенитчиком. Родная деревня Ну до сих пор в зоне, контролируемой правыми. Что с отцом, матерью, братьями, сестрами, он не знает. С лица не сходит улыбка, когда рассказывает о жене, детях.

— Они здесь недалеко. Километрах в тридцати. Живы. Вместе с другими временно обитают в пещере. Недавно родился второй сын. Старшему уже два года, и ему дали имя Сихо.

— А как назвали младшего?

— О, это не так быстро у нас делается. Но я верю, что придет время, когда мы сможем дать имя и второму сыну. И знаете, как это будет? Устроим пир. И обязательно должна быть тради-

ционная курица. Потом повяжем сыночку баси и дадим настоящее имя.

Сидящий рядом Тхуонг как бы невзначай добавил:

— Мне настоящее имя дали, когда было четыре года. Я рос хилым ребенком. Трудное было время.

Обряд присвоения имени связан не только с анимистическими представлениями, но и с большой детской смертностью. Еще совсем недавно из десяти новорожденных выживало двое-трое. Остальных косили эпидемии, болезни, голодная смерть. Одна старая лаоска, потерявшая одиннадцать «безымянных» детей, как-то грустно заметила: «Если бы у них были имена, то я бы вспоминала каждого по имени. А так вот приходится горевать за всех сразу: бедные мои дети». Сейчас имена дают на шестой-восьмой месяц. Меняется жизнь, меняются обычай. Смертность детей в Освобожденных районах за последние годы резко сократилась. И это тоже достижение освободительной борьбы.

Командир батареи Кхамсук в партизанских отрядах с пятнадцати лет. Он до сих пор вспоминает родную деревеньку: хижины на сваях, в каждом доме на видном месте луки и самострелы, рога горных животных. К охоте детей приучали с детства. Сначала на мелкую дичь, а потом и на кабанов, обезьян, тигров, слонов. За долгие годы войны он так и не смог больше побывать на родине. Женился.

Провожают нас с песнями. Квартет кхенов исполняет махасайские и чепонские танцы, мелодии далеких краев, откуда пришли сюда солдаты. Через час над долиной снова гремел бой. И до нашей пещеры докатывалась канонада зенитных расчетов Н-ской батареи. На войне как на войне.

Командующий Ин Кон

Карту прикрепили прямо на шероховатую стену пещеры. И командующий провинциальным Кхаммуонским военным округом скако рассказал о сложившейся обстановке. Передовые посты противника от того места, где мы беседовали, находились всего в 15—20 километрах. Но по здешним условиям наше место считается глубоким тылом. За последние годы особых перемен на этом участке фронта не было, если не учитывать, что отдельные районы то и дело переходят из рук в руки. Кхаммуон — вторая по величине провинция. Вместе с Саваннакетом она и представляет собой своеобразный «коридор» между Верхним и Нижним Лаосом. Правые силы пытаются захватить его, чтобы одним ударом разрезать освобожденные районы на две части. Каждый год противник предпринимает наступления на кхаммуонском рубеже, и каждый раз ему приходится отступать. А командует здесь патриотическими вооруженными силами стройный лаосец средних лет по имени Ин Кон. Я слушаю его, и в памяти всплывают рассказы партизан об этом мужественном и бесстрашном командире. В три-

дцать три года он стал легендой в одной из самых легендарных провинций.

О Кхаммуоне есть упоминание в летописях VIII века нашей эры. В переводе название провинции означает «золотой свернутый листок». По преданию, вся провинция с ее жителями и сказочными богатствами недр была приданым принцессы из знатного феодального рода.

Но восставший народ отстоял свободу. Кхаммуонцы-партизаны считают, что и сегодня никому не дозволено торговать их родиной, никакому захватчику не дозволено топтать их землю. Так думает и командующий Ин Кон.

Половину жизни он провел на партизанских биваках, в боях и походах. Во время одного из партизанских рейдов встретил девушку-крестьянку, которая стала его женой. Сейчас она и двое детей живут в глубине джунглей в эвакуированном поселке. Жизнь Ин Коня очень схожа с судьбой многих его товарищей. Семнадцатилетним пареньком, в самый трудный период борьбы против французских колонизаторов, он ушел в партизанский край, где воевал старший брат. Горными тропами с самострелом добирался до партизанской базы и попал на похороны брата, погибшего в бою. Через десять лет имя Ин Коня, командира единственного во всей провинции партизанского соединения, стало известным всей округе. В то время это была еще плохо вооруженная, но закаленная в боях рота народных мстителей. Не было еще Освобожденных районов. Надежным кровом партизан служили непроходимые джунгли да горные пещеры. Самым грозным оружием были древние луки с отравленными стрелами. Прошли годы. Теперь там, где действовал летучий отряд Ин Коня, воюют батальоны и полки регулярной армии.

Города, которых нет

Рано утром посыльный вручил мне небольшой пакет. В нем была записка от Те. Он сообщал, что его доставили в полевой госпиталь, что врачи сказали: будет жить. Он горько сожалел, что не может с нами продолжать путь и желал мне с Тхунгом всего наилучшего. А еще просил, когда мы вернемся, передать жене и детям пожелания крепкого здоровья. Это была последняя записка от Те.

Следом за посыльным в пещеру прибыла целая делегация из провинциального комитета. С одним из делегатов, Тян Лопом, обсудили программу нашего дальнейшего пребывания здесь. Обстановка оставалась тревожной. На днях к югу отсюда американская авиация снова начала широко применять напалм. Усилились бомбардировки и обстрелы дороги. И все-таки передвигаться по ночам можно.. Провинциальный комитет выделил опытного водителя.

— Мне хотелось бы посетить города Махасай и Неммарат, — робко повторил я свою просьбу.

— Их уже нет — одни развалины и пепелища, — отрезал Тян

Лоп, а затем добавил: — Это очень опасные районы. Местность открыта, и американская авиация держит ее под постоянным наблюдением.

— И все-таки мне хотелось бы побывать пусть даже на пепелищах, а потом встретиться с эвакуированными жителями.

Тхуонг не вмешивался в разговор: верный признак, что у нас есть шансы попасть туда.

— Ну хорошо, — заключил неожиданно Тян Лоп, — вечером передам ответ обкома. Я лично просьбу поддерживаю, но с одним условием. Если поездка будет разрешена, вы расскажете о ней в своих репортажах. Пусть в других странах узнают, что творят на нашей земле эти грязные американцы.

Поздно ночью нас разбудил посыльный. Он прибыл на машине с отделением карабинеров. Согласие на поездку было получено.

Этой же ночью выезжаем в направлении Махасая. Днем после возвращения из города записал рассказы руководителей Махасайского уездного комитета. Председателю Тхон Ма немногим более сорока. До 1962 года, пока он не был назначен на этот пост, Тхон Ма прошел обычный для многих руководителей путь от мальчика-связного до профессионального подпольщика-агитатора. В 1959 году вместе с первым партизанским соединением Ин Кона освобождал Болофа — первую партизанскую базу Кхаммуона. Участвовал во многих боевых операциях. В 1961 году с частями Патет-Лао вступал в освобожденные Неммарат и Махасай. Сейчас по горло заняты делами. Сюда прибыл по двум вопросам: о продовольственном снабжении и об организации местного ополчения.

— Буду просить оружие. У нас более 300 ополченцев, а карабинов и ста не наберется, — пояснил Тхон Ма. — На фронте хватало трофейного, а здесь, в тылу, приходится выпрашивать и оружие и боеприпасы у военного командования.

В небольшой бамбуковый поселок, прилепившийся к подножию горы, прибыли в полночь. В пути несколько задержались. Пришлось разбирать завалы деревьев, образовавшиеся после дневной бомбардировки, прорубать тесаками обходные колеи вокруг свежих огромных бомбовых воронок. Дорога оказалась на редкость спокойной. Лишь когда прибыли на базу, небо покрылось вспышками от разрывов зенитных снарядов, а с северной стороны потянуло гарью. Волна за волной бомбардировщики «обрабатывали» участки пройденного нами пути.

В хижинах не спали. В консервных банках дрожали огоньки коптилок. Рядом с нарами составленные в пирамиды карабины. На столах ужин. Один из бойцов наигрывал на кхене. И хотя его звуки временами заглушала канонада боя, бомбоубежище пустовало. В эту апрельскую ночь по всей стране провожали старый Год лошади. Утром местный бонза обрызгал водой эвакуированную статую Будды и устроил молебен о ниспослании на землю благополучия, победы и мира в наступающем Году оленя. Нас ждали, чтобы вместе проводить старый и встретить Новый год. После ужина состоялась торжественная церемония повязывания баси. Но чтобы был понятен дальнейший рассказ, мне придется немного отвлечься и объяснить, что же такое, собственно, этот праздник в жизни лаосца.

В Лаосе буддизм является государственной религией и король ее высочайший покровитель. Так пишут в путеводителях и научных

трактатах. Но это верно лишь отчасти и не в отношении всего населения. Буддизм хинаяна («малая колесница») утвердился в стране с XIV века, когда пришедшие сюда несколько веков назад тайлао обосновали свое первое государство Лан Санг Хом Кхао — Страну миллиона слонов и белого зонта. Древние племена и народности, населявшие исстари эти земли и известные ныне под названием лао тхынг (лао тенг), в ходе ожесточенных битв были оттеснены из долины Меконга в горные районы. До сих пор лао тхынг — вторая по численности народность Лаоса. Их можно встретить повсюду. Но основной район, где лао тхынги составляют большинство, — это Средний и Нижний Лаос. В XVIII—XIX веках из Южного Китая и Вьетнама в страну хлынула еще одна волна переселенцев, которые обосновались в высокогорных районах Верхнего Лаоса. Это лао сунг.

Если у собственно лаосцев, или лаолум, господствующей традиционной религией был и в значительной степени остается буддизм — хинаяна, то лао тхынг и лао сунг сохранили свои анимистические верования в духов природы и животных. Большинство национальных меньшинств за последние десятилетия оказались в партизанских и освобожденных районах, находящихся под контролем патриотических сил. И здесь в ходе строительства новой жизни старые религии и верования постепенно уступают прогрессивному революционному мировоззрению. В Сам-Неа, в главной ставке патриотических сил, мне довелось беседовать с интересным человеком по имени Кхамсенг, встречаясь с его помощниками из группы по делам национальностей при ЦК Патриотического фронта Лаоса. Вот что они рассказали.

В первые же годы освободительной борьбы остро встал вопрос о создании единого общелаосского прогрессивного фронта. А для выработки программы и конкретных мер необходимо было выяснить этнический состав населения страны, выявить основные народности. С этой целью в 1950 году, сразу же после образования первого патриотического фронта Нео Лао Итсалы, была образована группа специалистов. Лишь к 1954 году она смогла сделать выводы и обобщения. Занимавшиеся этнографией Лаоса французские и другие иностранные этнографы колониального периода в своих исследованиях главное внимание уделяли изучению особенностей различных этнических групп, подчеркивая при этом то, что их разделяло. «Груды» имели известную политическую подоплеку, если вспомнить правило колонизаторов: «разделяй и властвуй». Патриотам-этнографам пришлось провести огромную и кропотливую работу, чтобы установить черты, объединяющие близкие народности и племена, определить основные этнические группы населения. Это было нелегко, если учесть военную обстановку, нехватку кадров, сложный состав населения Лаоса.

К настоящему времени, как принято считать, 2,5—3-миллионное население страны (первая и последняя полная перепись была проведена почти 600 лет назад, в 1376 году!) представлено, по неполным данным этой комиссии, 68 народностями и племенами. В результате исследований, проведенных специалистами группы по делам национальностей, установлены три основные группы народностей. Приблизительно 70 процентов населения относится к лао лум, куда входят лао, путьхай, лы, суон и тхуоне. Они близки по языку, происхождению и обычаям. 59 народностей и племен

условно относят в группу лао тхынг (лао тенг). У представителей древнейшего населения страны много общего в обычаях и обрядах, верованиях. Что касается языка, то народности и племена, объединенные в эту группу, нередко не понимают друг друга. Лао тхынг составляют около 20 процентов населения страны. Третья группа — лао сунги пришли в Лаос сравнительно недавно. Самые крупные из этой группы — племена мео.

Результаты этнографических исследований оказались полезными не только для проведения правильной национальной политики, но и для строительства новой жизни. Создана письменность лао тхынгов и лао сунгов на базе лаолумской. Появились первые школы, первые учебники, первые книги на этих языках. Радиостанции Патет-Лао ведут передачи на трех основных языках Лаоса. И когда жителям партизанских и Освобожденных районов задают вопросы об их национальности, они в последние годы гордо отвечают: лао лум, лао тхынг, лао сунг, причисляя себя к одной из крупных ветвей лаосского народа. Ведь раньше у некоторых народностей и племен даже названия были презрительные.

Многое меняется, многое еще предстоит изменить. Выступая против обычаем, уродующих жизнь, народная власть поддерживает национальные традиции, верования, обычаи и праздники.

Это относится и к буддизму. Многие буддисты и бонзы активно участвуют в движении Сопротивления. В пагодах и монастырях, там, где не хватает учителей и школ, буддийские монахи обучают детей грамоте по новым букварям и учебникам. Сохранился и «бун Пи Май» — веселый народный праздник Нового года лао лумов.

....Ночь. Неспокойная военная обстановка. Новогодний стол, хотя и бедный яствами. Как надежда на будущее. «Будет у нас еще настоящий «бун Пи Май», много их будет, даже более веселых, чем раньше, после того, как одержим победу», — говорит Тхуонг. — Вот увидишь, Иван, будут». Может быть, поэтому, когда очередь застольной праздничной песни дошла до меня, я вспомнил нашу войну, себя мальчишкой и ту далекую песню детства, выученную однажды в госпитале. «Будет еще небо голубое, будут еще в парке карусели...» — Тхуонг слово в слово перевел содержание. Подобрали на кхене мелодию. Вокруг сидят молодые и пожилые солдаты революции. Давно не были они в горных деревнях и городах. На коленях у одного из них вихрастый караглазый мальчиуган. Он тесно прижался к бойцу. Рядом молодая красивая лаоска в праздничном уборе: расшитая серебристой нитью по полу юбка-саронга, беленькая кофточка, в ушах серьги, высокая взбитая прическа. Она смотрит на бойцов и беззвучно плачет. Женщине восемнадцать. Муж был бойцом Патет-Лао. Погиб на одной из дорог. Она живет поблизости, помогает солдатам и приносит к ним, друзьям погибшего мужа, сына. Она знает, что такое безотцовщина. Ее отца убили французские колонизаторы в ту, первую войну. Бойцы где-то раздобыли бутылку рисового самогоня. Песни сменились воспоминаниями о далеких от сегодняшних фронтовых будней днях. Я тоже вспомнил «бун Пи Май». Так уж случилось, что из моих собеседников-лаосцев ни один, кроме меня, иностранца, не был ни разу в Луан-Прабанге, а тем более на «бун Пи Мае» в королевской столице. Вот как это было.

...В апреле 1964 года, а по лунному буддийскому календарю

в пятом месяце 2507 года, в Луан-Прабанг по королевскому приглашению съезжались министры, дипломаты и иностранные гости. В эти дни на луан-прабангский аэродром ежедневно прибывало по несколько самолетов. Когда не хватало гражданских, использовали военные. С лета 1962 года в Лаосе соблюдалось перемирие. И хотя страна оставалась разделенной на обособленные военно-политические зоны, находившиеся под контролем еще недавно воевавших группировок, в то время еще теплилась надежда на мир, на то, что тянувшиеся третий год переговоры между военно-политическими делегациями принесут желаемое решение спорных вопросов. На торжественных церемониях присутствовали видные деятели всех трех группировок. Год дракона, 2507 год буддийской эры лунного календаря, уступал место грядущему Году змеи. Никто тогда не подозревал, что до начала войны оставалось немногим более месяца.

Что же такое «бун Pi Mai»? Формально лаосский Новый год начинается в декабре нашего летосчисления, или в первом месяце года по лунному календарю. Но он проходит почти незаметно. Главное же торжество состоится в пятом месяце лунного года, которое и считается началом гражданского Нового года. Это связано, видимо, с добуддийскими верованиями, с древними празднествами в честь «обновления природы», накануне начинающегося с мая периода тропических ливней.

В лаосском новом году двенадцать месяцев. Каждый из них состоит из двух пятнадцатидневных циклов луны. Они носят обычные порядковые номера. Зато годы имеют свои собственные названия, которые повторяются раз в двенадцать лет. Их называют по именам животных — крысы, буйвола, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, олена, обезьяны, петуха, собаки и свиньи. «Бун Pi Mai» — древнее празднество народа земледельцев, взывавших к небу о ниспослании на землю долгожданного дождя. В эти дни обычно стоит страшная даже для этих мест жара — предвестница могучих тропических ливней.

Одеться по совету друзей пришлось попроще. Со всех сторон из подворотен и прямо с тротуаров на проходящих выливаются потоки воды из специальных горшочков, обычных ведер и даже брандспойтов. За это каждый раз приходится благодарить. Таков обычай. Особенно забавляются ребятишки и молодежь. Рынок гудит от птичьего гомона, мычания коров, визга диких зверей. Кого только нет здесь! Павлины и попугай, диковинные пернатые, мелкие дикие зверюшки. Покупают, особенно не торгуясь. Это тоже входит в праздничные обычай. Птиц и животных в Новый год выпускают на все четыре стороны. По улицам движется красочная пышная процессия. Несут в паланкинах статуи Будды и безмолвно сидящих живых почтенных бонз. На них со всех сторон низвергаются потоки воды. Крики, шум, звонкие мелодии кхенов. По улицам разъезжают и расхаживают вымазанные в саже, в масках или без оных, в самых удивительных нарядах или почти без них группы молодежи. Кхенам вторят удары в барабаны и консервные банки. Припевки сменяют одна другую. Их исполняют на ходу, да еще отделявая залихватские па. И так с утра и до позднего вечера. К вечеру поют охрипшими голосами и танцуют в более замедленном темпе. В домах угощают рисовым самогоном, кокосовым «шампанским».

Особенно много народа в пагодах, превращенных в места народных гуляний. По Меконгу плывут цветы лотоса и венки с устновленными на них горящими свечами. Во дворах и на берегу сооружаются из песка тысячи и тысячи пирамидок. Их украшают цветами, приговаривая при этом: «Пусть будет в Году змеи столько же счастья, сколько песчинок в построенной мною пирамиде».

Прямо на песке под кхены парни и девушки лихо оттанцовывают традиционный ламвонг, модерновые твист и шейк. В руках у них самодельные сабли и мечи. В кругу танцующих принцы и министры, простолюдины и предусмотрительно переодевшиеся в гражданское военнослужащие. Мы с трудом пробиваемся через этот галдящий, поющий, кричаший, безудержно веселящийся город...

Вслед за паланкинами с Буддами и живыми бонзами в один из храмов под веселые мелодии кхенов направляются странные существа. Их маски напоминают нечто среднее между свиным рылом и веселой собачьей мордой. Это своеобразные Адам и Ева — первые мифические предки лао лумов — и их верный «телохранитель». И снова потоки воды, крики, песни, танцы. В центре города работают современные развлекательные аттракционы: тирсы, лотереи, примитивные автоматы. Меняльные лавки едва успевают сортировать монеты и обслуживать желающих. Официально праздник продолжается шесть дней. В старину он растягивался на недели.

Но праздником праздником, а политика политикой. В королевском дворце правительство дает присягу на верность королю. В главный павильон допуск разрешен только официальным лицам. На лестнице дворца выстроились рядами образцы обуви всевозможных моделей — от сапог и до черных узконосых ботинок. Здесь даже министрам не дозволено появляться в обуви и идти во весь рост. Музыканты в роскошных древних одеждах исполняют соответствующие моменту марши. Один за другим в зале появляются представители Патет-Лао, правых и нейтралистов.

На время церемонии простолюдинам в королевский дворец доступ запрещен. Исключение сделано лишь для небольшой группы журналистов. Своеобразная дань веку.

Самое удивительное ожидает нас вечером. Королевский дворец расположен у невысокой горы. На ее вершине — башенка с подвешенными колокольчиками, которые позвякивают при малейшем дуновении ветра. Вечерами диковинные силуэты на склонах горы представляют сказочное зрелище. С трудом пробившись через многотысячную толпу, добираемся до королевского дворца. Взоры собравшихся уже устремлены на вершину горы. Обвив горную вершину, медленно спускается вниз огненный поток, напоминающий дракона. С обеих сторон за ним тянутся два длинных извивающихся тела легендарных змей — нага. «Посланцы неба» вползают в ворота дворца, двигаются по ковру к трону и падают у ног короля. Мы уже можем разглядеть «частички тела» легендарных чудовищ: это сотни и сотни мальчиков и девочек, одетых в праздничные наряды. Они держат в руках огромные свечи, украшенные разноцветными лепестками лотоса. Слабеющий дракон и сопровождающие его всесильные нага под восторженные крики толпы уползают из дворца. Год дракона уступил свою временную власть Году змеи.

Вокруг нас пальмы, стройные силуэты которых как бы накладываются на темно-синий небосклон. Огромную площадку подсвечи-

вают юпитеры. Сегодня они успешно конкурируют со стоявшими некогда на этой площади древними чашами-светильниками. Под заунывный «былинный» голос рассказчика, усиленный микрофоном, на зеленом ковре начинается феерическое представление по мотивам древнеиндийского эпоса «Рамаяна». Актеры в древних одеяниях всех цветов радуги, в остроконечных шапках, увенчанные драгоценностями, и сам «царь обезьян» Хануман переносят нас в сказочный мир, где реальные люди, слоны и свита Ханумана под причитания и старинные мелодии любят и ненавидят, воюют и милятся. Зрелище продолжается два часа.

Оставшаяся ночь была отдана танцам в сопровождении джаз-оркестра. Снова ламвонг сменяли шейки и твисты, ча-ча-ча и американализированный «танец обезьяны».

А ровно через месяц, 17 мая 1964 года, началась война. Американские самолеты сбросили первые бомбы на Долину Кувшинов.

...И вот я снова встречаю «бун Pi Mai», но уже на неммаратской, опаленной войной земле. Рано утром мы соорудили песчаные пирамидки, и каждый произнес традиционное: «Пусть будет в Новом году столько же счастья...» А через полчаса отсиживаемся в бомбоубежище. Годам змеи, лошади, олени, обезьяны и петуха, несмотря на предсказания звездочетов и колдунов, явно не повезло.

Пережидая очередной налет, беседую с Кхингом, председателем Неммаратского уездного комитета. Он рассказывает о том, как в 1965 году американские бомбардировщики превратили Неммарат в пустынью. В нем не осталось ни одного жителя. Большинство из них успело эвакуироваться в соседние джунгли и пещеры. Туда же перебрались народные школы, медпункты, магазины и мелкие предприятия.

Неподалеку от нас разместился магазин-фактория. Рисом и домоткаными одеждами население себя обеспечивает. Лишь иногда в трудные периоды приходится запрашивать из центра продовольственную помощь. А трудности возникали. На них-то и рассчитывало американское командование, проводя тактику «выжженной земли» в долинах, где выращиваются основные продовольственные культуры. Были уничтожены рисовые посевы. За каждым обнаруженным в поле крестьянином американские пилоты устраивали охоту.

Народной власти пришлось организовать переход на переложено-огневое земледелие, что заняло годы. Но иного выхода не было. Для этого на горных склонах выжигались небольшие участки и отводились под пашни. А ведь этими делами приходилось заниматься наряду с эвакуацией и рассредоточением населения, с налаживанием на новых местах элементарного быта. И все-таки планы Пентагона были сорваны.

— А в Неммарате стоит побывать, — сказал Кхинг. — Приедете сюда как-нибудь после победы и увидите — на этом месте будет стоять новый, возрожденный из пепла город...

По понес в воде перебираемся вброд под остатками рухнувшего моста. Сразу же попадаем на безмолвные улочки. Из всего города испытание огнем и напалмом выдержало около двадцати хижин на сваях. И ни души. Еще один город-призрак. За эту войну на лаосской земле я видел их десятки. И каждый раз в ответ слышал произнесенные с гневом — «Америка!».

Пользуясь преимуществом в военной технике (у Патет-Лао

нет ни авиации, ни противовоздушных ракет), американские стервятивники творят преступления. Но все чаще здесь, как и во Вьетнаме, их настигает суровая кара: смерть или плен. Для некоторых из воздушных пиратов последние боевые вылеты закончились здесь, на земле Махасая и Неммарата.

Американский пилот Дуан В. Мартин родился в 1940 году и лишь по рассказам знал о преступлениях нацистов в годы второй мировой войны. Да и о корейской авантюре Соединенных Штатов он знал тоже по рассказам. Но Дуан В. Мартин участвовал в другой войне. Он бомбил мирный Неммарат. Мы никогда не узнаем мотивы, которыми руководствовался этот американец. Если бы он был жив, то, видимо, как и другие, валил бы все на «приказ командования», на долг службы и высокое жалованье, за которое он почему-то должен был убивать лаосцев, оставлять после себя развалины городов. Но от Дуана В. Мартина мы уже ничего не услышим. Сгорел самолет, а его могилой стала одна из воронок от сброшенных им же авиабомб. От пилота остался лишь документ на имя Дуана В. Мартина, лейтенанта ВВС США, выданный ему в ноябре 1964 года; описание: глаза голубые, волосы каштановые; горсть американских центов, так и не понадобившиеся карта, компас и разговорник. На нейлоновом платке отпечатан американский флаг, а под ним на 14 языках, в том числе и лаосском, просьбы: «покажите помочь... за это будет хорошо заплачено...»

О втором пилоте, который также был сбит под Неммаратом, стоит рассказать подробнее. В те дни, когда я был в этом районе, он находился в плену. Несколько месяцев спустя ему удалось бежать. Но пока вернемся к событиям тех дней. Захваченный в плен американский пилот явно нервничал. В ответ на вопросы переводчика он тупо глядел перед собой и молчал. Лишь после того как патриоты осмотрели документы военнопленного, картина начала проясняться. Пилотом американского самолета, на совести которого уничтоженный древний Неммарат, оказался кадровый офицер ВВС США, он же уроженец и гражданин ФРГ. Среди прочих документов был найден западногерманский паспорт на имя Дитера Денглера, родившегося 22 мая 1938 года в местечке Вильдберг, выданный в городе Кальв (ФРГ) 17 июля 1956 года и продленный 24 августа 1964 года. Был обнаружен и еще один любопытный документ — военная карточка, выданная американским командованием лейтенанту ВВС США Дитеру Денглеру за № 683195.

После возвращения из Лаоса я опубликовал в «Правде» серию статей под названием «По стопам нацистов» — об участии бундесверовских офицеров в американской войне во Вьетнаме и в Лаосе. Но по тактическим соображениям умолчал в первом репортаже о том, что располагаю фотокопией документов Дитера Денглера. Несколько недель официальные представители ФРГ в Бонне и за рубежом, пресловутая радиостанция «Немецкая волна» публично «опровергали» корреспондента «Правды», якобы «грубо извратившего факты». Бежавшему к тому времени из плена «американцу» Дитеру Денглеру французский журнал «Пари-матч» отвел ударные полосы под душепитательную историю о бегстве из «вьетнамского плена». Все это прекратилось в один день, когда на страницах «Правды» были опубликованы фотокопии документов западногерманского гражданина Дитера Денглера. Интересно отметить, что, описывая в «Пари-матч» свою жизнь в «северовьетнамском плену»,

Дитер Денглер приводит слова конвоиров — «вьетнамцев», говорящих на лаосском языке.

...Вечером провинциальные власти устроили прощальный прием. Расходимся глубокой ночью. Хозяева — горными тропами по своим базам. Мы же завершаем приготовления к отъезду. Последними Тхуонг привязал в кабине водителя карабин и новенький кхен с дорогой надписью от жителей Махасая, города, который остался непокоренным. И еще с собой я везу письмо из Золотого свернутого листка, которое писалось коллективно здесь, в пещере при свете коптилок всеми присутствовавшими. В нем говорится: «Мы, представители патриотических организаций и частей Народно-освободительной армии провинции Кхаммуон, шлем пламенные поздравления братскому советскому народу. За годы длительной борьбы наша провинция добилась славных успехов в строительстве новой жизни, в борьбе против варварских действий американских империалистов и их наемников. Они пошли на страшные преступления, сровняв с землей города Неммарат и Махасай. Но наш народ не будет рабом. Мы добьемся независимости и свободы, счастья для всех. В этой борьбе мы получаем поддержку со стороны народов великого Советского Союза. Так пусть же процветает в веках прекрасная и прочная дружба наших народов. Успехов тебе, великий Советский Союз, в строительстве коммунизма». Через полчаса мы продолжали наш путь по одной из безымянных дорог, проложенной несколько месяцев назад сквозь дремучие джунгли.

Путь на Чепон

Над головой зловещим огненным шаром вспыхнула осветительная ракета. Раздался пронзительный вой реактивных самолетов, идущих на бреющем полете вдоль ночной дороги. Оставив у обочины замаскированную наспех ветками деревьев машину, мы с оружием наготове двинулись к ближайшим скалам, поддерживая раненых товарищей. Минут через двадцать нашли низкую, сырую, кишащую крысами пещеру. Как бы то ни было, а это самое надежное укрытие. В глубине пещеры развели костер. Делаем перевязки раненым, сушим обмундирование. Ожидая завтрака, бойцы тесной группкой уселись у выхода из пещеры и тревожно глядывались в ночное небо. Вдали над джунглями пылали десять осветительных ракет, слышались разрывы бомб и вой реактивных самолетов.

— Чепон, — с горечью в голосе проговорил Тхуонг.

Сидящий рядом с ним молоденький карабинер Бунен добавил:

— Да, снова бомбят Чепон.

И мы молча продолжали наблюдать за яркими сполохами ночного горизонта.

Так я впервые узнал о Чепоне, название которого в то время не сходило с первых полос газет. Западная пропаганда утверждает, что Чепон — главная перевалочная база на так называемой «тропе Хо Ши Мина», что город оккупирован частями вьетнамской Народной армии.

Через несколько дней я имел возможность поближе ознакомиться с чепонцами, с трагической судьбой самого города, с его героическими защитниками.

В небольшой крестьянской хижине, сооруженной из бамбука, член провинциального комитета Кхамфан рассказывает мне о пережитом. На столике неровным светом горит «летучая мышь», отбрасывая тень на истрепанную, видавшую виды карту Лаоса. Рассказывает он медленно, не торопясь, часто умолкая. Когда в небе появляются американские самолеты, гасим лампу, но беседы не прерываем.

В горной долине, где у слияния двух речушек рождается бурный Чепон, лежит мертвый, истерзанный город. При лунном свете развалины домов, свайных построек, гигантские заполненные дождевой водой воронки от бомб, черные стволы обгоревших пальм и над всем этим гигантская статуя бесстрастно восседающего Будды, чудом оставшаяся целой, рассказывают, что здесь побывал враг, что народ пережил страшную трагедию.

На карте Лаоса между 17-й и 16-й параллелями узенькая полоска шоссейной магистрали, рассекающая Лаос как бы на две части. Это знаменитая дорога № 9. Начинается она на берегу Меконга, у города Саваннакет, на самой границе с Таиландом, и идет дальше, прямо на восток. Минуя южновьетнамскую границу, дорога выходит почти к побережью Тихого океана. Из 220 километров этой важнейшей стратегической трассы к лету 1962 года, когда были подписаны Женевские соглашения по Лаосу, под контролем правой, проамериканской группировки осталась лишь третья — западный участок от таиландской границы. А остальная часть дороги № 9 оказалась в районе, контролируемом патриотами. Знаменитая магистраль — единственный удобный и кратчайший путь между пограничными районами Таиланда и Южного Вьетнама. Самым крупным и ближайшим городом освобожденных районов провинции Саваннакет, лежащим всего в нескольких десятках километров от южновьетнамской границы, является Чепон.

Первые налеты американской авиации обрушила на город в ноябре 1964 года. Уже в те дни народная власть призвала население к постепенной эвакуации из Чепона, и в первую очередь детей, старииков, женщин. В глубине джунглей были построены школы, медицинские пункты, магазины, созданы десятки поселков. На помощь населению пришли бойцы Народно-освободительной армии Лаоса. За несколько месяцев из города успели эвакуировать сотни семей. Люди уходили, оставляя в родных жилищах как последнюю надежду алтари предков и добрых духов. Во время одного из налетов в Чепоне было убито сорок семь человек. Но даже после этого около двадцати семей продолжали оставаться в городе. Они день и ночь молились перед алтарями добрых духов. У некоторых из них родственники были по ту сторону фронта. И лишь когда американские самолеты вывесили над городом десятки осветительных ракет, пылавших, по рассказам очевидцев, ярче солнца, а затем учинили варварский массированный налет, все перекочевали в джунгли. Таким был конец трагической истории города. В тропических лесах чепонцы освоили новые участки земли, собрали первые душистые колосья риса. Сотни мальчиков и девочек каждое утро проходят сквозь чащу джунглей в школы. Работают медицинские пункты. Вместе с горожанами в глубине джунглей живет и сорока-

летний мэр, коренной чепонец Тхонгсаа. Когда спрашиваешь чепонцев, что помогает им в таких условиях продолжать борьбу, они рассказывают об истории родного города.

Чепон был освобожден в мае 1961 года. За неполных четыре года мирной жизни было покончено с произволом и обирадательством со стороны реакционных властей, проституцией, азартными играми. Народная власть открыла в уезде свыше 60 школ, в то время как раньше их было всего 20. Те, у кого не было работы и земли, получили и работу и землю. Впервые двери больницы открылись для всех. Было покончено со спекуляцией. В городке появились первые государственные магазины.

Покидая родной город, каждый из его жителей унес в своем сердце частичку нового Чепона, веру в будущий прекрасный Чепон.

Вдоль зловещего коридора

Переходы становятся все короче, а места дневок отыскивать все труднее. В провинции Саваннакет горы бедны пещерами, и останавливаешься на рассвете приходится на берегу речушек в густых зарослях джунглей. Пригодились предусмотрительно захваченные гамаки и нейлоновые накидки от дождя. Их подвешиваем на нитях из лиан над гамаком. Получается что-то вроде двускатной крыши. От дождя она спасает. Но очень душно. Некоторые не выдерживают и располагаются прямо на опавшей листве под развесистыми тропическими великанами. Рассвет застал нас в небольшой опустевшей деревушке, недалеко от Мьянг-Фина. Десятка полтора хижин на сваях в беспорядке разместились на светлой поляне, окруженной со всех сторон темной стеной джунглей. Деревня поразила своим необычным видом. Здесь не было следов бомбардировок и обстрелов. И все-таки жители покинули селение. Еще одна загадка фронтового Лаоса. Не успели приготовить завтрак и вывесить промокшее насквозь обмундирование, как неожиданно над головой показались огромные силуэты восьмимоторных бомбардировщиков. Четко видна эмблема военно-воздушных сил США. Они шли двумя параллельными колоннами, в каждой по семерке. В тот момент, когда бомбардировщики проходили над деревушкой, дрожали стены и полы хижин. Загадка покинутой деревни прояснилась. Жители ее ушли, не ожидая, пока очередь «крововой дорожки» дойдет до них. Под прикрытием истребителей-бомбардировщиков транспортные самолеты С-123 сбрасывали на соседний горный кряж какие-то грузы. Видимо, здесь, в тылу Освобожденных районов, окопалась диверсионно-шпионская группа. Как правило, их забрасывают на самолетах, а затем всем необходимым они снабжаются с вертолетов или транспортных самолетов. Вдоль дороги № 9 уже ликвидировано несколько таких отрядов. Среди захваченных в плен бандитов оказались не только лаосские агенты ЦРУ, но также тайландинские и южновьетнамские группы особого назначения.

После короткого обсуждения решаем ночью продолжить путь. И так задержались. Нас четвертый день ждут в провинциальном комитете. В мирное время он размещался в городе Мионг-Фине, а сейчас — в одном из эвакуированных поселков. Приняв все меры предосторожности, чтобы в любой момент дать бой диверсантам, с наступлением сумерекдвигаемся дальше. У крупных переправ вперед высылаем дозор. Опасный участок миновали без происшествия.

И вот около трех часов утра наша полуторка, следуя самодельным указателям, въехала на мост трехметровой высоты, прошла полпути... а затем неожиданно накренилась набок и стремительно рухнула вниз, в высокую старицу реки. Все произошло так быстро, что лишь двое находящихся в кузове карабинеров успели выпрыгнуть на ходу. Через несколько секунд грузовик вверх колесами лежал на песчаном грунте. Если бы не оставшиеся от старого моста опоры, которые задержали грузовик в несколько наклонном положении, в живых осталось бы всего двое, те, кто успел выпрыгнуть на ходу. Четверо, в том числе водитель и я, отделались лишь контузиями и ушибами. Остальные ранены. Как можно быстрее оттаскиваем их от переправы, перевязываем. Теперь главное — замаскировать грузовик. Американские летчики держат переправы под пристальным наблюдением и добиваются ракетами застрявшие здесь автомашины. Двое карабинеров получили тяжелые ранения. Но мы пока бессильны оказать им серьезную помощь. Пытаемся разобраться: что же произошло? После тщательного анализа приходим к выводу, что обычная диверсия: знаки были ком-то переставлены, а часть моста разобрана и замаскирована.

— До утра остаемся на месте, — отдает спокойным голосом приказ командир. — Всем, кроме тяжелораненых, быть в боевой готовности. Проверить оружие и гранаты.

Видимо, в этом районе действует одна из диверсионных групп противника.

Утром высланный в разведку дозорный доложил, что рядом, в полукилометре от нас, оставленная деревушка. Днем мы не только установили связь с местными властями, но и с дорожным отрядом, временно разбившим свою стоянку в пещере, находящейся недалеко от нас. Местные жители выделили целый отряд носильщиков и предложили взять на себя заботу о раненых. Бойцы дорожного отряда с наступлением сумерек вышли к переправе. Всю ночь в короткие передышки между налетами кипела работа. К утру машина стояла всеми четырьмя колесами на песке, а через полчаса медленно, метр за метром начала выползать из злополучной старицы. А кто-то еще уверяет, что чудес не бывает!

Так состоялось мое знакомство со зловещим «коридором» и секретной операцией ЦРУ, которая получила условное обозначение «Средний Лаос». Ее кодовое название, а также детали плана держатся за семью замками. Впервые об этой операции стало известно в сентябре 1967 года из заявления Р. Макнамары, бывшего в то время министром обороны США. Некоторые подробности прояснились весною 1968 года из допросов военнопленных и документов, захваченных у них. Кое-какие детали просочились на страницы американских газет. Зоной операции «Средний Лаос» (на территории Южного Вьетнама она носила условное название «Линия Макнамары») был выбран широкий «коридор», идущий к северу

и югу от дороги № 9. Она проходит от таиландской границы через Саваннакет, Фаланг, Мьонг-Фин, Чепон, Банхуэйсан и продолжается далее на южновьетнамской территории через Лаобао, Кхесань и Донгха.

Главная цель секретного плана заключается в разделении Освобожденных районов Лаоса на два изолированных фронта и в соединении 50-тысячной американской группировки в Таиланде с экспедиционным корпусом США, действующим на южновьетнамском фронте, а также в изоляции Нижнего Лаоса и Южного Вьетнама от внешнего мира. В начале 1968 года «Вашингтон пост» сообщила, что осуществление операции лишь на территории Лаоса обойдется в 750 миллионов долларов. На первом этапе наблюдение за «барьером» будет вестись с самолетов, использующих радиолокаторы с боковым обзором. Это, по мнению американских военных специалистов, должно обеспечить полное прочесывание определенных участков района. Радиолокаторы предполагалось дополнить наземной системой разнообразных электронных приборов, способных фиксировать передвижение людей и военной техники. На последующих этапах предусматривалась оккупация зловещего «коридора» с таиландского и южновьетнамского плацдармов.

Один из командиров Патет-Лао сообщил нам интересные детали. Весной 1968 года в один из районов, расположенных в 30 километрах к югу от Саваннакета (начального пункта «коридора» «Средний Лаос»), тайно прибыло свыше тысячи американских и таиландских солдат и офицеров войск особого назначения. Спустя некоторое время они, разбившись на группы, переместились в неизвестном направлении. С начала 1968 года американские бомбардировщики начали массированную обработку отдельных районов вдоль дороги № 9 ядовитыми химическими веществами и напалмом. Одновременно усилилась заброска сюда групп особого назначения. Но намеченное на 1968 год крупное наступление было сорвано из-за успешно проведенной патриотами операции по ликвидации диверсионно-шпионских гнезд на территории Освобожденных районов.

Забегая вперед, расскажу о событиях, разыгравшихся осенью 1969 года в «зловещем коридоре». В конце августа в Саваннакете на секретном совещании американских советников были окончательно доработаны детали видоизмененного плана «Средний Лаос». Главные операции были намечены на сентябрь. После варварских многодневных бомбардировок (до 500 самолето-вылетов в сутки) крупные силы «специальных войск» правых и части таиландских наемников, переодетых в лаосскую форму, под прикрытием американской авиации захватили Чепон, Мьонг-Фин и ряд других пунктов на дороге № 9. Первые эшелоны десанта обслуживались транспортными самолетами американских компаний «Эйр Америка» и «Континентл эйр сервисис», которые не только перебрасывали оружие и боеприпасы, но и целые подразделения. Однако и на этот раз Пентагону не удалось осуществить полную оккупацию «тревожного коридора». Части Народно-освободительной армии оказали серьезное сопротивление. Удерживая за собой ключевые районы, они на ряде участков фронта потеснили противника. С осени 1969 года саваннакетский «перешеек» становится одним из самых горячих фронтов Лаоса. Но все это произойдет несколько позже, а пока...

Связного, о котором сообщалось в телеграмме главной ставки,

на месте очередной стоянки не оказалось. Это намного удлинил путь. Придется идти до тех пор, пока не попадем на одну из баз провинциального комитета, где сможем предъявить наши мандаты. А пока будем на положении подозрительных: документы центра, выправленные по форме, есть, а подтвердить их некому. Нет оснований нас задержать, но и нет полной уверенности в том, что мы те люди, на имя которых выданы документы. Поэтому никто не решится указать нам кратчайший путь до провинциального комитета. Здесь, в горах, не торопятся с выводами. А вдруг наш отряд — переодетые, с фальшивыми документами диверсанты? На последней дневке из-за густых зарослей бамбука неожиданно рядом с нами появился воин с луком, «боекомплектом» отравленных стрел и ядовитой змеей, которую он перекладывал из руки в руку. Половив змею на землю, незнакомец, сложив ладони, отвесил три поклона. А затем снова взял змею в руки и молча сел рядом.

Теперь и мы могли разглядеть его. Набедренная повязка, шейный амулет из костей и белые ниточки баси на запястье левой руки. Руки, ноги, бедра, грудь и спина в замысловатых узорах татуировок. На мускулистом теле шрамы от ран. Лишь минут через двадцать завязывается традиционная беседа о здоровье, погоде. И неожиданный вопрос ко мне: «Америка?» Получив отрицательный ответ, незнакомец в знак согласия качает головой и погружается в игру со змеиной головой. Потом жестами и улыбкой изображает падающий самолет, удар, падение человека и в недоумении разводит руками: как, мол, остался жив?! Остальные возможности появления в этих краях «бледнолицего» он отвергает. Карабинеры разъясняют ему, что я не американец, а друг из далекой отсюда страны «Совьет». Но он неумолим. Ему хочется еще раз проверить мою реакцию на мимический рассказ о сбитом американском летчике, который остался жив. Перед вечером воин неожиданно исчезает.

Может быть, это мимолетная встреча у начала горной тропы и прошла бы незаметной, если бы о ней не напоминали десятки других, ей подобных. Это были своеобразные проверки: действительно ли я друг, а не «Америка»? Через час после исчезновения воина со змеей у нашего бивака появились сразу восемь горцев с бамбуковыми шестами в руках. Снова по три земных поклона. Прибыли долгожданные носильщики. Договориться о них удалось прошлой ночью Бунгону и Тхуонгу. После утомительных поисков они установили связь с племенем, эвакуировавшимся в соседние джунгли. Переговоры окончились успешно: нам разрешили вступить на горный племенной тракт и выделили группу носильщиков до ближайшего «перекладного пункта». Машину с запасами продовольствия под охраной водителя оставляем здесь до нашего возвращения.

Горные районы Среднего и Нижнего Лаоса иногда называют землей лао тхынгов. Лао лумы здесь составляют большинство лишь в городах и в плодородных долинах Меконга. Лао тхынги отличаются от них не только по языку и обычаям, но и по физическим данным. Меньше рост, темнее пигментация кожи. В лаотхынгских селениях и деревнях не встретишь пагод и буддийских священнослужителей. Но на каждом шагу нужно быть предельно осторожным, особенно в зонах «святых лесов» — местах поклонения горным и лесным духам, святым камням, ручьям и животным.

Мы шли по горным тропам, описания которых нет даже в путеводителе Мадроля, самом подробном и полном дорожном справочнике, последнее издание которого вышло перед второй мировой войной. Впрочем, еще в Кхаммуоне от стариков путхав я слышал рассказ о том, что во времена их детства, накануне прихода французских колонизаторов, по горным тропам этого района прошли две группы «бледнолицых» из далекой страны, лежащей за Великим Китаем. Речь, видимо, шла о российских землепроходцах. После возвращения в Москву мне попал в руки экземпляр студенческого диплома аспиранта МГУ И. Морозова о россиянах в Индокитае со ссылками на ставшие библиографической редкостью книги и неизданные рукописи. Оказывается, уже в конце прошлого века русские землепроходцы и путешественники добрались до Страны миллиона слонов и белого зонта. Они прошли по горным тропам с востока на запад по Среднему и Нижнему Лаосу — Лаотхынгии и описали доколониальный Лаос накануне захвата его французскими войсками.

Первым по этим тропам прошел в 1891 году известный в свое время российский дипломат, путешественник и публицист Г. А. де Воллан. А в 1892 году здесь по одному из «белых пятен» Азии проложил маршрут знаменитый землепроходец и географ К. А. Вяземский. О своих лаосских впечатлениях Г. А. де Воллан рассказал в книге «По белу свету», изданной в Санкт-Петербурге в 1894 году. Рукописные же дневники К. А. Вяземского «Путешествие вокруг Азии пешком» так и не были изданы целиком. После смерти автора они перекочевали в отдел рукописей библиотеки имени В. И. Ленина.

Г. А. де Воллан подробно описывает физический облик, одежду и обычай лао тхынгов. И делает вывод, который мы не найдем ни у одного французского бытописателя Лаоса того времени. «Лаосцы, — пишет Г. А. де Воллан, — пользуются репутацией храбрейших и занимают в этом отношении первое место среди народов Индокитая». Судя по всему, он имел в виду прежде всего лао тхынгов, у которых успел побывать сам. Для сравнения приведу высказывание французского колониального офицера тех же лет. «Лаосцы, — утверждал он, — по своему характеру мягки, робки и безвольны. Именно это повиновение перед дисциплиной мешает им подняться на бунт против ужасного обращения».

Не менее интересны описания и К. А. Вяземского. Он также подробно останавливается на рассказе о быте племен, пребывании в резиденции чампассакского короля. Особого внимания заслуживает описание жизни наиболее угнетенных слоев. «В Сиаме рабами служат все захваченные в лесах мои, путай (путхай. — И. Ш.), седаны (то есть лао тхынги и лао лумы из соседнего Лаоса. — И. Ш.) и другие племена. Людей продают в рабство и на срок... Иногда родители продают своих детей в рабство». В некоторых районах Верхнего Лаоса, находящихся под контролем правых сил, до сих пор сохранилась пожизненная долговая зависимость.

Рассказы русских путешественников в моих дневниках дополняют выписки из старых летописей, сохранившихся на полуистлевших пальмовых листьях. Они и поныне хранятся в некоторых буддийских пагодах: «Общество (речь шла о Лаосе XVIII и начала XIX века. — И. Ш.) делится на знатных, простолюдинов и рабов... В отличие от других, кха (лао тхынги. — И. Ш.) облагаются не

подушным налогом, а обложениями на всю деревню или племя. Иногда эти селения должны поставлять и рабов».

На этом, пожалуй, не стоило так подробно останавливаться, если бы в многочисленных книгах и статьях, изданных на Западе и посвященных Лаосу последнего столетия, авторы не делали упора на экзотику, забывая о страшных пережитках прошлого, поддерживаемых колониальными властями. Этим небольшим отступлением мне хотелось объяснить, почему в свои дневники я заносил рассказы о прошлом, без которого трудно понять настоящие проблемы современного Лаоса.

Что же изменилось с тех пор? К 1905 году Франция формально полностью установила протекторат над нынешними районами Среднего и Нижнего Лаоса, принудив Сиам отказаться от опеки над некоторыми из этих областей.

А через сорок лет кончилось колониальное господство самой Франции в Лаосе. Последнюю четверть века в древней Стране миллиона слонов и белого зонта идет непрерывная освободительная борьба против неоколонизаторов, интервентов и сил внутренней реакции, на которые первые пытаются опираться.

Потомки „диких рабов“

Лунными ночами с караваном носильщиков по пробитым сквозь джунгли горным тропам вступаем на землю Лаотхынгии. Особенно трудно даются подъемы. В отряде несколько раненых. Нелегко и воинам-носильщикам. Они идут с частыми короткими остановками. И тогда длинная цепочка людей на каменистых площадках образует круг, обозначенный красными огоньками цигарок. Их скручиваю из древесных листьев. От крепкого «табака» першият в горле. Перед выходом каждый раз всматриваемся в ночной небосклон, вслушиваемся в дремотную тишину джунглей, изредка прерываемую свистом гиббонов, звериными рычаниями и криками птиц. В одной из долин на поляне — небольшая деревушка. Десять хижин на сваях разместились под кронами огромных деревьев. И лишь когда вступаем на сельскую улицу, убеждаемся, что перед нами еще одна деревня-призрак.

Один из носильщиков подходит к перекладине с подвешенной на ней бамбуковой дощечкой. Бьет по ней со всего размаха несколько раз. По горам раскатывается звонкое эхо. Минут через двадцать из кустов появляются двое воинов. Только татуировка на их телах несколько иная, чем у наших носильщиков. Они о чем-то совещаются с вновь прибывшими. Наконец нам сообщают: скоро прибудет новый отряд носильщиков из племени, которое обслуживает следующий участок тропы. Один из воинов, явившихся по условному сигналу, уже отправился за ними в эвакуированное стойбище. А наши носильщики этой же ночью вернутся назад. На рассвете прибыл новый отряд воинов. Со старинными тесаками и луками, босые, в набедренных повязках. Через два-три километра очередная смена наряда.

На стук бамбуковой дощечки вышло четверо светлокожих парней двухметрового роста. Они молча оглядели поклажу, пересортировали ее в два места, легко взвалили груз на бамбуковые носилки и первыми двинулись в путь. Лишь раз парни сделали остановку — у пяти хижин на высоких сваях. В одной из них, где висел большой портрет принца Суфанувонга, мы разместились. Наши провожатые оказались местными жителями из народности путхай — лао лумами. Удивительно красивые женщины вынесли плоды кокосов. От мужчин они держались на расстоянии. Вот одна, сложив ладошки вперед, чуть согнувшись, стремительно пробегает от хижин к хижине, огибая метров за пять нашу мужскую компанию. Оказывается, по путхайским обычаям женщина не имеет права пройти между говорящими мужчинами.

Так от селения к селению добрались до небольшой деревни лао тхынгов.

Хижина главы племени. В разгаре солнечный день, а здесь, под низкой прокопченной крышей, бушует пламя разведенного очага. По ночам, опасаясь налета, очаги не жгут. Носильщики-воины, обслуживающие очередной участок горного «тракта», уже здесь и отдыхают в соседних хижинах. На косогоре, где временно разместились эвакуировавшиеся, кипит работа. Толкнут в каменных ступах рис, сооружают загоны для скота, готовят пищу... 18 хижин на сваях, 18 семей. Всего около ста человек. Несколько месяцев назад на одну семью было больше. Да и жили они не здесь, а в низине, в полутора километрах отсюда. Край оставленной деревни виден с косогора. Из-за бомбардировок пришлось перебраться поближе к «священному лесу». Об этом нам рассказывает Ван, тридцатилетний глава племени. Сам он активно участвует в освободительном движении с 1961 года. Одним из первых перенес сюда бамбуковую дощечку — алтарь предков и добрых духов. С этого и началась новая деревня. За ним последовали другие. В первый же вечер Ван познакомил меня с самыми уважаемыми соплеменниками. Старик Планг родился более шести лунных двенадцатигодичных циклов назад. Он не застал дофранцузского Лаоса, а вот работоторговцев и вереницы рабов помнит. Планг монотонно, с большими остановками рассказывает:

— Раньше нас называли «кха» — дикие рабы. Ни я, ни мой отец, ни мой дед не застали былого величия нашего народа, нашей страны. Нам выпала иная доля — унижения и позор. Сколько наших соплеменников познали рабство и погибли на чужбине, в далеких краях, так и не увидев перед смертью свободу и родную землю. Вот почему нас называли «кха» — дикие рабы. Но наши предки мужественно защищались, не раз наносили поражения армиям захватчиков. Дед моего отца был одним из участников битвы с сиамскими полчищами. Сражение длилось три дня и три ночи. Эту битву проиграли лао тхынги. Сиамцы, обозленные упорным сопротивлением, устроили дикую резню и погромы в мирных селах и городах. Те же, кто выжил и не успел скрыться в джунглях, были уведены в плен и проданы в рабство. Рассказывают, что после резни от одного из племен, насчитывавшего более 200 тысяч человек, осталось всего четыре тысячи.

В беседу вступает Лой, сухонький старичок с редкой белой бородкой. Он поправляет набедренную повязку, проводит руками

по бороде и, обращаясь ко мне, медленно говорит. Тхуонг фразу за фразой переводит его слова:

— О чужеземец, о сыновья и внуки мои! Я расскажу, что сам видел, что было на моей гаснущей с каждым днем памяти. В годы моей юности старики считали, что свою свободу мы потеряли из-за междоусобиц и предательства. Лао тхынги и лао лумы воевали друг с другом, чтобы захватить добычу и военнопленных, превратить их в рабов...

Бьется огонек коптилки. Рядом с луками висят на перекладине карабины. Сквозь щели бамбуковой стены виден темный провал бомбоубежища. Сидим молча, ждем продолжения рассказа. Но старик устал.

— Да, — вступает тогда снова в беседу Планг, — главное нам теперь — это держаться сплоченно, вместе мы великая сила.

Расходимся за полночь. В хижине предводителя на циновках — дети, жена, он сам, я и Тхуонг. Душно. Бредит большой ребенок. Так и не сомкнув глаз, перебираюсь по шаткой лесенке вниз. Натягиваю между деревьев гамак, нейлоновую накидку, москитник и заваливаюсь спать. Просыпаюсь от прикосновения чьей-то руки. Ван тянет меня в бомбоубежище: «Пай, пай, сахай!» («Идем, идем, товарищ!» — *лаосск.*) Над долиной на уровне нашего склона американские самолеты сбрасывают бомбы на квадраты полей и дорогу. Детский плач, причитания женщин, мычание скота, тревожный гомон петухов сливаются с воем реактивных двигателей. И так минут сорок. А затем деревушка снова погружается в тревожную дремоту фронтовой ночи.

Днем, проснувшись от громкого разговора, снова вижу тихую деревушку на горном косогоре. Рядом со мной на зеленой лужайке беседуют два лаосца. Их лица показались знакомыми. Действительно, мы встречались в Сам-Неа. Они растирают опухшие ноги. Рядом на земле — длинные белые мешки вроде наших шинелей-скаток, набитые рисом. Тесаки, пистолеты и фуражки бойцов Патет-Лао. К верхнему карману походных вещмешков привязаны чашка, кружка, фляга и фонарь. Мои знакомые — бывшие курсанты политического училища Патриотического фронта Лаоса в главной ставке Патет-Лао. Закончив учебу, будущие комиссары получают направление в самые дальние районы Нижнего Лаоса. Минуло почти четыре луны — около двух месяцев с тех пор как они отправились в путь. А впереди еще столько же.

В гости к нам пришли местные девушки Сам Ди, Ван Ди, Ван Тхон. Им по 14—16 лет. По местным обычаям они уже невесты. Многие молодые ребята из селения ушли на фронт. И девушки остались без женихов.

Один из комиссаров рассказывает о том, что до сих пор среди племен этого района распространен обычай ранних браков. Замуж выходят с 12—14 лет. К двадцати годам у некоторых уже по пять-шесть ребят мал мала меньше. За невесту платят большой калым. Муж или его родители оказывают семье регулярную материальную помощь вне зависимости от того, живет он в семье или нет. В том случае, если муж не имеет с семьей связи в течение нескольких лет, жена и родители вправе договориться с другим женихом. Но тот уже калымма семье жены не платит. Такая история произошла с моим другом чепонцем Тхуонгом. Явился он в деревню, а его жена (в день свадьбы ей было около 13 лет)

живет с новым мужем. Увидев Тхуонга, она заплакала и просила взять ее обратно с ребенком от нового мужа. По обычаям первый муж в любое время сохраняет за собой право вернуть жену или же оставить ее с новым мужем, взяв с него сумму внесенного калыма.

— Долго думал я, — рассказывает Тхуонг, — а под конец решил: не нужен мне калым. Не буду рушить новую семью. Погостили у матери и отца еще два дня, да и отбыл в партизанский отряд.

Если семьи создают кадровые работники организаций Патриотического фронта, то калым за невесту не выплачивается. Для них введены негласные возрастные ограничения: девушкам рекомендуется выходить замуж не моложе 18—23 лет, а юношам и молодым людям от 25 и старше. Но если кадровый работник Фронта женится в своей деревне, то он следует обычаям предков.

Один из комиссаров берет кхен, и на лужайке перед хижиной начинается лаосский круговой ламвонг. Позвякивают браслеты и ожерелья, блестят глаза Сам Ди, Ван Ди и Бан Тхон. А через несколько часов мы покидаем гостеприимную деревушку. Вместе с нами уходят и комиссары. Кто знает, может, они еще вернутся сюда за невестами.

Загадки джунглей

На этот раз передвигаемся днем по тропам, прорубленным в густых зарослях джунглей. Сюда с трудом пробиваются рассеянные солнечные лучи. Во влажном полуутраце редко встретишь даже диких зверей. Единственное преимущество этих троп — возможность передвигаться в любое время дня и ночи. Они короче и безопаснее и в большей своей части невидимы, а значит, практически недостижимы для прицельных ударов американских пилотов. Первый привал делаем у сложенных пирамидками камней. Рядом с ними на деревьях тесаками вырублены непонятные знаки. Двенадцать воинов-носильщиков, сгрудившихся около пирамид, что-то обсуждают. «Кха тон лыон?» — спрашивает у них наш попутчик комиссар. В ответ дружные кивки в знак согласия. «Кха тон лыон» в переводе означает «дикари желтых банановых листьев». Или, как их раньше называли: «кха лыон» — «желтые рабы». Даже у местных оседлых племен эти люди вызывают интерес. Кха тон лыон собирают дикорастущие плоды и коренья. Кочуют они в дремучих джунглях. А времененным жильем им служат своеобразные шалashi-хижины из стволов и листьев диких бананов. Через неделю листья желтеют, и «желтые рабы» кочуют дальше. Занимаются они также охотой на диких животных. Мужчины кха лыон славятся физической силой. Прямо с локтя могут моментально натянуть тетиву лука и выпустить отравленную стрелу точно в цель. Одно из лакомых блюд — растертая в порошок кора дерева коса.

На месте стоянок кха лыон остаются пожелтевшие шалashi да огромные деревья коса с ободранной корой, которая идет не только в пищу, но и на одежду. Тщательно вырезанный цилиндр сня-

той коры отмачивается в воде. Из получившегося твердого обода сооружают нечто вроде плотной нестигаемой мини-юбки. Для разжигания огня кха лыон используют кремни. Убитые туши животных и птиц предварительно обжаривают на костре. Живут «желтые рабы» небольшими группами и семьями. Иногда они выходят из джунглей, чтобы обменять собранные ими лесные дары и охотничьи трофеи на необходимые вещи. В последнее время охотно берут ножи и ткани. До сих пор «желтые рабы» подпиливают зубы. Это по их поверьям защищает от врагов, злых духов и придает силу воину. Вот все, что рассказал о кха лыон комиссар. Он не раз участвовал в торговых операциях с «желтыми рабами». Кха лыоны около определенного места, помеченного грудами камней и вырубками на деревьях, оставляют коренья, плоды, рога диких животных и уходят в сторону. Сюда надо положить вещи, предлагаемые для обмена и тоже уйти. Если кха лыон забирают принесенные вещи, значит, мена состоялась. Нет — все приходится начинать сначала.

На этот раз мы разбили бивак около одного из бывших ме-няльных мест. Народная власть, несмотря на трудности, связанные с войной, делает все возможное для оказания помощи этим отсталым племенам.

Во время перехода я услышал от воинов-носильщиков еще одно подтверждение рассказа генерала Синкало о «лесных людях» — тропических двойниках нашумевшего в свое время «снежного человека». Они обитают в джунглях, на склонах Длинного (Аннамитского) хребта в Среднем и Нижнем Лаосе. Тхак-тхе («лесные люди») двухметрового роста. Руки у них длиннее, чем у человека того же роста. Тело густо покрыто бурой шерстью. На лице за исключением бороды растительности нет. Питаются они клубнями и плодами. Живут одной-двумя семьями. Не знают, что такое огнь. Ходят несколько согнувшись. Отлично лазают по деревьям. Между собой «разговаривают» какими-то гортанными криками. Интересно, что рассказ о «лесных людях» мне довелось слышать и по ту сторону Длинного хребта от южновьетнамских партизан. В Южном Вьетнаме такие же истории записал австралийский журналист Уилфред Бэрчетт. Еще одна загадка таинственных джунглей, которую можно будет разрешить в Лаосе в лучшем случае после окончания войны.

То и дело на пути попадаются затянутые дымкой черно-красные пластины на склонах гор. Это лао тхынги выжигают участки горных джунглей под поля. А через два-три года все повторится снова. Участочки небольшие — такие трудно прицельно бомбить. Кое-где на выжженных полях зеленеют суходольный рис, кукуруза и маниока. Вместе с выжигальщиками-лесорубами входим в небольшую деревеньку лао тхынгов. Разбросанные в беспорядке хижины на сваях. Нас встречают землепашцы-воины в набедренных повязках. Луки и стрелы — за спиной, острые тесаки — на поясе.

Карабинеры, не говоря уже о нас с Тхунгом, несколько устали. Ноют разбитые в кровь ноги, побаливает контуженная спина. Добрившись до очередной стоянки, отлеживаемся все свободное время. Представитель местной власти в эвакуированном поселке долго мусолит в руках наши документы, а затем просит одного из комиссаров прочитать их вслух. Только после этого он

ведет нас в хижины. В деревнях лао тхынгов я ни разу не видел ни гончарного круга, ни глиняной посуды собственного производства. Обходятся бамбуком и кокосовыми плодами. Скорлупы плодов кокосового дерева приспособливают под сосуды самого различного назначения. В них носят из горных ручьев воду. Из бамбука делают почти все: хижины и водопровод, загоны для скота и факелы, походные фляги и перечницы, мебель и переправы через горные реки, курительные трубки и кхены. Молодые побеги бамбука идут в пищу. Недаром сложено о нем столько легенд и песен.

Традиции и освободительная война

За околицу деревни выходит молчаливая процессия. Ее возглавляет колдун-шаман, одетый в ритуальные одежды. Узкая колонна в безмолвном молчании движется к ближайшему лесу. Мы следуем за ними в хвосте процессии. В «священном лесу» остановка. В нем хоронят жертвы последнего налета американской авиации. По древним верованиям ушедших «в мир иной» будут охранять добрые духи. Каждое племя, селение и даже город имеет свое святилище — «запретный лес».

Выдолбленные из цельного железного дерева гробы опускают в землю. Над могилой постепенно вырастает небольшой холмик из земли, насыпанной горсть за горстью соплеменниками. Наверху одного из холмов кладут нож, мотыгу, корзинку для вещей. Сами одежды и необходимые вещи уложены заранее в долбленах саркофаге. На другой холм ставят корзинки для риса, плетеные ведра. Все это по поверьям лаосцев понадобится и после смерти. Но чтобы какой-нибудь случайный путник не воспользовался последними дарами родных и близких, котелок прорыкается, а мотыга переламывается. По обе стороны холмиков сажают деревья, чтобы легче было найти место захоронения. Местный колдун совершает последний обряд. Тризна по умершим скромная. Война.

И все-таки до сих пор старинные обряды настолько расточительны, что оставшиеся в живых вынуждены долго за них расплачиваться. Прочный гроб-долблена стоит одного-двух буйволов. Угощения деревне, расходы на ритуальные церемонии колдуну, поминки через два или три года. Еще совсем недавно на поминки приходилось закалывать от двух до двенадцати буйволов, не считая свиней и кур. До сих пор многие лао тхынги еще верят в духов. И причиной этому длительная война, которая приносит страданий, горе, потерю родных и близких.

— Хочешь быть сильным, чтобы тебя любили девушки? — шутливо спрашивает меня Тхуонг и сам же отвечает: — Ну, тогда, дружище Иван, придется тебе разукрасить тело татуировкой.

У самого Тхуонга, хотя он и коренной лао тхынг, татуировки нет. Многие молодые парни и девушки Освобожденных районов уже отказываются следовать подобным традициям. Но еще живы мастера этой профессии. Есть пока у них и довольно многочисленная клиентура. Бунгон, услышав наш разговор, сказал:

— У меня тоже нет татуировки, а вот мой дед — большой любитель. Самое смешное, что недавно он попросил выколоть ему еще два рисунка: полуторку и зенитку.

Краской для татуировки служат клубни дикорастущих растений. Секреты приготовления особого состава передаются из поколения в поколение. У лао тхынгов я ни разу не видел словесных татуировок. Это считается кощунством. Сохраняются многие другие древние обряды и празднества.

Мы опоздали на самый большой лаотхынгский праздник — «Пхаму» — «Духа свиньи». Но до сих пор все полны воспоминаниями о нем. Нас водили по деревне, на ходу демонстрируя обрядовые танцы и ритуальные церемонии. По такому случаю даже деревенский колдун разрешил войти в его дом и полюбоваться ритуальными одеждами. «Пхаму» празднуется в четвертом-пятом месяце лунного календаря. Есть еще праздник «Пхакай» — «Духа куры». Он приходится на конец года. Свиньи и куры — жертвенные приношения духам-покровителям. Остальные праздники и церемонии носят более ритуальный характер, менее пышны и связанны с конкретными событиями: свадьбой, победой.

В лаотхынгской деревушке, где мы находимся, недалеко от дома шамана стоит уменьшенная модель хижины на четырех сваях. К «священному жилищу» духа-покровителя доступ запрещен, кроме праздничных дней «Пхаму» и «Пхакая». По случаю праздника местный шаман Вет вырядился в ритуальные одежды. Вокруг головы медный обруч, стянутый на затылке, с него свисают в беспорядке разноцветные нити. Талия перетянута красным поясом. В ушах толстые бронзовые кольца. На шее бусы из разноцветных каменьев. С головы ниспадает коса. В руках Вет держит длинную красную мантию — одежду, которую он надевает при ритуальных колдовских танцах.

Я уже наслышан и о самом Вете, и о его помощнике. Профессия шамана передается по наследству по мужской линии. Шаманы-колдуны как бы посредничают между соплеменниками и духами. До недавнего времени они выполняли и функции мирового судьи, разумеется за немалую мзду. Самое распространенное наказание — «штраф» в 1—3 кувшина рисового самогона впридачу с вареной курицей. После уплаты «штрафа» виновный приносит извинение. А затем на принесенное «штрафное» устраивается своеобразная вечеринка с участием правого, виновного и мирового судьи. Таков обычай. Фактически в руках шамана до недавнего времени сосредоточивалась не только духовная, но и светская власть над соплеменниками. Правда, шаман в отличие от других имел право только на одну жену, не мог заниматься торговыми операциями. Но если верить многочисленным анекдотам, колдуны искусно, как и христианские монахи, обходили эти строжайшие запреты.

Не было в стойбищах и селениях людей богаче, чем шаман-предводитель. Ему доставались и самые здоровые рабы, и лучшие военные трофеи. Французские колонизаторы нередко назначали шаманов старостами или вводили их в местные органы колониальной власти.

Патриотам приходится учитывать традиции и местные условия. Устанавливая на местах демократические органы власти, они разрешают сохранять обряды и обычай, которые приняты испокон веков, направляя их таким образом, чтобы они не шли вразрез

с политической линией Патриотического фронта. Любопытно, что меняются и сами колдуны, — следуя духу времени, они добровольно отказываются от больших приношений. Вет после «маскарада» в беседе со мной сказал, что он поддерживает народную власть, осуждает агрессию американского империализма. Пожаловался, что его сыновья не желают продолжать семейную традицию.

— А ведь я не только выступаю в роли духовного отца, — сказал он, — а часто помогаю налаживать добрые отношения в семьях. Это не так легко, как может показаться на первый взгляд.

— Есть ли разводы?

— Да, но по обычаю за него нужно дорого расплачиваться.

У лао тхынгов этого района огромный по здешним понятиям бракоразводный штраф платит возбудивший дело. Если же оба супруга требуют развода, то штрафуют обоих, да еще и их родителей. Штраф составляет 7 дорогих старинных монет, кувшин рисового самогоня и курицу. С установлением народной власти в ряде районов свадебные церемонии и бракоразводные процессы упростились. Но крепких семей стало больше вопреки предсказаниям шаманов.

А теперь время вернуться к «Пхаму», без которого рассказ о лаотхынгской деревне был бы неполным. К празднику в семье готовятся заранее, иногда за несколько месяцев. В прохладных погребах выдерживают «сухую водку». В твердых плитках она может храниться многие годы. Секреты ее изготовления, если судить по археологическим данным, были известны по крайней мере два-три тысячелетия назад. После разбавления водой получается двадцати-тридцатиградусный сладковатый напиток, который до сих пор широко применяется в народной медицине. В последнее время для ритуальных целей и праздничных торжеств все больше прибегают к обычному рисовому самогону «шум-шум». Начинается «Пхаму» с того, что вечером первого дня к шаману идут от каждой хижины своеобразные процесии. Впереди обычно выступают главы семей. Они несут на «освящение» свиней. Кто побогаче — по два-три поросенка, кто победнее — объединяется с соседями в складчину. На специальном месте их ожидает шаман, облаченный по этому случаю в ритуальные одежды. Он производит обряд закалывания. После этого главы семей возвращаются по домам, оставив шаману лучшие куски. Из «освященных» по-росят готовятся холодные блюда, и начинается праздник. Для многих это единственный случай в году досыта поесть и повеселиться.

А в это же самое время шаман в сопровождении наиболее почтенных по возрасту и по положению соплеменников обходит хижины, навещает больных, раздавая лекарства, «отгоняя злых духов», а заодно и участвуя в семейных пиршествах. С наступлением ночи молодежь выходит на улицу и под музыку обходит деревню. В каждой хижине выставляют для гостей напитки и угождения. Всю ночь горят костры, звенят песни, танцуют ламвонг. К утру в хижинах должен остаться один из трех ритуальных кувшинов. С рассветом снова к дому шамана тянутся процесии. На коромысле главы семейства подвешены три небольших куска мяса и пустой котелок. За ним следует жена с чашкой вареного риса. Остальные несут круглые деревянные щиты и пики, послед-

ний — ритуальный кувшин с водкой. Все это оставляют у «жилища духа-покровителя».

И снова народное гулянье, которое продолжается три дня и три ночи. На это время прекращались даже межплеменные войны и внутренние распри.

В этом году «Пхаму» праздновался не так пышно. Больше было складчин. Не все смогли вернуться в родные деревни. Многие мужчины находятся на фронте. Все три дня и три ночи пришлось на всякий случай выставлять пикеты. Несколько раз в самый разгар праздника приходилось отсиживаться в укрытиях от налетов американской авиации.

«Пхаму» после установления народной власти стал демократичнее, свободнее от мистических древних канонов. Почетными гостями на праздничных церемониях бывают представители народной власти. Да и сам «Пхаму» проходит под знаком сплочения всех сил на борьбу за свободу и независимость.

Солдаты революции

Остановка в одной из деревушек дала возможность обстоятельно побеседовать с местными кадровыми работниками. Лао тхынг Вичит родом из Аттапе. Ему за сорок. Свои первые шаги в освободительном движении начинал в этих краях в 1949 году вместе с легендарным Ситхоном Коммадамом. Это были, пожалуй, самые трудные годы его жизни. Уездный подпольный ревком направил Вичита для организации первых баз сопротивления среди племен лаве. До революции эти племена страдали от междуусобиц, доходивших до открытых вооруженных конфликтов. Лаве очень настороженно относились к чужакам. Если на последних падало подозрение в шпионаже, то смертный приговор приводился в исполнение немедленно.

Вичит помнит свое первое задание. Под видом кочующего странника он вошел в селение. Его повели, предварительно осмотрев, нет ли оружия, в самую просторную хижину, к предводителю племени. Обстановка для Вичита привычная. По стенам развезены луки и самострельы. Бамбуковая дощечка — алтарь духа. У очага, разведенного в хижине, десятка полтора лаве. Как гостю, Вичиту молча поднесли полный рог водки. Пока он пил, все внимательно наблюдали за ним. Еще один рог. И наконец, последний, третий. Отказаться нельзя — неуважение к предводителю, хозяевам. И хотя в голове уже шумело, ноги обмякли, Вичит жестом потребовал четвертый рог. Он единственный, кто допивает его до конца. Остальным это явно не под силу. Но так надо. По обычаям лаве разговор можно начать лишь с тем иноплеменником, который выпьет больше самих присутствующих лаве.

— Это для меня было очень тяжелое испытание, — сознается Вичит. — Ведь жизнь подпольщика полуголодная. Собрав последние силы, пытаюсь держаться и меньше говорить. Любая брошен-

ная невпопад фраза может обернуться избиением, изгнанием или смертью. Испытание на дружелюбие выдержано.

Как сквозь дымку, Вичит видел своих собеседников. В ушах украшения из слоновой кости. Черные точечки татуировки на ладонях и лбах девушек. Непривычно сточенные ровные ряды зубов. Но теперь можно встречаться, беседовать. А это главное.

За долгие месяцы работы у Вичита вырос авторитет среди лаве. Он многое узнал из того, что скрывалось от глаз иноплеменников. Так, вождь имел много жен, большинство из которых были просто прислугой. Захваченных в плен жителей из стойбищ, разоренных во время войны, отдавали в рабство вождю. За попытку к бегству им грозила смерть.

Вичит искал пути сплочения лаве для борьбы за лучшую долю. И в этой борьбе нужно было определить место и бедным соплеменникам и вождям. Теперь лаве прочная опора народной власти. В некоторых селениях появились первые школы. Отважные воины древних племен сражаются в рядах Патет-Лао за единый, независимый и процветающий Лаос.

Много нового принесло освободительное движение в жизнь и быт лаве. Веками они занимались охотой и переложно-огневым земледелием. Каждые два-три года оставляли оскудевшие выжженные участки земли. Теперь некоторые из них перешли к оседлому образу жизни. Вместо одежды из коры тропического дерева сатин «в моду» начинают входить домотканые одежды. Появилась в селениях соль. Раньше лаве вместо нее пользовались золою травы лау.

— Придет время — мечтает Вичит, — кончится война. Появятся чистые красивые поселки и города, да, да, города. Будут здесь школы и кинотеатры, заводы и кооперативы, детские сады и больницы.

И они будут, раз есть такие мечтатели, как Вичит.

Еще на партизанских тропах Верхнего Лаоса я познакомился с пятнадцатилетним пареньком Сиса. Он подсел к нам в «газик» с автоматом в руках и представился:

— Сиса. Мне поручено следовать с вами в главную ставку. Автомат — это на тот случай, если на нас нападут бандиты.

В пути мы подружились. Родом Сиса оказался из Нижнего Лаоса, из Аттопе.

— Моя родина, — рассказал он, — далеко-далеко отсюда. В трех месяцах пути. Там много слонов, жарче греет солнце. Там мои отец и мать, братья и сестры, там кочует мое племя.

Он не только воюет, но успел уже окончить начальную школу.

— Вы знаете, — разоткровенничался Сиса, — я ведь сам просился у командира сопровождать вас. Я так много хорошего слышал о Советском Союзе. А вы встречали Гагарина и Титова? Мы очень любим рассказы о Москве, космонавтах, смотреть ваши фильмы, слушать передачи на лаосском языке из Москвы.

Где-то рядом гремит бой — патриоты ликвидируют еще одно бандитское гнездо. А Сиса, зорко следя за небом, говорит:

— Мне бы тоже хотелось на космическом корабле отправиться к звездам. А из земных дел люблю водить машину. Окончил шоферские курсы. Скоро обещают дать машину. Вот бы устроить автопробег дружбы: Сам-Неа — Москва. Но это, конечно, когда

война кончится. Знаете, а ведь наш командир был в Москве в составе делегации.

Внуками бывших «диких рабов» из Нижнего Лаоса оказались и ребята из экипажа прославленного бронетранспортера, с которым мне довелось проехать не одну сотню километров по дорогам Сам-Неа. На этой машине они начинали воевать еще в прошлую войну. Попала машина сюда издалека. Командир боевого экипажа — из Саравана. Полжизни тридцатилетнего лао тхынга прошли в походах и боях. И когда я задаю Вуз и его товарищам вопрос: «Что вы знаете о Советском Союзе?» — они отвечают не сразу. Первым решается от имени остальных сказать Тхонг Ди, водитель бронетранспортера:

— Много, но не так много, как бы хотелось. А главное, это то, что Советский Союз идет во главе мировой революции, первым строит основы коммунизма. Он поддерживает всех угнетенных, нашу борьбу. Наша дружба на века. Ваше сегодня — это наше завтра.

Известный в стране новатор и передовик, если пользоваться газетными терминами, Пон Семнапат тоже оказался родом из Лаоса. Там он получил свое первое боевое крещение. Командовал батальоном Патет-Лао. Не раз был ранен. После тяжелой контузии долго болел, и врачи запретили ему возвращаться в ряды действующей армии. Тогда он попросил назначения на первую сельскохозяйственную станцию, только что созданную около Сам-Неа. А через два года сюда приезжали со всей страны за опытом и новыми, невиданными доселе в этих краях семенами. Когда мы с толпой экскурсантов попали на станцию, Пон Семнапат оставил нас у себя на ночь, долго уговаривал пожить недельку-другую. Провожая, Пон Семнапат просил прислать книжки об опыте наших агротехников и обещал, как только будет возможность, побывать в Стране Советов.

— Это мечта всей моей жизни, — сказал он. — Даже если не доживу до окончательной победы (Пон Семнапат тяжело болел — давали знать старые раны и контузии), то хоть увижу будущее Лаоса на вашей земле.

Непокоренный юг

Одной из целей моей поездки по Нижнему и Среднему Лаосу была встреча с Ситхоном Коммадамом и Санг Кхамом. Однако из письма, которое доставил связной, мы узнали, что встреча не состоится. Член военного совета НОАЛ Нижнего Лаоса Санг Кхам находился на одном из дальних участков фронта. А Ситхон Коммадам срочно отбыл в главную ставку.

И все-таки рассказ о лао тхынгах будет неполным без удивительной истории целого поколения вождей. Как-то во время одной из встреч красный принц Суфанувонг представил мне своего собеседника:

— Ситхон Коммадам. Один из моих первых помощников.

Белая рубашка, галстук, строгий темно-синий костюм европейского покроя и несколько резковатая, но яркая речь. На вид лет

шестьдесят. Я представлял себе несколько иным одного из лидеров свободолюбивых горцев. От него-то я впервые и услышал историю о «добрых разбойниках», вождях непокоренных лао тхынгов — Покадоуте, Онг Кео и Онг Коммадаме.

Мартовское восстание лао тхынгов 1901 года. Шел восьмой год с тех пор, как Франция установила свой протекторат над Лаосом, сломив сопротивление лаосских феодалов и их армий. Однако свободолюбивые лао тхынги отказались подчиниться колониальным властям, выполнять принудительные работы и выплачивать налоги. Объединенные под командованием Покадоута вооруженные отряды «диких рабов» окружили французскую резиденцию в Сараване. Их армия на марше представляла внушительную колонну длиною в четыре километра. Тысячи воинов из маленьких горных стойбищ и селений собирались для решающего боя под знамена Добродетельного, как называли восставшие своего вождя. Свою борьбу они называли движение Счастливых людей, справедливо считая человеческим счастьем свободу и независимость.

«Счастливых» поддержали и лао лумы. Вскоре весь юг страны от Кхаммуона до Саравана запыпал в огне освободительной борьбы. Семь лет повстанческие отряды, опиравшиеся на широкую народную поддержку, вели борьбу. Против отрядов Добродетельного, вооруженных старинными щитами и мечами, пиками и луками, ножами и кремневыми ружьями, была брошена регулярная колониальная армия. Лишь в 1907 году французам удалось хитростью заманить вождей восставших в ловушку. Все они были казнены. Но разрозненные отряды повстанцев, оттесненные в джунгли, продолжали борьбу. Через три года вспыхнуло новое, еще более мощное восстание. Возглавил его Онг Кео, вождь лавелей, одного из самых многочисленных племен — «диких рабов». Ни экономическая блокада, ни артиллерия, ни ударные силы колониальной армии не смогли сломить сопротивление плохо вооруженной армии Онг Кео. Плато Боловен оставалось неприступным бастионом повстанцев. И снова колонизаторы пошли на коварный обман, предательски убив Онг Кео.

Но борьба продолжалась. Онг Кео сменил родной брат — Онг Коммадам. Его посланцы горными тропами связались с вождями многих племен. Армия Онг Коммадама стала хозяином положения почти во всех районах Нижнего Лаоса.

Во всех контролируемых повстанцами районах были отменены принудительная трудовая повинность, налоги, поборы колониальных и королевских властей. Организованы первые школы, где лао тхынги обучались на родном языке и собственной письменности кхон. По рассказам очевидцев, ее разработал Онг Коммадам. Сам вождь племени обучился грамоте в тюрьме, куда был брошен тринадцатилетним мальчиком. В тюремных застенках у него зародилась мысль о создании первой в истории древнего народа собственной письменности, об организации по всей Лаотхынгии школ.

Вырвавшись из тюремных казематов, Онг Коммадам племенными трактами добирается до главной ставки восставших и становится одним из соратников своего брата Онг Кео.

Двадцать семь лет продолжалась борьба «диких рабов» за свободу, против колонизаторов. Лишь к 1934 году, собрав крупные силы, французы оттеснили повстанцев в пограничный с Вьетнамом горный район Фу-Луонг. Через два года отряды Онг Коммадама были окружены со всех сторон. Против них были брошены авиація

и артиллерия, отборные части колониальной армии, 200 боевых слонов и натасканные в карательных операциях своры овчарок.

Колонизаторам удалось разгромить последнюю базу повстанцев. Шестидесятилетнему вождю, тяжело раненному в бою, с остатками отрядов удалось прорвать кольцо окружения и уйти в джунгли. Каратели жестоко расправились с его семьей. Старшего сына Онга — Ситхона, раненного в бою, и двух других сыновей бросили в тюрьму. По решению военного трибунала Ситхон Коммадам был приговорен к пожизненному заключению, а его братья — к 20 годам каторжных работ. В тюремные застенки был брошен и Санг Кхам, шестилетний сын Ситхона, внук Онг Коммадама. Их выслали в Верхний Лаос, подальше от родных мест. В феврале 1937 года в джунглях умер от ран Онг Коммадам. В последний путь вождя провожали оставшиеся в живых соратники. И чтобы колонизаторы не потревожили прах мужественного борца, его смерть долго держалась в тайне. А в народе Онг Коммадама стали считать бессмertным.

Его сыновей — Ситхона и Кхампхана освободила революция 1945 года. Третий так и не дожил до свободы. С 1945 года Ситхон Коммадам — активный участник освободительного движения. В марте 1946 года с последними частями Патет-Лао он отступил в Таиланд, а в 1947 году — снова в Нижнем Лаосе, где создает партизанские отряды. С 1950 года Ситхон — член ЦК Нео Лao Итсалы, а с 1956 года — заместитель председателя ЦК Патриотического фронта.

Сына Ситхона считали погибшим. Но Санг Кхам выжил. В 1950 году он бежал из концлагеря и пробрался на юг, в ставку Ситхона Коммадама. Это была первая встреча отца и сына после пятнадцатилетней разлуки. Радостной была она и грустной. Санг Кхам рассказал отцу о пережитых им трагических минутах в Фу-Луонге в памятном 1936 году. Санг Кхаму было шесть лет, когда погиб его дед — вождь Коммадам. На глазах мальчика каратели зверски убили двух младших братьев. Позже погибла и старшая сестра. К 1950 году из двадцати лет жизни четырнадцать он провел в тюремных застенках, в ссылке. Сейчас Санг Кхам — член военно-го совета Народно-освободительной армии Лаоса (НОАЛ) в Нижнем Лаосе.

Имя Коммадамов стало символом мужества. Это был подвиг трех поколений лаотхынгских патриотов. Ведь свыше шестидесяти лет многие районы Среднего и Нижнего Лаоса оставались неприступными бастионами повстанцев — свободной землей Лаотхынгей. Легендарные Коммадамы стали героями всего сражающегося Лаоса. Именем Онг Коммадама названо первое пехотное училище командиров НОАЛ.

В Саваннанетском провинциальном комитете

Была уже глухая ночь, когда мы добрались до основной базы провинциального комитета.

Утром огляделись. Хижины барачного типа из свежих бревен

и бамбука сооружены прямо на земле. Вместо пола невысокие нары с нависшими над ними белыми прямоугольниками москитных сеток. Чуть в стороне, у ручья, почерневшая от копоти полуzemлянка-кухня. Под кроной деревьев врыты в землю высокие длинные столы. Едят стоя. Видимо, из-за частых налетов. Внутри хижин по стенам развешаны политические плакаты и лозунги. За завтраком собирались все немногочисленные обитатели базы. Большинство руководителей провинциального комитета отсутствует. Они разошлись пешком по районам и селениям: разъясняют политику ПФЛ, решают на местах не терпящие отлагательства вопросы.

Прибывший из штаба связной сообщил, что встреча с командующим Саваннакетским округом откладывается на несколько дней; до окончания начавшейся операции. А пока предстоит знакомство с общей обстановкой.

Рассказывают, дополняя один другого, сразу четверо. Исполняющий обязанности губернатора провинции Саваннакет Кхам Ми прибыл еще утром. И познакомил меня с ним радостный и довольный Тхуонг: впервые за долгие годы встретился с родным дядей, а тот оказался еще и губернатором. К вечеру в поселке появились еще трое, похожие друг на друга как родные братья. Но это впечатление оказалось обманчивым. Так, Ам Ло, председатель провинциального комитета Фронта, оказался лао тхынгом из племени та ой, а члены этого же комитета чепонец Кхамфан и Коон Си — лао лумами. Они — участники первых подпольных патриотических организаций и первых партизанских отрядов Патет-Лао. Нередко месяцами им доводилось воевать или вести работу в одних и тех же районах и отрядах, питаться из общего котла.

— Ну что же, — начал Ам Ло, — прежде о самом Освобожденном районе. В основном он сложился к 1961 году, за год до подписания Женевских соглашений. Средняя протяженность с севера на юг — 115, а с востока до линии фронта с правыми — около 165 километров. В нашей зоне четыре уезда, свыше 80 тысяч жителей. Население составляет восемь племен и народностей, не считая незначительного числа местных вьетнамцев и китайцев. Под контролем правых территории значительно меньше. Да и состав населения в их зоне более однородный, в основном лао лумы. Самые плодородные рисоводческие районы — долина Меконга также по ту сторону фронта.

Особенность Освобожденного края в том, что здесь, как и во многих других восточных районах страны, не было крупных землевладельцев. Но сильны еще родоплеменные отношения. Тем не менее проблема бедных и богатых остра, и ее приходится решать с первых дней установления народной власти. Сохранилась власть имущая верхушка. Это местные кулаки (здесь их тоже называют «кулаки». — И. Щ.) и влиятельная родоплеменная знать. Интересы их не во всем совпадают с интересами подавляющей части населения, с интересами народной революции. В ходе демократических преобразований легче всего было решить вопрос о земле. Ее распределили так, чтобы каждый земледелец трудился на своем участке. Фактически у нас во многих районах покончено со сдачей земли в аренду и субаренду. Сложнее оказалось с орудиями труда и рабочим скотом. В известной мере до сих пор наличие орудий труда и рабочего скота характеризует положение семьи. Кое-где распространена сдача рабочего скота в аренду, которой занимаются за-

житочные крестьяне. Практикуется предоставление кредита под новый урожай риса и других продовольственных культур. Шпионско-диверсионная агентура правых и ЦРУ в своей деятельности пытаются использовать лиц, лишившихся каких-либо привилегий, недовольных народной властью. В связи с этим нам приходится вести большую разъяснительную и политическую работу.

За годы войны хозяйство становится более натуральным, самообеспеченющимся. Из-за эвакуации перестали действовать небольшие городские рынки. Снабжением населения промышленными товарами и закупкой продовольствия занимаются шесть крупных магазинов народной власти.

В ряде магазинов мы успели побывать. Они ничем не отличались от тех, что видели в провинции Кхаммуон. Обычный товарообмен.

— Какое значение имеет денежное обращение? — интересуюсь я.

— Сравнительно незначительное. Вы знаете, у нас до недавнего времени фактически были в обиходе кипы, выпущенные правительством Сопротивления 1960—1962 годов, и вьентьянские денежные знаки. С конца 1968 года в Освобожденных районах появились новые наши кипы, которые теперь являются единственными законными денежными знаками.

До сих пор поддерживаются значительные контрабандные связи с зоной правых. Оттуда поступают пряжа, красители, фонари, транзисторные приемники. Впрочем, кое-что попадает к нам сюда и в виде трофеев. Кадровые работники Фронта, военнослужащие получают небольшое денежное жалованье, но в основном их обеспечивают продуктами и одеждой.

Ежедневная продовольственная норма — 600 граммов риса. Два комплекта одежды в год. Рис, как правило, отдается в общий котел. Большинство деревенских и поселковых кадровых работников органов народной власти, если они местные жители, этими льготами не пользуются. Они сами обеспечивают себя всем необходимым.

— Что же делается в области производства?

— В создавшейся обстановке в ряде мест пришлось перейти от поливного к подсечно-огневому земледелию. Там, где позволяет обстановка, поощряется переход от кочевого образа жизни к оседлому. По примеру чепонцев в некоторых районах крестьяне переходят к выращиванию двух урожаев в год. В наиболее развитых районах появились первые коллективные объединения, которые здесь называют группами трудовой сплоченности.

Военная обстановка, рассредоточение населения и мобилизация главных сил на отпор врагу осложнили кампанию по ликвидации массовой неграмотности и созданию широкой сети начальных школ. И все-таки в этом, по словам местных руководящих работников, также достигнуты известные успехи. В провинции, которая до освобождения была краем почти сплошной неграмотности, сегодня каждый пятый может читать и писать.

Народной власти приходится уделять большое внимание мобилизации населения на преодоление трудностей, вызванных войной. Только за последний год, сообщил Ам Ло, погибли сотни мирных жителей. Разрушено около 130 селений и деревень. Убито около 400 буйволов и быков. Ядохимикатами и напалмом уничтожены большие площади под продовольственными культурами.

Артисты выходят на гастроли

На бархатистом зеленом ковре на берегу горной речушки танцуют девушки. Театральные декорации заменяет багровый во весь горизонт вечерний закат. На все лады заливаются кхены под ритмичный перестук барабанов. Им вторят задорные голоса вокального квартета. Зрители дружно хлопают в ладоши и подбадривают танцовщиков залихватскими выкриками и свистом. Собственно, какие они зрители, скорее, участники этого веселого представления. Сначала все идет как положено, танцы сменяется песня, снова танцы и речитатив под ритмичный стук барабанов. Артисты провинциального ансамбля показывают свою новую программу. А потом выходят в круг сами зрители, и начинается праздник, в котором участвуют все... Их тени, преломляясь в легких волнах, создают сказочную феерическую картину на алом от заката водном зеркале речушки... И снова очередь за артистами...

В широкий круг выходит стройная лаотянка. Яркая малиновая кофта. Черная, расшитая традиционными узорами понизу юбка перевязана широким посеребренным поясом. Тонкие пальцы сцеплены над головой. Кхам Сот — одна из популярных «звезд» ансамбля.

Поет она на старинный мотив песню о новых временах, о партизанах-влюбленных, о счастливых минутах в их жизни и грустном расставании. Под затихающий маршевый перестук барабана рассказывает девушка, как расходятся с отрядами Патет-Лао в разные концы страны влюбленные.

«Встретятся ли? Не знаю. Победят ли?» И все дружно отвечают хором: «Сайсан!» («Победим!»)

А вечером артисты при тусклом свете коптилок рассказывают о себе, об ансамбле. Им приходится нелегко. Месяцами с походными ранцами и небогатым реквизитом от селения к селению идут они к людям. Их всего шестнадцать парней и девушек ансамбля провинциального комитета Фронта Саваннакета. Они мечтают о скрипке и аккордеоне. А пока весь оркестр состоит из нескольких кхенов, гитары да видавшего виды барабана. Они не только репетируют и выступают. Полгода, в сельскую страду, как и все, артисты работают в поле. Ансамбль находится почти на полном самообеспечении. Артисты дают свои концерты бесплатно таким же, как они, крестьянам и охотникам. Родился ансамбль в незабываемом 1962 году. Пели тогда больше о мире и любви. Потом в репертуаре появились боевые песни. Руководит ансамблем жизнерадостный саваннакетец Сувин. Был он подпольщиком и солдатом. Воевал, командовал батальоном. Не раз ранен и контужен. Осмотрев меня, улыбаясь, ободрил:

— Ничего, товарищ Иван, будем надеяться, что все обойдется. Еще будешь ходить по земле широким шагом.

Здесь же из неразлучной походной сумки достал какие-то мази и предложил попробовать на всякий случай. А затем сразу же без перехода начал рассказывать:

— Трудновато приходится. Нет ни декораций, ни костюмов,

сложно подобрать современный репертуар. Еще труднее с солистами. Вообще-то у нас в районах много хороших голосов, но как только речь заходит о вступлении в наш ансамбль, то в силу вступает традиция... Многие до сих пор считают театр развлечением, пустой забавой. Другое дело труд земледельца, охотника... У нас нет, как в некоторых странах Индокитая, пренебрежения к актеру как к человеку низшего разряда. Нет, артистов любят и уважают. Но все-таки многие придерживаются мнения, что театр не может быть делом жизни... Вы вот поговорите хотя бы с Кхам Сот.

Кхам Сот, улыбаясь, слушает его слова, молчит, видимо не решаясь начать рассказ. Чем, собственно, ее путь в ансамбль отличается от других? У всех так было. И тогда я иду на уловку.

— Нанг Кхам Сот, а вы любите выступать?

— Да, — поддается она. — Очень. Петь, танцевать, нести людям радость, заставлять их задумываться над своей судьбой. Что может быть лучше, прекрасней? Только вот не все это так понимают. Но поймут со временем.

История ее такова. В их селении выступал ансамбль. После представления предложили желающим вступить в труппу. Нанг Кхам Сот, не раздумывая, попросила записать ее. В своем селении она была самой голосистой, признанной заводилой на всех празднествах. Отец и мать наотрез отказались дать согласие. Дочь уйдет из семьи, станет бродить по селениям. Уж не горек ли ей стал крестьянский труд? Да и о женихе пора серьезно подумать. Ведь девушка красива, многие парни приглядываются...

Ни слезы, ни уговоры не помогали. И лишь когда за Кхам Сот вступился приехавший в селение сам Сиенг Су, председатель уездного комитета Фронта, очень уважаемый товарищ, родители дали согласие. Так Кхам Сот в свои четырнадцать лет стала певицей и танцовщицей.

Участники ансамбля народ молодой. Самому старшему двадцать два года. А своего руководителя Сувина, которому уже тридцать шесть, они называют дядей. Через несколько дней ансамбль дяди Сувина снова уходит на гастроли.

До Фалана руной подать

Здоровье мое постепенно идет на поправку. Мы на провинциальной базе. Ждем встречи с командирами, которые принимают участие в боях под Фаланом. Это километрах в 25—30 отсюда. Собственно, главная операция уже завершена. Попытки крупных сил правых атаковать Освобожденные районы под Фаланом, несмотря на поддержку военно-воздушных сил США, оказались тщетными. Сейчас подразделения Патет-Лао закрепляются на прежних позициях, а в штабе подводятся итоги боев. И на этот раз операциями правых руководили американские военные советники. Об этом говорится в ежедневных сводках, поступающих в провинциальный комитет. Радио Вьентьяна и «Голос Америки» продолжают твердить, что на части правой группировки у Фалана якобы неожиданно напали

северовьетнамские батальоны. Но ни слова об американских советниках, об участии военно-воздушных сил США, о провалившемся плане наступления проамериканской группировки. И так каждый раз. Снова Пентагон умывает руки. По официальной версии Вашингтона, в Лаосе нет американских военнослужащих, а военно-воздушные силы США не участвуют в боевых операциях. О том, что это не так, знают во Вьентьяне, но... тоже молчат.

...Нашему пребыванию на гостеприимной базе Саваннакетского провинциального комитета Фронта подходит конец. Сегодня днем состоялась встреча с военными руководителями. Они передали пожелания счастливого пути от командующего военным округом Среднего Лаоса. Его непосредственные заместители: в Кхаммуоне — Ин Кон, а здесь Ну Лям. Командиры, прибывшие с боевых позиций, рассказали о том, как проходили бои с правыми, об отличившихся подразделениях. Итоги подвел Ну Лям. Ему около сорока. В темной рубашке и гражданском пиджаке, внешне он выглядит человеком, далеким от войны и боев. Здесь, у фронтовой полосы, не любят щеголять в военной форме и, если позволяет обстановка, ее с удовольствием меняют на гражданскую. Волею судьбы и революции с 1949 года Ну Лям большую часть времени находится на фронтах. Начинал со связного, подпольщика. Потом партизанский отряд. С 1960 года командует регулярными отрядами Патет-Лао в родной провинции. Отца убили бандиты. Деревню сожгли американские пилоты. Об этом рассказали его товарищи.

— Вы знаете, — сказал он, — борьбу приходится вести на три фронта. — Во-первых, на рубежах Фалана, где нам противостоят отлично экипированные американцами отряды правой группировки. Американские же офицеры находятся в боевых частях противника. Второй фронт — это тыл, где приходится выкорчевывать бандитские гнезда правых и американского ЦРУ. А третьему фронту ежедневно приходится отражать атаки военно-воздушных сил США. Наши части противовоздушной обороны сбили и серьезно повредили около ста самолетов противника. Боевая обстановка складывалась по-разному, но за все годы войны противнику так и не удалось серьезно потеснить нас с линии прекращения огня 1962 года, а также создать в тылу долгодействующие крупные плацдармы. Не удалось и на этот раз под Фаланом. Раньше было гораздо труднее. В 1959 году у нас было всего около двухсот партизан. У кого кремневое ружье, у кого самострел, а у некоторых всего по одной гранате. Мы выросли, возмужали, накопили опыт. На вооружении у нас теперь современное стрелковое оружие, средства ПВО.

Ночью Ну Лям и его командиры вновь выехали на фронт. Нам же предстоял обратный путь.

Пора тропических ливней

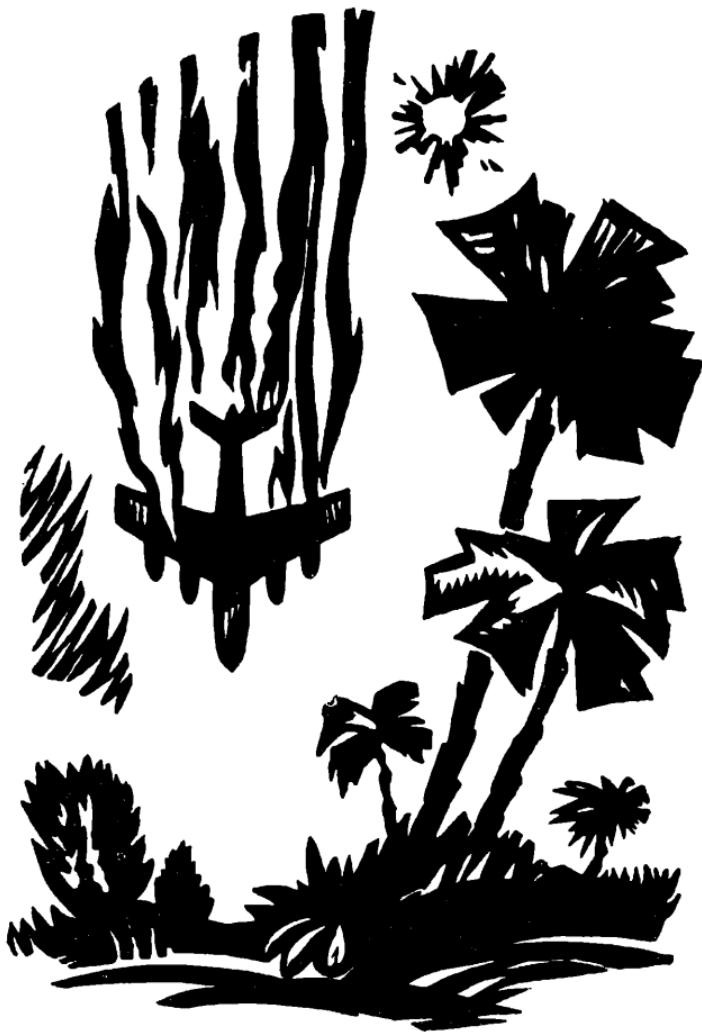
Останавливаемся, где застает рассвет. Даже самая небольшая задержка может обернуться тяжелыми последствиями. Остались считанные дни до начала дождливого сезона, который с мая тянется

до сентября. Грунтовые фронтовые автострады на все лето превращаются в сплошные болота и озера. Вместе с дождями надвигается страшный бич этих мест — малярия. Принимаем предусмотрительно захваченный хинин. Обгоняем последние колонны автомашин. Все торопятся выбраться подальше, чтобы не увязнуть вместе с техникой в болотах. Прошлой ночью встретили странный грузовик. Он медленно двигался по дороге, все время сбиваясь то в одну, то в другую сторону. Во время налета мы очутились рядом, и тогда все стало ясно. Водителя грузовика трепала малярия. Чуть позже узнали его историю. Их колонна попала под массированный налет. Из четырех машин осталась одна, и единственный в живых — водитель. Груз важный, необходимо доставить по назначению. В пути водитель заболел малярией. И вот, собрав все силы, в промежутке между приступами он ведет свою разбитую, с простреленными бортами машину. Два дня назад кончилось продовольствие. Помочь ему, кроме продовольствия и хина, ничем не можем. Оставить машину водитель наотрез отказался. На всякий случай, если не удастся добраться до следующей базы или остаться в живых, он передает с нами записку. Пусть знают, что не сдался, не струсили и будет выполнять задание, пока останутся силы..:

Последняя остановка в пещере перед перевалом. Вода доходит уже до одной трети ножек нар. Стены покрылись капельками влаги. Но пещерные рисунки еще держатся. Особенно красочны три: хижина на сваях, грузовик и летящий над ним самолет, женский портрет, от которого остались лишь четко выписанные большие грустные глаза.

Все чаще и чаще на нас обрушаются ливневые потоки, а в промежутках между ними — скрежет реактивных двигателей, разрывы бомб и ракет. Последние десятки километров перед перевалом. Снова сигналы воздушной тревоги объявляются выстрелами из карабинов. Прошлой ночью прямым попаданием ракеты была разворочена головная машина. Водитель убит. Документы разобрать невозможно. Никто из колонны не знает, как звали водителя, откуда родом. Вырыли у обочины дороги могилу, сколотили подобие памятника. На нем красной краской написали: «Неизвестный водитель. Погиб при выполнении задания. Остановись, прохожий! Здесь погиб солдат революции, отдавший за счастье народа самое дорогое — жизнь». Память солдата-водителя почтили минутой молчания и залпом из всего имеющегося в наличии оружия.

Перевал проскочили благополучно. На границе нас уже ждали. Передаем первую телеграмму: «Живы, здоровы». Впереди Ханой. Отдых. А затем снова лаосский фронт.

**НА БОЕВЫХ ПОЗИЦИЯХ
ДОЛИНЫ КУВШИНОВ**

Впереди Нхан-Нхай

Длинный хребет едва проглядывается сквозь пелену мелкого дождя. Наш «газик» свернул с дороги в высокие заросли трехметровых папоротников. Мы на пограничной заставе ДРВ. Формальности с оформлением документов занимают считанные минуты. О нашей группе еще вчера сюда поступила телеграмма. Последние напутствия, и начинаем головокружительный путь по горной дороге. По ту сторону хребта — Освобожденные районы Лаоса. В низине нас останавливает группа вооруженных бойцов в форме Патет-Лао. Один из них занимает место рядом с водителем, остальные забираются в кузов. А через полчаса сворачиваем с дороги и долго едем по неширокой просеке. Все это делается молча, без лишних объяснений. Наконец машина резко тормозит.

Первая дневка. На небольшой поляне под своеобразным шалашом-брэзентом, закрепленным на бамбуковых палках, при свете коптилок сидят на корточках несколько человек и завтракают. В чашках рис и лаосская национальная приправа из душистой зелени, перца и кусочков мяса.

Чуть поодаль под кронами могучего дерева стоит укрытый брезентом бронетранспортер. Вышедший нам навстречу лаосец четко, по-военному докладывает:

— Команда бронетранспортера готова к выполнению задания. Нам приказано доставить вас в ставку генерала Синкано.

А затем, перейдя на обычный тон, он подает руку и представляется:

— Сивиляй, командир экипажа и приданного отделения карабинеров. Присоединяйтесь к завтраку.

Весь день идет дождь. Отдыхаем под брезентовым навесом, лишь изредка делая короткие пробежки для разминки. Карабинеры принесли из соседнего леска охапки оранжевых цветов. Они растут на деревьях. Их дурманящий аромат здесь используют для рыбалки. Цветы опускают в воду, и если поблизости находится рыба, то она через считанные секунды всплывает, и тогда ее можно брать руками. На берегу ручья развели костер и сварили уху из «пьяной» рыбы.

С наступлением темноты снова в путь.

В предрассветном тумане сворачиваем с дороги. Очередной привал устраиваем в густых зарослях на берегу небольшой горной речки.

— Бан-Бан, — задумчиво говорит Сивиляй. — Да, это был оживленный город.

Последний раз я был здесь в 1964 году. Тогда по вечерам по улочкам разгуливали молодые парни и девушки, звенели песни. В открытых допоздна лавках продавали фонари, ткани, спички. От города не осталось ничего — одни пепелища, зарастающие травою и кустарником.

Мы находимся в глубине Освобожденных районов Верхнего

Лаоса на дороге № 7, где-то на полпути между вьетнамской границей и Кхан-Кхаем. Днем дождь прекратился. Целый день американские самолеты бомбят безлюдную дорогу.

С наступлением сумерек продолжаем путь. Километров через двадцать бронетранспортер резко бросает в сторону. Еще не успеваю сообразить, в чем дело, как Сивиляй кричит:

— Дальше нельзя!

Светло как днем. Видны даже листья на деревьях. Впереди гремят взрывы. Над головами шипящий звук, знакомый по Ханою. Шрак — ракета. Через несколько минут снова вокруг темнота и тишина. Легкий ветерок несет едкую гарь. Пиратский ночной налет. Били прицельно и явно не по дороге. Мы же свернули в сторону, чтобы не оказаться мишенью. Зенитные пулеметы, как объяснил Сивиляй, будем использовать лишь в крайнем случае.

Бронетранспортер выползает на дорогу. Через несколько минут делаем остановку. Языки пламени дожирают остовы трех хижин, прилепившихся к скальному склону. Из темных пещерных нор выскакивают один за другим с криками, проклятиями и плачем люди. Убиты двое крестьян, случайно оказавшихся у входа. Остальные спаслись. Пещера в едком дыму. На помощь уже прибыли местные ополченцы и дорожные рабочие. Тушат пожар, помогают женщинам с детьми.

Мы же продолжаем путь дальше по единственному шоссе — дороге № 7. Она связывает восточные и западные районы Верхнего Лаоса. Ее можно найти на любой карте. И снова мимо мелькают деревни-призраки. Они выплывают из-за тумана своими безжизненными улицами, пепелищами, полуразрушенными хижинами, вокруг которых уже поднялась густая высокая трава. Нет больше на этой дороге до самого Кхан-Кхая ни городов, ни селений, ни пагод, ни молелен, ни крестов.

До штаба командующего сиенг-куангским фронтом генерала Синканапа осталось немного, какие-то километры. Последний раз мы виделись с Синканапом в апреле 1964 года в Долине Кувшинов. Только что безуспешно закончились переговоры лидеров трех группировок. Чувствовалось, что война стоит у порога. Генерал Синканап не успевает отвечать на вопросы журналистов, сыплющиеся со всех сторон, — кому на лаосском, кому на французском, кому на вьетнамском. Отвечает остроумно, касаясь самой сути вопроса. Один из английских дипломатов пытается задеть Синканапа:

— Вы говорите, что американские самолеты совершают над вашими районами провокационные полеты. Где доказательства?

Генерал, не задумываясь, отвечает:

— Я прошу внимания, господа корреспонденты! Если английский дипломат настаивает, то мы по его просьбе собьем парочку американских самолетов и представим их в качестве доказательства Великобритании — сопредседателю по Женевским соглашениям 1962 года. Сэр, вы удовлетворены?

Дипломат растерян.

— Вы меня не так поняли. Я не просил сбивать американские самолеты, — растерянно произносит он под дружный смех корреспондентов.

Меня и потом не раз удивляла необыкновенная способность генерала вести беседу в наступательной манере. Синканап как-то заметил:

— Какой я генерал? Ведь у нас в Патет-Лао нет званий. А генерала я получил, когда надо было представлять Патет-Лао на переговорах с правыми генералами.

Это было сказано и в шутку и всерьез. Действительно, в Народно-освободительной армии Лаоса не было и нет воинских званий. Но чины «дипломатов-генералов» были даны некоторым руководителям Патриотического фронта не только в связи с переговорами, но и как признание их важной роли в создании и укреплении регулярных вооруженных сил Патет-Лао, за успешное руководство крупными боевыми операциями. Почти все военные руководители вышли из профессиональных революционеров, политических деятелей и военного образования не получили. Многие из них боевое крещение получили в вооруженном восстании против японцев или в боях с частями французских колонизаторов. И начинать им приходилось прямо с организации партизанских отрядов.

Профессиональным революционером, активным участником освободительного движения Синкапо стал в 1945 году. К этому времени в свои тридцать два года он успел многое добиться. Сын мелкого колониального чиновника, окончил в родном Тхакхеке семилетнюю школу. В 1930 году поступил во Вьентьянэ во французский колледж. В этом привилегированном заведении вместе с ним учились отпрыски знатных семей. Многие из бывших однокашников Синкапо в настоящее время занимают министерские посты и генеральские должности в правой, проамериканской группировке и находятся по ту сторону фронта. Когда умер отец, Синкапо не смог продолжать учебу. Ушел на преподавательскую работу, чтобы помочь своим четырем братьям и сестрам. К 1945 году он не только известный преподаватель, но и популярный боксер, инструктор физкультуры. Во время японской оккупации, чтобы отвести подозрение от нелегальной деятельности, Синкапо занимает пост начальника отдела просвещения провинции Кхаммуон (Тхакхек). В августе 1945 года Синкапо уже один из руководителей первого очага антияпонского восстания в Тхакхеке. Потом пришли в страну чанкайшисты, а вслед за ними снова вернулись французы. Но свой путь в жизни к этому времени Синкапо уже выбрал окончательно. В марте 1946 года вместе с остатками отрядов Патет-Лао после трагической битвы под родным Тхакхеком он уходит в Таиланд. В 1948 году Синкапо и его товарищи пробиваются из Таиланда в первые Освобожденные районы. Не обошлось и без предательства. Командир отряда Фуми Носаван тайно перешел на сторону врага. Командование отрядом и затем партизанской зоной перешло к комиссару Синкапо. Потом им не раз придется находиться на разных сторонах баррикад в боях и на переговорах. Встречаться до тех пор, пока побывавший даже «сильной личностью» вьентьянского режима Фуми Носаван в 1967 году не будет вынужден спасаться бегством в Таиланд. Его оттеснили другие генералы, пользующиеся большим доверием Пентагона.

У Синкапо жизнь сложилась по-иному. Все эти годы были отданы борьбе в рядах Патет-Лао. Большую часть из них он провел на фронте, командуя ударными соединениями. Однажды судьба свела его со старым знакомым. Когда в августе 1960 года во Вьентьянэ мало кому известный тогда капитан Конг Ле совершил переворот и выступил против засилья американцев, для Синкапо это не было неожиданностью. Ведь Конг Ле был его учеником.

И из Вьентьяна в декабре 1960 года они уходили с боями вместе — генерал Синкапо и объявивший себя нейтралистом капитан Конг Ле. Их объединенные вооруженные силы освобождали в начале 1961 года Долину Кувшинов. С тех дней генерал Синкапо бес-сменный командующий военным округом Сиенг-Куанга, куда входит и Долина Кувшинов. В 1963—1964 годах он делал все возможное, чтобы помочь своему бывшему ученику, ставшему уже генералом, правильно разобраться в обстановке. Но после того как Конг Ле под давлением реакционных офицеров вступил на путь предательства боевого союза Патет-Лао и нейтралистов, Синкапо, не колеблясь, выступил против него. Для Синкапо не было ничего выше интересов революции. Недаром бойцы Патет-Лао за глаза называют своего командира «наш железный командарм». После ухода генерала Конг Ле к правым части левых нейтралистов продолжали с отрядами Патет-Лао борьбу против вьентьянских войск на рубежах у Долины Кувшинов. А генерал Конг Ле разделил судьбу ему подобных. Как и Фуми Носавану, ему пришлось спасать свою жизнь бегством и скитаниями по другим странам. Те самые офицеры, которые толкнули в 1963—1964 годы генерала-нейтралиста на разрыв боевого союза с Патет-Лао, устранили его, как только он стал неугоден Пентагону. Весной 1964 года в Долине Кувшинов на переговорах я видел их вместе: Синкапо, Носавана и Конг Ле. Это была их последняя встреча.

Мне же предстоит встретиться с командующим военным округом генералом Синкапо здесь, но в иной обстановке.

В штабе Синкапо

На рассвете на бронетранспортере добрались до штаба. А несколько часов спустя с фронта вернулся генерал Синкапо. После дружеских объятий, традиционных вопросов: «Как здоровье? Как доехали? Что нового?» — вспоминаем наши прежние встречи здесь, в Лаосе, и у нас в Советском Союзе. Синкапо много раз был в Москве, Ленинграде, Киеве, Баку, Тбилиси.

— Ты знаешь, — говорит он, — вот уж сколько лет прошло, а я все помню. Особенно один вечер в грузинской деревне: песни, танцы, гостеприимных и добрых хозяев. Люди и природа там так близки Лаосу. Я временами даже забывал, что нахожусь за пятнадцать тысяч километров от родных краев.

Тот же бодрый голос, но годы дают знать. Как-никак, а уже пошел шестой десяток. Трудно дались последние годы войны. Я осторожно говорю об этом генералу, а он в ответ отшучивается:

— Дед? Ну что ж... Пусть дед. Но мы еще повоюем. Я надеюсь своими руками строить новую жизнь в мирном Лаосе. А вообще, знаешь, начинаю понимать глубину истины: за свободу воевали наши деды. Вот я и есть один из тех самых дедов.

До обеда вместе с Сивилем знакомимся со штабным поселком. Несколько деревянных бараков за колючей проволокой. Во дворе трофейные базуки, обломки американских самолетов, поржавевшие

кузова разбитых авиационными осколками «джипов». Несколько огромных воронок. В штаб американские пилоты не попали. Но были убиты проходящие мимо школьники...

Синкано принимает в главном штабном бараке. На столе уже разостлана трофейная карта. Но прежде чем сесть за стол, генерал с гордостью показывает плакаты и репродукции, украсившие все стены барака.

— Подарок покойного маршала Малиновского во время нашего визита в Москву в 1962 году, — поясняет Синкано.

Десятки плакатов и репродукций рассказывают о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Когда я задерживаю на них внимание, генерал поясняет:

— Многое вождей дало международное революционное движение. Но особое место среди них занимает Ленин. Он был, есть и будет вождем всех угнетенных и обездоленных, всех поднявшихся на борьбу за свободу, социальный прогресс, народное счастье. Великий Октябрь начал новую эру в истории человечества. Сейчас кое-где спорят о роли тех или иных лидеров в международном движении. А я думаю так. Общий наш учитель — Ленин. Его идеи, воплотившиеся и воплощающиеся в жизнь в Советском Союзе и других уголках земного шара, бессмертны, актуальны сегодня и в Азии, и в Африке, и в Европе.

Разумеется, — добавляет он после минутного молчания, — в горниле революционных и освободительных движений в отдельных странах рождаются свои национальные лидеры и вожди. Боевым бессменным штабом нашего освободительного движения является ЦК Патриотического фронта Лаоса во главе с принцем Суфанувонгом.

За длинным столом — Синкано, офицеры штаба. Разговор идет об общей обстановке в ключевом районе Лаоса — Сиенг-Куангге. Провинция расположена в центре Верхнего Лаоса. Через нее проходят стратегические дороги. Тот, кто контролирует Долину Кувшинов, занимает господствующую позицию. Отсюда шоссейные дороги идут в провинцию Сам-Неа — главную ставку патриотических сил, в восточные районы страны, вплоть до границы с Вьетнамом, на юг, в освобожденные районы Среднего и Нижнего Лаоса, а также в крупнейшие города Верхнего Лаоса, находящиеся в зоне правой группировки: Луан-Прабанг и Вьентьян. Именно поэтому на подступах к Долине Кувшинов с первых дней войны идут ожесточенные бои. Если почти на всей остальной линии фронта между патриотическими и проамериканскими силами нет позиционных рубежей с минными полями, окопами, колючей проволокой, то здесь они созданы и не раз становились местом ожесточенных боев. В остальных районах страны позиции противных сторон разграничены своеобразными зонами влияния в деревнях или на ключевых высотах. Эти деревни и высоты иногда переходят из рук в руки. Но бои местного значения мало влияют на общую обстановку. Сиенг-куангские рубежи обороняют хорошо вооруженные части регулярной Народно-освободительной армии Лаоса под командованием генерала Синкано и полковника-нейтралиста Дыона. В операциях против шпионско-диверсионных групп, засланных в тылы Освобожденных районов, активное участие принимают и отряды народного ополчения, здесь их называют партизанами. На сиенг-куангский плацдарм проамериканская группировка бросает отборные части:

ударные силы правого генерала Ванг Пао, «мобильные, усиленные» батальоны вьентьянской армии, подразделения бывшей армии Конг Ле. Их поддерживают военно-воздушные силы США, а также артиллерийские дивизионы и «специальные отряды» таиландских наемников.

Как бы подытоживая нашу беседу, генерал Синкапо сказал:

— Мне хочется начать вот с чего: если бы не Советский Союз, то на Лаос и Вьетнам Вашингтон мог бы сбросить атомные бомбы. Ваша страна была, есть и, я уверен, будет прочной военно-политической, экономической базой, важным моральным, вдохновляющим фактором для борьбы всех угнетенных народов за свою свободу и подлинную независимость, за революционное обновление мира. И чем сильнее Советский Союз, чем успешнее он продвигается вперед, тем значительнее будет его авторитет. Ваши успехи радуют и вдохновляют друзей, раздражают и пугают врагов. Советский Союз шел и продолжает идти в авангарде международного освободительного и революционного движения. Мы, лаосские патриоты, хорошо знаем это по своему опыту. И от всей души искренне благодарим великий советский народ за ту огромную поддержку и помощь, которую он оказывал и продолжает оказывать нашей борьбе за единый, мирный и процветающий Лаос. Здесь, в Кхан-Кхае, в трудные 1961—1962 годы вместе с нами переносили все трудности и лишения военной обстановки первые советские дипломаты в Лаосе.

„Великая поляна“

Так Кхан-Кхай переводится на русский язык. С высокого холма открывается чудесный вид на улочки торговой части города, огромный пруд и разместившиеся по соседству современные здания официального Кхан-Кхая.

Кхан-кхайские холмы изрезаны ломаными линиями траншей. Кое-где еще остались ряды ржавой колючей проволоки, осыпавшиеся окопы. Под ноги то и дело попадаются осколки, пустые отстрелянные гильзы — свидетельство вооруженных стычек и первых боев — драматических событий 1963—1964 годов.

Но прежде чем рассказать о Кхан-Кхае военных лет, напомню недавние события, в связи с которыми имя небольшого городка стало широко известно не только в самом Лаосе, но и во многих других странах.

Кхан-Кхай не вошел даже в самые подробные путеводители колониального Лаоса. С 1961 года без упоминания о нем не обходится ни один серьезный репортаж, статья и книга о современном Лаосе. Город лежит в 8—10 километрах на восток от Долины Кувшинов. И если фукутские и сиенг-куангские рубежи являются западными аванпостами этого военно-стратегического плацдарма, то его восточные ворота — «Великая поляна». Сюда сходятся в конечном счете важнейшие дороги, связывающие различные районы Верхнего Лаоса. А выдвижение Кхан-Кхая в число важнейших

политических центров страны относится к 1961—1962 годам. Вооруженные отряды нейтраллистов и Патет-Лао, вынужденные оставить в декабре 1960 года Вьентьян, отступили к Долине Кувшинов. В начале 1961 года они выбили оттуда части правых и создали здесь свой опорный район. Главной штаб-квартирой объединенного военного командования Патет-Лао и нейтраллистов был избран Кхан-Кхай. Здесь разместился высший военный совет. К маю 1961 года боевые части Патет-Лао освободили не только всю провинцию Сиенг-Куанг, но и две трети страны. И здесь, в Кхан-Кхае, обосновалось законное правительство Лаоса.

Оно было сформировано во Вьентьяне принцем Суванна Фумом, одобрено национальным собранием и королем в августе 1960 года. В ноябре это правительство установило (впервые в истории Лаоса) дипломатические отношения с Советским Союзом, а затем и с рядом других социалистических стран. Однако правые, проамериканские силы, окопавшиеся в Саваннакете, при подстрекательстве США сколотили так называемый «Комитет государственного контрреверсивного переворота» и предприняли наступление на Вьентьян. После захвата в декабре 1960 года мятежными генералами столицы принц Суванна Фума вылетел в Камбоджу. А через несколько месяцев прибыл в Кхан-Кхай. Сюда же переезжает аккредитованное при законном правительстве Лаоса посольство СССР. Вслед за ним появляются и другие.

Нашим постоянным полномочным представителем в Кхан-Кхае большую часть времени был советник посольства Василий Иванович Чивилев. Здесь советское посольство находилось вплоть до подписания Женевских соглашений.

Я встретился с нашими дипломатами-«кханкхайцами» несколько позже, уже во Вьентьяне. Они жили крепкой семьей, храня традиции трудных военных лет. Многие сохранили эту дружбу до сих пор.

Когда я появился в Кхан-Кхае, первое, о чем меня спросили: «Как поживает сахай (товарищ) Чивилев и его коллеги?» А затем повели к «советскому городку». Два одноэтажных здания разместились между старым и новым городом. В длинном бараке были жилые комнаты, во втором — рабочие кабинеты. Американские пилоты неоднократно обстреливали и бомбили городок. От одного из соседних зданий остались только груды кирпича. Черепичная крыша и стены жилого барака пробиты пулями и осколками. В одной из комнат сохранились приклеенные к двери полосы газеты «Нувель де Москву» от 10 марта 1962 года. В пустующих рабочих кабинетах выстроились поржавевшие машинки с латинским шрифтом. В первые месяцы этой войны бывшие помещения «советского городка» заняли китайские дипломаты. Во время одного из налетов некоторые из них были убиты на месте, другие ранены. А теперь бараки, как и все здания нового Кхан-Кхая, пустуют.

В 1961—1962 годах Кхан-Кхай хотели сделать столицей. В связи с этим здесь еще в годы войны и началось сооружение современных зданий, вилл, особняков.

Мы обходим одну за другой «улицы» нового Кхан-Кхая, а Сивиляй на ходу поясняет:

— Поселок для чиновников, театр, ставка Конг Ле, государственный универмаг, ставка Патет-Лао.

В вилле, построенной на одном из холмов, задерживаемся. Резиденция премьер-министра Суванна Фумы. Стены разукрашены рисунками. На одном из них объятый пламенем американский самолет и стреляющие по нему зенитные расчеты и карабинеры. А под всем этим подпись: «Сбит!»

— А это официальная резиденция заместителя премьер-министра Суфанувонга, — говорит Сивиляй, когда мы по шатким ступенькам входим в красивое двухэтажное здание.

В июне 1962 года накануне завершающей стадии Женевского совещания по Лаосу здесь, в районе Долины Кувшинов, на переговорах лидеров трех лаосских группировок было объявлено об образовании правительства национального единства, сменившего законное правительство 1960—1962 годов. Его по-прежнему возглавлял принц Суванна Фума. Из 19 постов министров и госсекретарей семь получили нейтралисты, четыре — представители Патриотического фронта Лаоса, а пять — их бывшие противники, сторонники проамериканского генерала Фуми Носавана. Принц Суфанувонг, нейтралист Киним Фолсена и правый генерал Фуми Носаван были назначены заместителями премьер-министра. После подписания Женевских соглашений 1962 года официальной резиденцией правительства снова становится Вьентьян. Туда же переезжают из Khan-Khaya посольство СССР, дипломатические представительства других стран.

...На улицах старого города обычная жизнь. В лавках, а ими здесь можно назвать любой дом, идет торговля. По улицам разгуливают в роскошных нарядах красавицы горянки из народностей лао сунг и лао тхынг. Для них выход в город — важное событие. Прячиваются, торгаются, покупают. Под легким бамбуковым навесом у одного из домов орудует с ножницами нарикмахер. На небольшом пятаке — городской площади — группы парней и девушек в модных цветных полотенцах. Парни используют их как шарфы, а девушки повязывают как тюрбаны на голове. Две улицы, почти под прямым углом взбегающие на холмы. Несколько тысяч жителей. Вот и весь город. В нескольких километрах отсюда, почти у самой Долины Кувшинов, лежит еще один «живой город» — Фонсаван. В переводе его название означает «Небесный рай на холмах». Он растянулся длинной торговой улицей вдоль дороги.

Большинство населения этих городов — китайцы, живущие здесь не одно поколение. Они занимаются исключительно торговлей. Живут обособленно, объединенные в свои корпорации. Их не встретишь ни в органах народной власти, ни в патриотических вооруженных силах.

Кхан-Кхай и Фонсаван, пожалуй, единственные города в провинции Сиенг-Куанг, которые не задела массовая эвакуация в горы и джунгли. Впрочем, так было до весны 1969 года. Побывавший в Сиенг-Куанге в апреле корреспондент АПН Виктор Дубограй уже увидел одни развалины Кхан-Кхая и Фонсавана — последних оставшихся «живых городов» близ Долины Кувшинов.

В предрассветном тумане на дорогах действуют своеобразные рынки. Здесь не только покупают и продают за деньги, но и идет оживленный товарообмен.

С наступлением утра, а значит, и началом облета американских самолетов «дорожные рынки» рассеиваются. Такого в мирное время не было.

На рассвете и по вечерам открывает свои двери государственный магазин. Впрочем, он иногда работает и днем, если позволяет обстановка.

Во время бесед представители местных властей рассказали, что в Сиенг-Куанге за последние годы успешно решаются продовольственные вопросы. Действительно, цены на продукты питания здесь гораздо ниже, чем в других Освобожденных районах, где мне удалось побывать. Покидаем Khan-Khaj поздно вечером. В домах заглядывались «летучие мыши». Далеко на всю округу разносились мелодии ламвонга. И лишь канонада ночного боя под Фукутом напоминала о том, что совсем рядом фронт.

Полковник Дыон и его товарищи

В просторной многокомнатной бамбуковой мазанке полумрак, не спасают даже чадящие вовсю лампады. Под аккордеоны, гитары и кхены танцуют солдаты и офицеры. Звенят грустные и задорные песни далеких отсюда Саравана и Саваннакета, Вьентьяна и Луан-Прабанга. Иногда приходится гасить лампады, и тогда в мазанку врывается вой проносящихся над головой американских самолетов. Часы, проведенные в ставке патриотических нейтралистских сил, подходят к концу. Глубокой ночью расходимся по «домам», освещая дорогу узкими лучиками карманных фонарей. Добравшись до своей хижины, зажигаю керосиновую лампу. Достаю чистые блокноты и до самого утра записываю впечатления.

Нейтралистские силы, нейтралистская группировка — явление в Лаосе сравнительно новое. Они появились осенью 1960 года, после восстания частей вьентьянского гарнизона. И первыми, кто провозгласил себя нейтралистами, противниками проамериканского режима и сторонниками мирного урегулирования конфликта между Патриотическим фронтом и правыми силами, были военные руководители восставших — капитан Конг Ле и старший лейтенант Дыон. А некоторое время спустя к ним присоединились принц Суванна Фума, Киним Фолсена, Кхамсук Кеола, генералы Буфа и Монгкхонвилай, многие другие. В обстановке, когда правые, проамериканские силы подняли военный мятеж и возобновили войну, в стране сложилось новое соотношение из трех, а не двух, как было до этого, сил. С одной стороны, правые во главе с чампассакским принцем Бун Умом и генералом Фуми Носаваном, а с другой — Патриотический фронт и нейтралистская группировка, выступающие совместно против вмешательства США, за независимый, нейтральный и единый Лаос. На Женевском совещании летом 1962 года речь шла о трех военно-политических группировках и мирном урегулировании лаосского конфликта, без вмешательства извне. Однако в 1963—1964 годах американской агентуре и силам правой реакции удалось вызвать раскол в рядах нейтралистов. Конг Ле с частью бывшей нейтралистской армии перешел на сторону проамериканской группировки. Некоторые политические лидеры нейтралистов также начали скатываться на позиции сотрудни-

чества с правыми и США. Они приняли участие во вьентьянском правительстве, претерпевшем серьезные изменения после реакционного военного переворота 19 апреля 1964 года.

С весны того же года в стране сложилась не только военная обстановка, но и новое соотношение сил. Проамериканская группировка и примкнувшие к ней правые политические и военные лидеры нейтралистской группировки объединились против патриотических вооруженных сил: ПФЛ и левых нейтралистов.

Многие политические лидеры, солдаты и офицеры нейтралистской армии остались верны боевому союзу с ПФЛ. В октябре 1965 года, на шестой месяц войны, развязанной правыми при активном содействии и участии США, в Сам-Неа состоялась первая национальная конференция представителей ПФЛ и левых нейтралистских сил. На ней была обсуждена и одобрена программа совместной борьбы против американской агрессии, за миролюбивый, независимый, единый, демократический и процветающий Лаос. Решениями конференции был одобрен уже сложившийся фактически к этому времени политический союз между ПФЛ и патриотическими нейтралистскими силами — широкий антиимпериалистический фронт.

В сентябре 1968 года в Сам-Неа была создана третья национальная конференция этого политического союза, на которой были подведены итоги его почти трехлетней деятельности и намечены очередные задачи. За последнее время заметно укрепился авторитет левой нейтралистской группировки, ее вооруженных сил. В ряде районов нейтралисты занимают важные посты в органах народной власти. Так, их представители являются губернаторами провинции Фонг-Сали и Сиенг-Куанг.

С 1963 года основные вооруженные силы патриотической нейтралистской группировки сосредоточены на двух фронтах — в Фонг-Сали и в Сиенг-Куанге. В Фонг-Сали находятся части генерала Буфы. Командующим крупнейшей группировкой нейтралистских частей является полковник Дыон, ставка которого размещается недалеко от Кхан-Кхая.

В апреле 1969 года здесь состоялась первая общнациональная конференция патриотических нейтралистских сил. Она приняла решение о создании Лиги патриотических нейтралистских сил (ЛПНС) и об объединении под общее командование всех вооруженных сил патриотов-нейтралистов. В одобренной на учредительной конференции ЛПНС программе действий было осуждено вмешательство США в дела Лаоса и сотрудничество правых сил с агрессором. В этом же документе было сказано «о решимости армии и патриотических нейтралистских сил идти по справедливому пути сопротивления американской агрессии, за спасение родины» и «о сотрудничестве с ПФЛ в борьбе за независимость, свободу и нейтралитет Лаоса». В исполнительный комитет ЛПНС было избрано 15 человек, в том числе Кхамсук Кеола, генералы Монгкхонвилай и Буфа, полковник Дыон. Политическим лидером левых нейтралистов с 1964 года является Кхамсук Кеола. В коалиционном правительстве национального единства трех политических группировок, образованном в 1962 году, он занимал пост министра здравоохранения. Весною 1963 года наемным бандитом во Вьентьяне был убит видный нейтралистский политический деятель, сторонник выполнения Женевских соглашений Киним Фолсена. На постах заместителя премьер-министра и министра иностранных дел его сменил Кхам-

сук Кеола, боевой соратник Фолсены. После апрельского путча правых во Вьентьяне весной 1964 года все эти три поста «временное» были заняты правыми нейтралистскими деятелями — сторонниками Суванна Фумы.

И вот пришло приглашение от полковника Дыона побывать в ставке нейтралистских вооруженных сил. В сопровождении связного добираемся до небольшого поселка из одноэтажных бараков. Это и есть сама ставка. Нас просят подождать. Через несколько минут навстречу выходит командующий — полковник Дыон и его ближайшие помощники — полковник Тхан, подполковники Конг Си и Тенг.

С Дыоном мы впервые встретились в Москве летом 1962 года. В составе лаосской делегации он прибыл для участия во Всемирном конгрессе за разоружение и мир. Только что были подписаны Женевские соглашения по Лаосу, открывшие путь к миру. Но в те же дни в соседнем Южном Вьетнаме стремительно разгорался пожар войны, развязанной при прямом участии США. В Москву прибыла первая официальная делегация Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. В холлах Дворца съездов мы обсуждали обстановку, перспективы в Индокитае. Лаосская делегация — герой дня. Она представляет народ, который вынудил Соединенные Штаты признать за ним законное право самому решать свои вопросы. Но угроза новых провокаций остается. Еще многое предстоит приложить сил народам Индокитая для восстановления мира, нормальной жизни. В Москве было подписано первое совместное заявление лаосских и южновьетнамских патриотов, осуждающих агрессивную политику США в Индокитае. От имени лаосской делегации свою подпись поставил полковник Дыон. На память о Советском Союзе он привез несколько репродукций картин об Октябрьской революции. Они-то и бросаются мне в глаза, когда вхожу в нейтралистскую ставку. На самом видном месте — портрет Ильича, где он изображен выступающим на митинге.

— Для меня, — медленно, обдумывая каждую фразу, говорит Дыон, — поездка в Советский Союз, в другие социалистические страны была особенно впечатляющей. Вы знаете, что мой путь в освободительное движение был сложным. О Советском Союзе я мог бы сказать много хорошего. Но дело не только в личных впечатлениях. Мы видим в Советском Союзе великую страну и великий народ. Более полу века назад вы без чужой помощи, сами совершили Октябрьскую революцию, отбили интервенцию 14 империалистических государств и вышли победителями. Нам легче. Нас поддерживают, нам помогают социалистический лагерь, растущие силы национально-освободительного движения во всем мире, все честные люди. Военная мощь Советского Союза сдерживает американских империалистов от применения ядерного оружия здесь, в Индокитае, и в других уголках мира.

Брошенная Дыоном мимоходом фраза о его сложном пути в освободительное движение не случайна. Об этом стоит рассказать. Хотя бы потому, что такой путь прошли и другие военные руководители нейтралистской группировки.

В тридцать три года в жизни Дыона наступил перелом.

До событий, разыгравшихся во Вьентьяне в ночь с 8 на 9 августа 1960 года, старший лейтенант Дыон пользовался репутацией одного из блестящих офицеров парашютных батальонов королев-

ской армии. Американские военные советники называли его «командосом № 1», «восходящей звездой». Таких высоких похвал не удостаивались даже генералы.

Но начнем сначала, с тех дней, когда маленький вьентьянец из зажиточной семьи делал свои первые шаги в жизни. Семья жила в сельских пригородах столицы. Каждое утро Дыон с ватагой болонгих ребятишек появлялся перед дверьми сельской пагоды. Старый бонза проходил с ними азы грамоты. Он учил детей читать, воспитывал их в духе буддистских заповедей: будь честным, не воруй, слушайся старших, чти Будду, короля, помни, что убийство — это тяжкий грех. При последнем наставлении бонза показывал на изображение на стене пагоды «мук ада». А вокруг происходили события, которые никак не укладывались в буддийские каноны. Окончив школу, Дыон, старший сын в семье, работал на своем поле, а потом по найму. Жизнь дорожала, семья увеличивалась, и денег теперь уже не хватало. И когда во Вьентьяне появились объявления о наборе во французскую колониальную армию, на семейном совете решили: быть Дыону солдатом. Жалованье приличное. Служба спокойная. Последние части повстанцев отступили в Таиланд. Шел 1946 год.

Хотя насчет жалованья надежды оправдались, но воевать Дыону пришлось много. Ряды партизан увеличивались. Офицеры рассказывали, что они предали короля, Францию и отреклись от Будды. Бандиты, да и только.

Через восемь лет Дыона направляют в офицерское пехотное училище в Саваннакет. В 1955 году он получает звание младшего лейтенанта и назначение в родной Вьентьян. Родители — думал в то время Дыон — могут гордиться сыном. Как-никак, а теперь он начальник училища «командосов» на столичной военной базе «Кинаймо».

В 1958 году лейтенант Дыон назначается командиром роты во второй парашютнодесантный батальон «командосов» — ударную антипартизансскую часть. Идея ее создания принадлежала американским советникам. Да и фактическим командиром был американский подполковник по кличке Джек. Для формирования «командосов» было отобрано около 800 самых надежных солдат и офицеров, прослуживших не менее пяти лет в боевых частях.

Летучий батальон принял активное участие в боях с Пате-Лао, нередко высаживаясь в тылах Освобожденных районов парашютным десантом. Все офицеры и часть рядового состава прошли специальную подготовку на американских базах в Таиланде и на Филиппинах. На базе «командосов» под филиппинской столицей их учили прыгать с американских самолетов «скайдеров», быстро действовать в джунглях. Занятия проводили американские и филиппинские офицеры — специалисты по борьбе с партизанами. Лаосские курсанты приняли участие и в военных маневрах на морском побережье совместно с американскими и филиппинскими частями. Инструктор-американец, подводя итоги, сказал:

— Вы настоящие командосы. Самые быстрые солдаты джунглей. Как тигры. Лучшим из вас себя показал лейтенант Дыон.

По окончании школы им выдали новое обмундирование с наплечными черными эмблемами в виде морды тигра.

А затем снова Вьентьян и карательные рейды. 130 раз со своим

летучим отрядом прыгал с самолетов в партизанские джунгли «черный тигр», теперь уже старший лейтенант Дыон. Во втором батальоне появилось десять американских офицеров. Янки чувствовали себя как хозяева в порабощенной стране.

«А может быть, правы партизаны?» — эта мысль все чаще не давала покоя Дыону. Он и его ближайшие друзья капитан Конг Ле, лейтенант Тхонг Ми не раз обсуждали этот вопрос: что же делать? Американцы, как до них японцы и французы, лишь натравливали одних лаосцев на других. Постепенно большинство лаосских офицеров проникалось антиамериканскими настроениями. Был создан штаб по подготовке восстания. А когда «коммандосам» был дан приказ высадиться в районе, где, по данным разведки, находились бежавшие из вьентьянской тюрьмы принц Суфанувонг и другие руководители Патет-Лао, штаб подготовки восстания принял решение. В ночь с 8 на 9 августа 1960 года столица Вьентьян перешла в руки восставших. Руководили им командиры второго батальона «коммандосов» — Конг Ле, Дыон и Тхонг Ми. Отличительным знаком восставших были красные шейные платки и красные повязки на рукавах. Вскоре были установлены контакты с представителем Патет-Лао генералом Синкапо.

В декабре 1960 года во Вьентьян ворвались превосходящие силы правых. За их спиной стояли США и Таиланд. Отряды патриотов вели ожесточенные бои на улицах столицы. С ними вместе сражались подразделения, сформированные из народных добровольцев, которым раздали тут же оружие, и два ударных батальона из бывших политических заключенных вьентьянских тюрем. Последним столицу покидал отряд Дыона...

В 1963 году уже здесь, в Долине Кувшинов, ему вновь пришлось вспомнить второй батальон «коммандосов», и вот в связи с чем. В ставку Конг Ле прибыл старый знакомый — подполковник Джек. Он пытался обратить в «свое лоно» бывших подопечных. С Конг Ле у него это вышло, а с Дыоном и его товарищами — нет.

— Наши дороги с господами из Пентагона, — говорит полковник, — разошлись раз и навсегда. Мы будем бороться до тех пор, пока американские интервенты не оставят лаосскую землю в покое и не уберутся восвояси.

Речь заходит о военном положении.

— На этом участке фронта, — рассказывает командующий, — мы действуем совместно с боевыми частями Патет-Лао. И хотя, по существу, это две армии, но наши отношения товарищеские. Планы операций разрабатываем совместно. Вместе их и осуществляем. В общем, полная взаимосвязь и взаимоподдержка. За последние годы вооруженные нейтралистские силы значительно укрепились. На нашем участке фронта мы располагаем пехотными, противовоздушными и бронетанковыми подразделениями. Нет пока авиации. Большую политическую работу проводим в армии по разъяснению задач, стоящих перед национально-освободительным движением в стране. Настроение в частях боевое. Вот, пожалуй, и все. Остальное увидите на фукутском фронте. Передайте советскому народу наши наилучшие пожелания и искреннюю благодарность за поддержку и помощь.

А вечером в нейтралистской ставке был дан прием, с которого я начал свой рассказ.

На фундамонтах рубежах

Ночь. Небо во весь горизонт затянули тучи. В нескольких шагах не видно стоящего рядом человека.

— Не очень приятная предстоит прогулка, — ворчит себе под нос Сивиляй. — Снова придется ехать с включенными фарами.

До рассвета мы должны выйти к фукутским рубежам.

Отдав приказ о подготовке к выходу, Сивиляй еще раз связывается по телефону со штабом фронта, выясняя обстановку. Третий час слышна ожесточенная артиллерийская канонада, изредка пронизываемая пулеметными очередями. Несколько раз над долиной, в которой укрылся наш бронетранспортер, пролетает американский самолет-разведчик и, ничего не обнаружив, уходит в сторону.

Бойцы снимают чехлы с пулеметов, заряжают ленты и, набросив на себя плащи и телогрейки, занимают свои места. Из темноты снова появляется Сивиляй и отдает приказ двигаться по обходному маршруту. Немного помедлив, поясняет: на дороге, по которой мы должны были двигаться, диверсанты заложили мины. Час назад на них подорвались мальчик со стариком. Пробив ночную темноту лучами фар, бронетранспортер трогается с места и, развернувшись, выходит на обходную трассу.

Чем ближе к фронту, тем больше разбитых машин, сожженных рош и черных пепелищ. У небольшого мостика фары выхватывают из темноты радиатор разбитого грузовика и бешено вертящийся под порывами ветра вентилятор. Ни души. Когда впереди зловещим красноватым светом вспыхивает осветительная ракета, бронетранспортер, словно вкопанный, останавливается, а пулеметчики замирают в боевых позициях. Минут через пять снова на ощупь двигаемся навстречу приближающейся канонаде боя. Остаток пути до позиций, занимаемых батальоном Патет-Лао, проделяваем пешком. На горном склоне рядом с тропой небольшая дощечка: «Осторожно! Зона артобстрела». Рядом черная глубокая нора от неразорвавшегося 155-миллиметрового снаряда. Мы в гостях у защитников Фукута.

Отдыхаем в небольшой землянке. Три наката сосновых бревен и над всем этим прямо на черной, выгоревшей земле небольшой шалаш. Он же служит крышей блиндажа. В нескольких шагах от входа — отвесный обрыв. В землянке — нары, установленные ящиками с патронами и снарядами. На стенах карабины и автоматы. Чадят несколько коптилок, освещая тусклым светом лица людей и поминутно трезвонящий телефон. Мы на командном пункте.

Сидим на корточках на циновках, положив рядом автоматы. Пьем зеленый лесной чай. То и дело отрываясь к телефону, комбат Буакхам все же успевает рассказать нам об обстановке. Его рассказ дополняют другие. Война для защитников фукутских рубежей началась 17 мая 1964 года. В самый первый день войны именно сюда обрушили свои бомбовые грузы американские самолеты. С тех пор Фукут — один из самых напряженных участков

лаосского фронта. Но противнику до сих пор так и не удалось сломать линию обороны, удерживаемую отрядами Патет-Лао и нейтраллистов.

Фукут переводится как «Волнистый гребень». Двухкилометровый кряж, покрытый соснами, лежит на высоте 1396 метров над уровнем моря. Собственно, так можно было писать несколько лет назад. Из-за бомбардировок и артобстрелов гребень Фукута осел на несколько метров, и на его вершинах уже нет ни одной сосны. На склонах чернеют лишь обуглившиеся, черные стволы деревьев. С первого дня войны здесь гремит артиллерийская канонада, рвутся бомбы. Буакхам достает записную книжку и сухо, по-военному читает лаконичные военные сводки.

Зимняя кампания 1965/66 года. Американо-вьентьянская авиация совершила 1920 боевых самолето-вылетов на Фукут. Сброшено более 7 тысяч бомб. Не считая мин, по Фукуту было выпущено свыше 230 тысяч снарядов. На каждый квадратный метр этой земли пришлось по 25 снарядов и одной бомбе.

Снова начался артобстрел. Над позициями появились американские самолеты-корректировщики. Уходим в укрытие. Здесь Буакхам и заканчивает свой рассказ. За последнее время американо-вьентьянская авиация ежедневно совершает по нескольку налетов. Сотни снарядов выпускаются по передовым позициям, занимаемым патриотами. Нередко приходится отражать и атаки вражеской пехоты.

С вершины кряжа из окопов просматриваются долина, ряды колючей проволоки, минные поля и длинные полосы переднего края противника на той стороне долины, приблизительно в километре отсюда. Позиции тяжелой артиллерии противника в 10 километрах, недалеко от Мьянг-Суя.

В короткие передышки между боями прямо на боевой позиции записываю рассказы бойцов и командиров легендарного рубежа. Они очень молоды. Но за плечами каждого годы фронтовой жизни. Взять хотя бы комбата Буакхама. Тридцать два года. Половина жизни прошла на фронте, сначала в родной деревушке, что находится за тысячу километров отсюда, в Среднем Лаосе, а потом на разных театрах войны в Верхнем Лаосе. Вместе со своим взводом освобождал он Долину Кувшинов, воевал на самом тяжелом рубеже у перевала Сала-Фукхун в прошлую войну. С 1964 года снова на фронте, здесь, на фукутском рубеже. Комиссар батальона Мани — в солдатской шинели. Озорные цыганские глаза, копна курчавых волос выдают в нем жителя народности лао тхынг. Ему нет и тридцати. Солдатом стал в шестнадцать.

Для двадцатисемилетнего бойца Пхади война началась, как он говорит, четырнадцать лет назад. Даже здесь, в блиндаже, он не выпускает из рук автомата. Рассказывает о прошлогодних ожесточенных боях, чутко прислушиваясь к нарастающей артиллерийской канонаде. Тогда, говорит он, тоже вот так началось, с артобстрела. А затем появились бомбардировщики и начали обрабатывать позиции. Так продолжалось почти сутки. Потом началась атака противника силами в несколько батальонов. На рубеже его роты правым удалось прорваться к переднему краю обороны. И все же противник вынужден был отойти. Поредели ряды самих защитников. Третья атака началась в густом предутреннем тумане. Это были тяжелые дни...

Артканонада продолжает усиливаться, и прямо из блиндажа боец Пхади ушел на огневой рубеж.

Высоты Фукута хранят память о погибших. О капитане Кхамтхоне, двадцатидвухлетнем комвзводе, которому было приказано защищать один из ключевых участков обороны. Тяжело раненный, с оставшимися в живых бойцами он отражал пятую волну пехоты противника. Когда цепи атакующих прорвались к окопам его взвода, в живых оставалось всего шестеро. Вражеская пуля сразила командира, когда он отдавал последний приказ: стоять насмерть. Как отважный воин погиб и зенитчик Нео. В последний момент он сбил американский Ф-105. У Фукута нашли свою могилу сотни самолетов противника.

Кстати, о противнике. В отношении военнопленных лаосцев патриоты проводят своеобразную политику. После разъяснительной работы им предоставляют право жить и трудиться в своих деревнях. Тем, кто изъявляет желание вернуться в зону правых, это желание также удовлетворяют, правда взяв клятву, что они не будут больше участвовать в войне против патриотических сил. Многие же выбирают иной путь — добровольно вступают в ряды Патет-Лао или левых нейтраллистов.

На следующую ночь мы добрались до ставки фронта северных рубежей Долины Кувшинов. На крутом, поросшем соснами склоне горы одна над другой выстроились бамбуковые хижины. Рядом с ними — щели для укрытия от артобстрела и земляные бомбоубежища. В штабной хижине при свете коптилки девушка-телефонистка пытается связаться с Фукутом. Навстречу отряду с фонарем в руках выходит лаосец в черной куртке.

— Тянь Ди Вилайнен, — представляет его Сивиляй, — командающий северным участком фронта.

Пока готовится очаг и добываются москитные сетки, мы, устроившись на скамейках из бамбуковых жердей, беседуем. Тянь Ди тридцать три года. Родом из королевской столицы — Луан-Прабанга. За плечами начальная школа и восемнадцать лет подполья. Восемь лет не был дома и до сих пор ничего не знает о своей семье. Она у него на территории, контролируемой правыми. Тянь Ди рассказывает, что, судя по данным разведки, противник готовится атаковать позиции патриотических сил на подступах к Долине Кувшинов: прибывают подкрепления, увеличилось число американских советников на передовых позициях. Позднее в Сам-Неа — главной ставке — нам стало известно, что в конце апреля 1969 года отборными частями Ванг Пао при поддержке военно-воздушных сил США удалось прорвать оборону патриотических сил и войти в город Сиенг-Куанг, превращенный американской авиацией в развалины. В мае положение на сиенг-куангском фронте было восстановлено. Освободив Сиенг-Куанг, части генерала Син-кало и полковника Дыона с фукутских рубежей перешли в наступление и освободили Мьянг-Суй, поставив под угрозу ключевые опорные базы генерала Ванг Пао в Лонг-Ченге и Сам-Тхонге. В этих операциях было уничтожено, ранено и захвачено в плен более 2700 солдат и офицеров правой группировки. Но все это произошло потом.

А пока Тянь Ди отдает приказ: к утру наш отряд должен быть на позициях зенитных батарей. Выход через четыре часа. Темная ночь. Холодный ветер пронизывает насквозь. Над головой

со свистом проносятся снаряды и рвутся где-то поблизости, сотрясая легкие бамбуковые стены. В соседней хижине почти беспрерывно трезвонит телефон, слышится сонный голос телефоинистки. Забравшись под москитные сетки, устраиваемся на ночлег. В полуслепоте чувствуя, как кто-то тормошит меня за плечи. Глаза слепит свет карманного фонарика. Из темноты сквозь разрывы снарядов доносится встревоженный голос часового: «Получен приказ: выходить немедленно. Противник усилил огонь».

Рассвет наступает стремительно. На горизонте сквозь пелену тумана за изломанной линией гор вырисовывается огромный красный диск солнца. Неумолчный шум цикад сливается с разрывами снарядов в сплошную какофонию. По земле стелется едкий дым. Вдоль дороги — лоскутья черной выжженной земли. Следы от напалмовых бомб. У окопицы первой деревушки развороченная прямymi попаданиями бомб буддийская пагода. На развалинах застыли две одинокие фигуры бонз. Их лица обращены к красному диску солнца. Поверх желтых одеяний зеленые защитные накидки. Услышав шаги, они с опаской оглядываются. Признав нас, снова продолжают молитву. В деревне во время последних налетов погибло несколько женщин и детей. Все чаще по дороге попадаются небольшие группы бойцов. Жизнь в прифронтовой полосе начинается до рассвета.

Н-ская зенитная батарея занимает позицию на одной из горных высот. У подножья замаскированные ветвями склады боеприпасов, низкие бамбуковые хижины. Одна из них переоборудована в полевую кухню. Тянет душистым разваренным рисом. Между позициями орудий подземные ходы сообщения. Вокруг черные обгорелые стволы сосен и обожженная трава. То и дело попадаются осколки от снарядов и бомб. Небо пока чистое. Устроившись на корточках прямо на сырой от росы земле за чашкою риса, ведем неторопливый разговор с командиром батареи. Он участвовал в 140 боях, один из первых зенитчиков. На боевом счету батарей, в которых довелось воевать Чанг Тхи, восемь сбитых самолетов противника.

За последние годы мне часто доводилось встречаться с бойцами Патет-Лао и левых нейтралистов. Многие из них с детства помнят лишь войну. Подавляющее большинство бойцов и командиров Народно-освободительной армии Лаоса — молодежь в возрасте от пятнадцати до двадцати трех лет. Это уже не те партизанские отряды, которые в 1946 году начинали освободительную борьбу с луками и отравленными стрелами, старинными дедовскими мечами и пиками. Сейчас вооруженные силы Патет-Лао и левых нейтралистов — это современная армия, на вооружении которой не только обычное стрелковое оружие, но и артиллерия, танки, бронетранспортеры. Они удерживают ключевые рубежи на передовых позициях Освобожденных районов, ведут многодневные бои в тылу с бандами и диверсионными отрядами правых.

Все большую роль играют местные территориальные части и деревенские отряды народного ополчения. Они не только участвуют в боевых действиях, но и активно помогают народной власти в решении многих проблем, вызванных войной. Эти части, как правило, находятся на самообеспечении продовольствием. Их основное оружие — автоматы и карабины, плуги и мотыги.

Днем в расположении нашей части появился крестьянин с ка-

рабином за плечами. Он передал приглашение от жителей небольшой деревушки Хуот вечером побывать у них в гостях, встретиться с ополченцами.

Узкая долина окружена террасовыми полями. Издали они касаются гигантскими ступенями, ведущими на вершины гор. Высокие хижины на сваях окружены заборами. Кое-где их заменяют колючая проволока, заросли бамбука и толстые низкорослые кактусы. На деревенской площади у традиционного бамбукового шеста огромный костер. Собралась вся деревня — около ста жителей. Слева в колонну по двое выстроился отряд народного ополчения. Половину составляют женщины. За плечами карабины, охотничьи луки и самострелы. Командует пожилой крестьянин. Он в старой поношенной гимнастерке, босиком. Ополченцы показывают свое искусство владеть оружием. А потом откуда-то появляются кхены, и начинается ламвонг, звучат боевые песни Сопротивления.

В отблесках пламени костра грациозно плывут по кругу стройные девушки. За их плечами темнеют стволы карабинов. Они сегодня в белых праздничных кофтах, в узких юбках, расшитых по подолу серебром. Плывут круг за кругом, звеня браслетами и подвесками. Смех, крики. Неожиданно все это обрывается. Рядом рвутся снаряды. Ополченцы прямо с праздника расходятся по боевым постам.

Укрывшись в безопасном месте, продолжаем начатый разговор. Старики народности пуок потягивают самодельные трубки и степенно по очереди выкладывают новости, вспоминают недавнее прошлое. Трудная была жизнь. Земля небогатая. А поборы были тяжелыми. Кое-что давала охота. На весь уезд была одна начальная школа с шестьюдесятью учениками. Да, сейчас тоже нелегко. Война.

— Сразу всего не переделаешь, — мудро замечает один из стариков. Лучше стало с продовольствием. Постепенно ликвидируется неграмотность. В десять раз больше учеников в сельских школах. Появились «группы сплоченности». Глубоко пустила корни народная власть. Может, поэтому и уходят из деревень этой округи на защиту Освобожденных районов сотни добровольцев.

Артиллерийская канонада начала ослабевать. Выбравшись из укрытия, выходим к леску, где укрылся бронетранспортер.

Солнечная долина

Миновав Сиенг-Куанг, останавливаемся в небольшой лаолумской деревушке. Пока на очаге готовится ужин, хозяева приглашают в хижину. Рассаживаемся вокруг пылающего костра и слушаем леденящие сердце рассказы крестьян о бандитских операциях «невидимых» американцев в уезде Мьюнг-Нган. Тхить Тянтхо говорит короткими отрывистыми фразами, с большими паузами. Волнуется. Его родная деревня была освобождена в середине 1966 года. А потом... Тхить Тянтхо больно вспоминать. Из шести детей ополченца в живых осталось трое. Двое погибли до освобождения

от недоедания и болезней. А третий, младший — в страшных муках потом. Доза ядовитых химических веществ, разбросанных американским пилотом, оказалась смертельной для ребенка.

Самолеты «обрабатывали» район ночью. Поэтому даже когда люди почувствовали острые головные боли, резь в глазах, головокружение, не сразу сообразили, в чем дело. Шестеро получили тяжелые отравления. Троих из них спасти так и не удалось. Утром хижины, сады и поля представляли ужасное зрелище. Листья на деревьях и бананах пожухли, свернулись, как от огня. Многие фруктовые деревья пришлоось вырубать. Ядовитые химические вещества, фосфорные, напалмовые и шариковые бомбы были сброшены также на десятки деревень в уездах Ла-Тхынг, Нонг-Пет, Мыонг-Кхын. В селении Бангсон погибло 18 человек. А здесь, на мыонг-кхынской земле, огненный смерч прошелся по девяти деревням. Десятки семей лишились кормильцев. Сотни буйволов остались лежать на полях. Несколько пагод были превращены в груды кирпича.

Ополченец Тхить Тянтхо отплатил врагу. На его боевом счету американский самолет.

Бронетранспортер держит путь на Долину Кувшинов. Мимо проплыают корабельные сосновые рощи. Надвигается ночь. А пока во весь горизонт полыхает закат.

С наступлением темноты оживает дорога. Чем ближе долина, тем реже встречаются рощи и перелески. Постепенно они уступают место голым, поросшим травою холмам. Неожиданно за одним из них оказывается плоская до горизонта равнина, залитая мертвым лунным светом. Зеленое травяное поле кажется гигантским ковром. Последнее не так уж далеко от истины. В стратегических планах Пентагона Долина Кувшинов рассматривается как самый удобный в Индокитае плацдарм для крупиейшей военно-воздушной базы. Уникальная неправильной формы чаша в краю гор и джунглей радиусом от двадцати до тридцати километров местами изрыта оврагами. Вдоль и поперек опоясали ее желтые ленты грунтовых дорог. И... ни огонька, ни звука. Лишь стрекот кузнецов да кваканье лягушек... На рассвете через смотровую щель бронетранспортера неожиданно вижу надвигающуюся на нас пещеру. Здесь-то и делаем остановку.

Мощный сноп света, пробившийся откуда-то сверху, озаряет стены пещеры. Через широкий вход открывается вид на сотни каменных кувшинов, давших имя легендарной долине. Они усыпали весь косогор. Сколько же их? Двести, триста? Кувшины полые, из цельных каменных глыб. Самые маленькие — по пояс. Есть и крупные — в полтора человеческих роста. Некоторые, не выдержав испытания веков, дали трещины. Их происхождение и назначение до сих пор предмет жарких споров, загадка истории. Предполагают, что полторы-две тысячи лет назад здесь, в долине, был один из центров цивилизации древнего Лаоса. Если верить дошедшим до нас легендам, Долина Кувшинов не раз была полем жестоких битв. В пещере, где мы остановились, по преданию шаманы совершили прощальные обряды по погибшим героям. А кувшины служили гигантскими сосудами для напитков древним воинам. Здесь на косогоре справлялись тризны, праздновались победы. Вокруг огромного кувшина собирались дружины и, опустив в сосуд длинные тростниковые трубочки, пили «сухую» водку «лаохай». Если верить

легендам, она настаивалась на костях погибших героев и придавала живым мужество и отвагу. Пиршества длились много дней. В отблеске огней гигантских костров с танцами и песнями воины праздновали свои победы.

Старые летописи донесли из глубины веков и более достоверные сведения. В VII веке, за восемь веков до рождения первого лаосского государства Миллиона слонов и белого зонта, здесь жили древнейшие обитатели страны. И это именно они, далекие предки лао тхынгов, оставили потомкам удивительные загадочные кувшины. Позднее появились в Долине Кувшинов фыоны — лао лумы. Предание сохранило имя их воинственного вождя Кхун Борума. Его восьмой сын был первым королем фыонов. Свою столицу первые короли основали в неприступном горном районе Мионг-Кхам, недалеко от Долины Кувшинов. И сегодня здесь можно увидеть остатки древней столицы первой половины XIII века. В XIV веке в Долине Кувшинов шла война между армией фыонов и вторгшимися сюда войсками вьетнамских феодалов. После долгих десятилетий иностранного господства свободолюбивые лао в борьбе отстояли свою независимость. Столицей фыонов с XV века становится город Сиенг-Куанг. Последний король сиенг-куангской династии Тяо Ной был захвачен в плен аннамскими войсками и в 1830 году обезглавлен в столице феодального Вьетнама Гуз. Его потомки к своему имени по-прежнему добавляют «тяо» — принц.

В 1914 году один из них, принц Пра Онг Кхам, поднял восстание против французских колонизаторов. Три года потомки древних фыонов наводили ужас на врага. Об этом движении известно немного. Оно началось в Мионг-Сине, а потом охватило многие районы. Лишь в 1916 году карателям удалось разбить последние отряды Пра Онг Кхама. А сам он вынужден был горными тропами уйти в соседний Китай, где и умер на чужбине. С некоторыми из потомков сиенг-куангской династии мне довелось встречаться по обе стороны лаосского фронта. Кхамфыон Туналом, например, видный лидер ПФЛ — один из четырех представителей Патриотического фронта в коалиционном правительстве.

Обо всем этом мне рассказали в бамбуковой хижине, где разместился отдел провинциального комитета. А затем речь зашла о планах строительства новой жизни в Освобожденном крае. Об этом на самом ожесточенном участке лаосского фронта говорят всерьез, с выкладками, цифрами. Здесь не только прекрасные условия для земледелия и скотоводства, не только редкие в Индокитае лесные массивы ценных пород деревьев. Земля Сиенг-Куанга хранит несметные сокровища полезных ископаемых: золото, драгоценные сапфиры, алмазы и рубины, антрациты, жирные угли, а возможно, и запасы нефти, железной руды меди, олова, цинка, бокситов. Чудесные сосновые боры и целебные источники. Имея все это, можно мечтать об изобилии риса, кукурузы и мяса, развитии ведущих отраслей промышленности на местной энергетике и сырье, о создании зон отдыха, санаториев. Предстоят большие почвоведческие исследования, геологоразведочные работы, многое другое, к чему народная власть сможет приступить по-настоящему лишь после восстановления единства страны и прочного мира. Ну, а пока главные заботы о решении продовольственного вопроса, об обеспечении всем необходимым фронта, об укреплении органов народной власти.

Очень серьезно перед провинциальным комитетом стоит национальный вопрос. Сиенг-Куанг по традиции считается одним из главных центров лао сунгов. Как правило, в других районах страны они составляют меньшинство. Из них французские колонизаторы и американские разведчики вербовали кадры своих наемников. Из них вышли «король мео» Тубилифонг и «черный генерал» Ванг Пао, а также ударные силы «специальных войск мео». Об этом часто пишут западные историки и журналисты, «забывая» освободительные традиции лао сунгов, героические страницы их истории.

Недалеко от пещеры разместился небольшой поселок, где обитают две семьи. Несколько бараков. Кругом колючая проволока, окопы. Бывший городок у взлетно-посадочного поля Долины Кувшинов, где в 1963—1964 годах шли переговоры, уничтожен во время массированных налетов американской авиации. На обратном пути на одной из дорог встречаем группу людей. Бойцы дорожных отрядов разбирали груды металломолома — останки рухнувшего сюда американского истребителя-бомбардировщика. Освещенная лучами заходящего солнца, Долина Кувшинов на этот раз напоминала безбрежное зеленое море. Пустынное море.

Внуни Патчая

На небольшой горной площадке шла обычная пристрелка из карабинов по мишени. Над долиной гулко разносилось эхо. Дождавшись конца учения, вместе с отрядом по крутой горной тропе карабкаемся наверх. В небольшом селении лао сунгов нас уже ждут. Как почетному гостю мне предлагают сделать несколько традиционных затяжек из опиумной трубы. Лао сунги широко применяют опиум как лекарственное средство, а в разбавленных дозах и как обычный табак. Основное их занятие — земледелие и отчасти охота.

Западная пропаганда в течение многих лет настойчиво твердит о том, что племена лао сунгов — «мео» — якобы почти все выступают против народной власти и действуют под командой «черного генерала» Ванг Пао. Некоторые утверждают, что и до этого лао сунги действовали на стороне французских колонизаторов.

Но как обстоит положение на самом деле? На этот вопрос я пытался найти ответ во многих Освобожденных районах Верхнего Лаоса. Старался как можно чаще бывать в деревнях и партизанских отрядах, встречаться с лидерами лао сунгов. Особенно запомнилась первая встреча с шефом сельского медпункта в деревне Хуа Кхан. Небольшая бамбуковая хижина с земляным полом. Легонькая двускатная крыша, под которой развесшен большой трофеиный американский парашют. Всего три комнаты. В комнатушке справа — два больничных топчана, покрытых циновками. Около каждого из них по карабину. Командовала этим «хозяйством» двадцатидвухлетняя санитарка Чы из народности лао сунг. Слева от входа ее «приемный кабинет». Рядом с оружием — зеркальце, украшения, браслеты, кольца. Чы просит меня:

— Будете писать — расскажите советским людям о том, что

лао сунги, как и другие народности Лаоса, имеют героические традиции освободительной борьбы, активно участвуют в строительстве новой жизни. Генерал Ванг Пао и «король мео» Тубилифонг — предатели нашего народа. Они никого не представляют, кроме себя и им подобных реакционеров. Наш народ верен традициям Патчая.

Кто же такой Патчай?

Вот лишь то немногое достоверное, что удалось узнать. В 1918 году в ответ на распоряжение французских колониальных властей платить налоги и выполнять трудовую повинность вспыхнуло мощное восстание лао сунгов. Оно охватило Сиенг-Куанг и Сам-Неа, Луан-Прабанг и Фонг-Сали. Руководил им один из племенных вождей, Тяо Фа Патчай. Повстанцы провозгласили независимость, отменили налоги и повинности, организовали партизанские отряды. Пять лет продолжалась народная война. Но силы были слишком неравными, и отряды повстанцев были разгромлены. В 1922 году Патчай был предательски убит агентом французских колонизаторов. Предателя покарала рука патриотов. Тело вождя было тайно предано земле. Карателям так и не удалось разыскать могилу Патчая. Они не смогли надругаться над прахом героя.

В Khan-Khae мне рассказали, что в частях Патет-Лао в Сиенг-Куанге воюет внук легендарного Патчая.

Новое восстание лао сунгов началось в 1945 году. Его возглавил племенной вождь Фейданг. Юношей он слышал рассказы о Патчae, восхищался героизмом бесстрашного предводителя. Фейданг и сейчас живет в Сиенг-Куанге, являясь вице-председателем ЦК ПФЛ. Мне довелось не раз встречаться с ним, слушать его рассказы о том, как началось вооруженное сопротивление лао сунгов в 1945 году.

Однажды отряд колонизаторов окружил деревню. Французы разыскивали Фейданга. Донос на него написал сам «король мео» Тубилифонг. Но Фейдангу с отрядом воинов удалось прорвать кольцо окружения и, отстреливаясь, уйти горными тропами в джунгли. Здесь они создали свою первую базу Сопротивления. Через несколько лет многие лаосунгские деревни превратились для колонизаторов в неприступные крепости. У повстанцев не хватало винтовок. Но были луки с отравленными стрелами. Сам Фейданг владеет ими в совершенстве и считает лук незаменимым оружием партизанской борьбы: стреляет бесшумно, точно направленная стрела сражает врага наверняка.

В 1946 году Фейдангом была создана Лаосунгская лига сопротивления, куда вошли почти все лаосунгские селения провинции Сиенг-Куанг. В районах, контролируемых патриотами, были отменены налоги и трудовые повинности, ликвидирована колониальная администрация, созданы отряды самообороны. Одним из главных лозунгов движения было равенство всех народов. Лао сунги не только продолжали дело Патчая, но и учли горький урок поражения восстания 1918—1922 годов — изолированность их движения от борьбы других народов. Лаосунгская лига сопротивления устанавливает контакты, а затем и боевое сотрудничество с партизанскими отрядами лао лумов и лао тхынгов. В 1950 году она входит в первый общенациональный патриотический фронт — Нео Лао Ит-Сала.

В настоящее время представители лао сунгов активно участвуют и руководят многими органами народной власти в Сиенг-Ку-

анге и других Освобожденных районах. Их видные политические деятели Не Ви и Ло Фунг — члены ЦК ПФЛ. Ло Фунг, с которым мне довелось встретиться в Сам-Неа, оказался удивительно разносторонним человеком. Он хорошо разбирается в истории лао сунгов и всей страны, увлекается филологией. Именно ему принадлежит честь создания первой лаосунгской письменности. В Освобожденных районах по учебникам Ло Фунга внуки Патчая впервые учатся на родном языке.

Вечером покидаем горную деревушку и спускаемся в долину. Перед тем как тронуться в путь, пытаемся найти высоко в горах огоньки гостеприимного селения. Лао сунги говорят, что это добрая примета для путников.

„Черный генерал“ Ванг Пао

Незадолго до нашего приезда под Бан-Баном во время ликвидации бандитских гнезд был захвачен склад оружия. В глубине джунглей в надежном укрытии обнаружены 120 карабинов и другое стрелковое оружие, 105-миллиметровые пушки, боеприпасы. Среди захваченных документов — сверхсекретный приказ. Внизу размашистая подпись: «полковник Фрэнк». В нем сообщалось, что в ближайшее время в этот район будут сброшены с самолетов новые крупные партии оружия и боеприпасов. Сдавшиеся в плен диверсанты подтвердили, что американские самолеты должныбросить «части особого назначения». Не исключено, что вместе с ними прибудет и сам «полковник Фрэнк», американский офицер, «военный советник» генерала Ванг Пао. В связи с этим ожидалась деятельность окопавшихся здесь шпионско-диверсионных групп. Об этом нам рассказал Ит Убонкупият, кадровый работник уезда Мьянг-Пет. Действуют диверсанты небольшими группами по 3—7 человек. С американских самолетов и вертолетов в труднодоступных горных районах они получают оружие, боеприпасы и продовольствие, а иногда и подкрепления. Они воруют скот, ставят на дорогах и полях мины, разбрасывают листовки с контрреволюционным содержанием. Иногда появляются в деревнях и грозят расправой активным участникам освободительного движения и их семьям. Однако, не находя поддержки среди населения, бандиты скрываются в своих логовах в глубине джунглей.

Новые данные о деятельности лаосских наемников ЦРУ стали известны из документов сбитого над этим районом американского капитана Голли. Его реактивный Ф-105 рухнул на землю с небольшой высоты. Пилот не успел даже раскрыть парашют. Бойцов местной противовоздушной обороны насторожили настойчивые попытки противника разыскать местоонахождение упавшего самолета. На поиски пилота и останков его самолета были брошены не только истребители-бомбардировщики, но и вертолеты. Усиленный интерес к капитану Джеймсу Голли начал проясняться лишь после того, когда в штабе патриотов ознакомились с документами, найденными в самолете. В частности, из личных бумаг выяснилось, что ка-

питан Д. П. Голли прошел специальную подготовку в «Школе по выживанию в джунглях», имеет допуск к «сверхсекретной документации» и прямое отношение к стратегическому командованию американских ВВС. Оклахомский ас за несколько лет службы успел «поработать» в Сан-Франциско и Техасе, на Окинаве, в Южном Вьетнаме, в Таиланде. Вряд ли его родственники в местечке Энид, на улице Хенс, д. 425 оповещены Пентагоном, при каких обстоятельствах погиб капитан Д. П. Голли. На тоненьком зеленом листке текст телеграммы за третью печатями с продольными полосами — «доверительно». Ее адресаты — командование восьми военных американских баз, в том числе в Южном Вьетнаме, Таиланде и Лаосе. Большая часть текста зашифрована, но из оставшейся ясно, что на этот раз капитан выполнял важное секретное задание в Верхнем Лаосе. И еще нейлоновая карта Индокитая с пометками, проставленными от руки черной тушью. В глубине Освобожденной территории, на запад от Сам-Неа, обозначен район с расходящимися от него линиями в сторону Вьетнама и Лаоса. Именно эта карта больше всего, видимо, и интересовала «спасателей». Но о бандитских гнездах лаосских наемников ЦРУ в Сам-Неа расскажу попозже, а пока о самом «черном генерале».

Километрах в ста от Вьентьяна, к северо-западу от Долины Кувшинов, в горном, покрытом джунглями районе находится небольшое местечко Лонг-Ченг. Именно здесь в последние годы обосновался со своим штабом генерал Ванг Пао. Формально он командующий вторым военным округом вьентьянской армии. А фактически, и об этом знает каждый во Вьентьяне, один из главных ставленников Центрального разведывательного управления США. Второй военный округ генералом Ванг Пао и его американскими советниками рассматривается довольно «широко». Сюда включены не только территория, контролируемая правой группировкой, но Освобожденные районы Верхнего Лаоса. В ставке «черного генерала» собственная радиостанция. По некоторым данным, в Лонг-Ченге и на другой ключевой базе Ванг Пао — Сам-Тхонге находится около 200 американских советников.

Мои первые встречи с Ванг Пао относятся к 1963 году, когда мало кому известный полковник неожиданно для всех получил генеральские погоны. В те дни главная ставка новоиспеченного генерала находилась недалеко от Долины Кувшинов. В напряженные дни весны 1964 года, когда генерал Конг Ле, порвав дружеские отношения с ПФЛ, оставил Кхан-Кхай и создал свою «самостоянную» ставку в небольшом местечке Мионг-Фан, я побывал здесь вместе с группой иностранных журналистов. В то время между генералами Конг Ле и Синкало еще продолжались переговоры об урегулировании конфликта. Пока в штабе шла беседа, на аэродром приземлились один за другим несколько вертолетов. Среди вновь прибывших был человек лет сорока. Его так и не представили журналистам. Это был Ванг Пао, предпочитавший держаться подальше от репортеров. После нашего отлета «гость» остался в ставке Конг Ле.

Представители Патет-Лао в Долине Кувшинов рассказывали нам, что многие провокации связаны с именем этого «черного генерала». Некоторые из офицеров Ванг Пао уже проникли в ряды армии генерала Конг Ле и начали играть там активную роль. Ряд провокаций был совершен непосредственно молодчиками Ванг Пао,

переодетыми в нейтралистскую форму. В середине мая 1964 года против объединенных сил Патет-Лао и левых нейтралистов в Долине Кувшинов выступили одновременно оставшиеся верными Конг Ле части правых нейтралистов и ударные силы «черного генерала». А 17 мая военно-воздушные силы правой группировки и американские истребители-бомбардировщики начали массированные бомбардировки позиций патриотических сил в Долине Кувшинов. Так началась война. Мирное урегулирование лаосского вопроса на основе Женевских соглашений 1962 года было сорвано.

Одну из зловещих ролей в том плане ЦРУ сыграл «черный генерал». Свои генеральские погоны он получил в 1963 году, сразу же после того, когда из-за провокаций правых офицеров был «самораспущен» верховный военный совет Патет-Лао и нейтралистов. В то время нейтралистские офицеры скрывали свои секретные связи с «черным генералом». Но вполне авторитетные люди из его окружения уже тогда поговаривали, что генеральские звезды скатились на плечи Ванг Пао именно за эту операцию и не без нажима ЦРУ. Кем же он был до этого? Здесь придется несколько отвлечься от личности самого Ванг Пао.

Французские колонизаторы искусно поддерживали национальную вражду между племенами, обещая лао сунгам автономное «государство мео» с центром в Сиенг-Куанге. Среди лао сунгов активную деятельность в течение многих десятилетий вели и продолжают вести католические (за их спиной стояла Франция) и протестантские (за ними уже США) миссионеры. В своей «просветительской» работе западные агенты (некоторые из священнослужителей являются прямыми агентами западных разведок) действуют довольно искусно. Один из европейских миссионеров в Луан-Прабанге рассказал мне, что для пропаганды среди лао сунгов «христианских идей» в племена забрасываются даже транзисторные приемники. А из Манилы ведутся целенаправленные передачи религиозного содержания на языке лао сунгов. Принявшим христианство племенам с самолетов ЦРУ подбрасывается и продовольственная помощь, а заодно оружие «для защиты от безбожников» Патет-Лао.

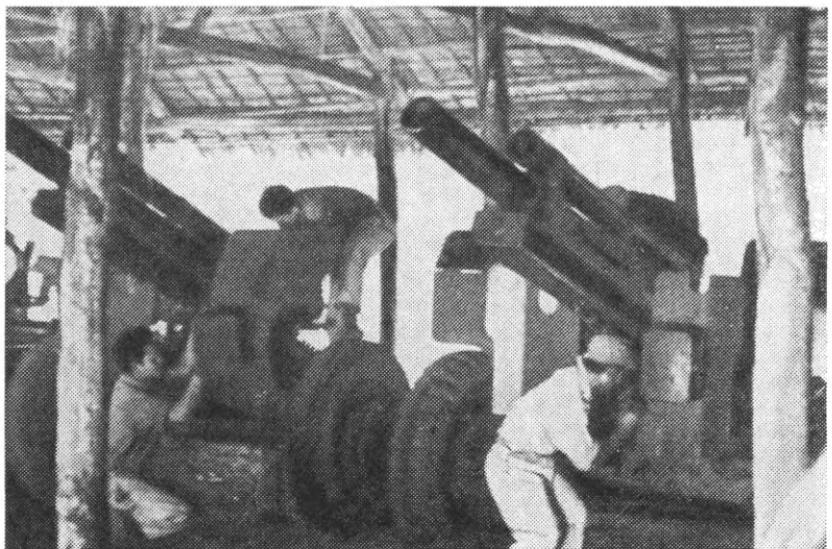
Опираясь на подготовленную миссионерами почву, французская, а теперь и американская разведки формируют специальные «отряды мео». Французскими колонизаторами был даже создан миф о «короле мео» Тубилифонге, который никогда таковым не являлся.

Этого грузного пожилого торговца опиумом до сих пор можно видеть на приемах во Вьентьяне и Луан-Прабанге. Однако в шестидесятых годах его оттеснил другой, подготовленный уже ЦРУ «клидер мятежных мео» — Ванг Пао.

Тубилифонг, бывший в начале своей карьеры начальником одного из уездов в Сиенг-Куанге, при колонизаторах занимал ряд министерских и депутатских постов в профранцузских режимах и успел значительно скомпрометировать себя. На смену «хозяину неба» (как величал себя Тубилифонг) американская разведка выдвинула молодого офицера, проявившего себя как верного человека ЦРУ и ярого противника Патет-Лао. Имя майора Ванг Пао в 1958 году, когда он был взят «на заметку» в ЦРУ, знали немногие. Было у него под командой всего несколько «специальных частей мео», натасканных в карательных операциях. Быстрое продвижение по службе молодого офицера встревожило Тубилифонга и стоявшую

Это уже не партизаны, а регулярная Народно-освободительная армия Лаоса.

«Боги войны» — грозное оружие защитников сиенг-куангских рубежей патриотических сил.

Подразделения НОАЛ на марше.

Бронетанковый дивизион патриотов перед выходом на боевое задание.

В небе американские самолеты. Бронетранспортер готов к схватке с воздушным пиратом.

На командном пункте батареи. Американские самолеты близко!

**Документы летчика Дитера
Денглера удостоверяют, что
он офицер военно-воздуш-
ных сил США и... гражда-
нин ФРГ.**

**На подступах к Долине Кувшинов. Рубежи,
удерживаемые патриотами.**

Легендарная Долина Кувшинов.

Последний раз лидеры трех основных группировок встретились вместе в апреле 1964 года на мирных переговорах в Долине Кувшинов. Слева направо: принц Суфандунг, принц Суванна Фума, генерал Фуми Носаван.

Эти каменные кувшины дали имя легендарной долине. Короткий привал.

Полковник Дыон, командующий крупнейшей группировкой нейтралистских патриотических вооруженных сил.

В прифронтовой край на гастроли приехал Центральный ансамбль песни и танца ПФЛ.

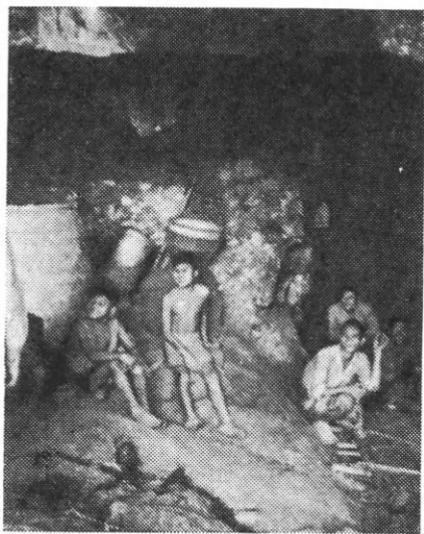
Фейданг, лидер свободолюбивых лао сунгов, один из руководителей ПФЛ.

Кхамсун Кеола, лидер Лиги патриотических нейтралистских сил, боевого союзника Патриотического фронта Лаоса.

Подразделения НОАЛ переходят в атаку.

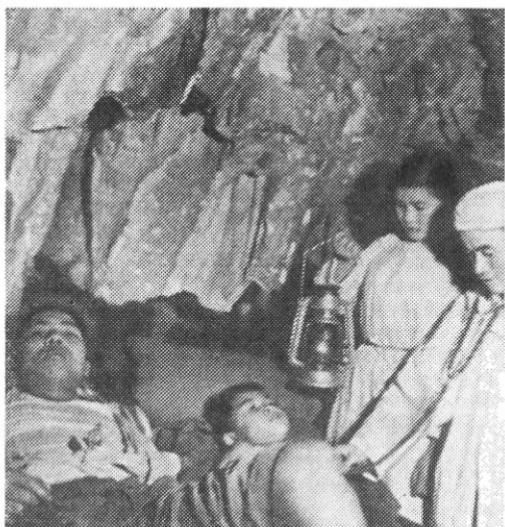
В одной из пещер «горного небоскреба».

Самострел опробуют отравленными стрелами — древним оружием охотников Махасая.

Госпиталь разместился в пещерах. Отца и сына ранило осколками авиабомбы.

Здесь был город Махасай.

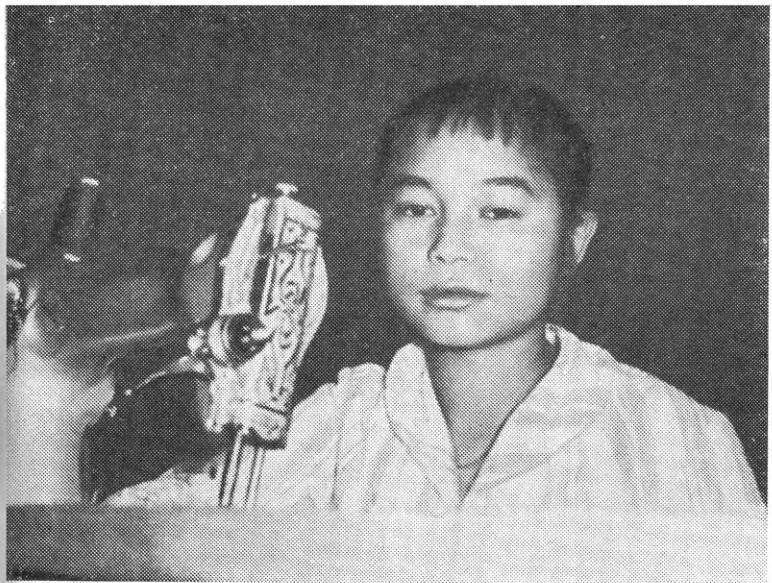
е раз на горных тропах мы встречали оди-
оних путников из племен лао тхынгов.

О Будда! Будь проклята эта хищная Аме-
рика!»

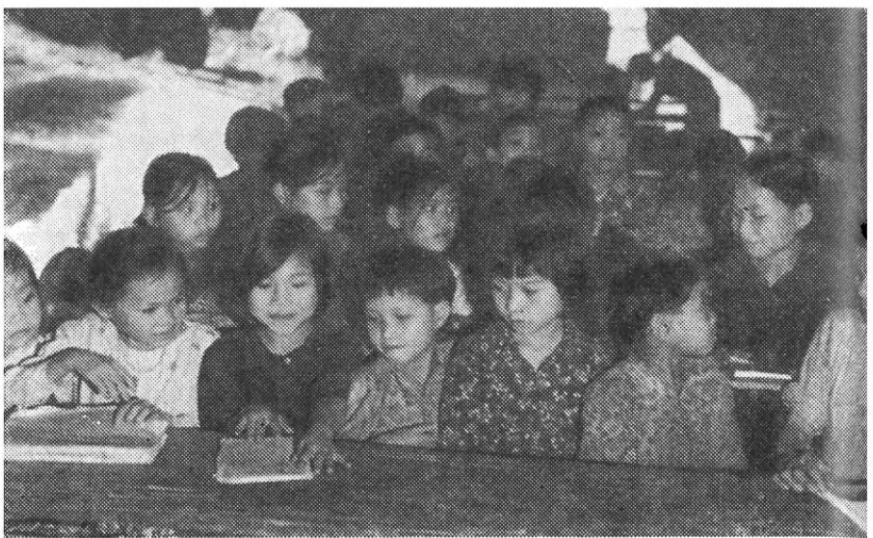
На рисовом поле.

Пятый год эта девушка — швея народного предприятия — работает в пещерных цехах Сам-Неа.

Здесь набирают центральные газеты Патриотического Фронта Лаоса.

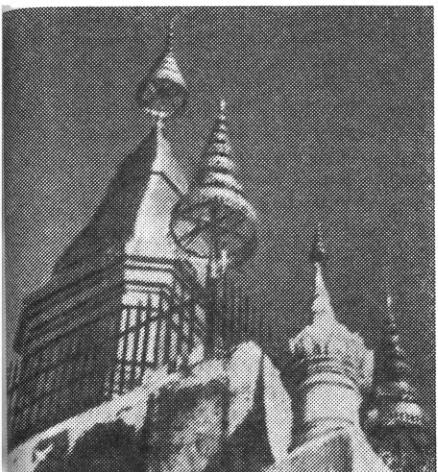
Школа в пещерах Сам-Неа разместилась на островах подземной реки.

Сын полка на одном из сиенг-куангских рубежей патриотических сил.

Чтобы добраться до своего класса, эвакуированного в пещеры, детям предстоит «форсировать» бегущие в глубине гротов потоки.

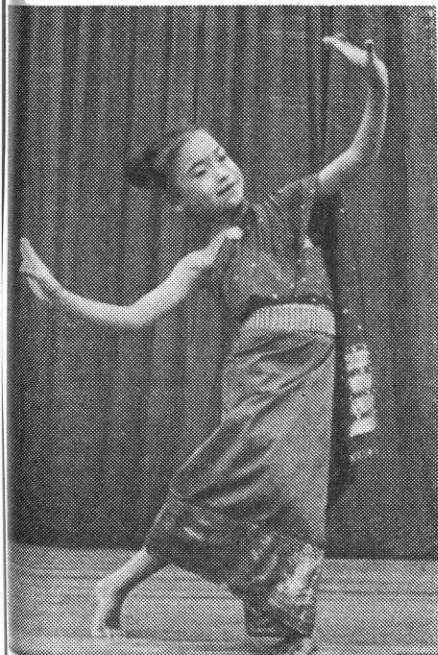

Вершину холма перед королевским дворцом в Луан-Прабанге венчает пагода с колокольчиками.

Луан-Прабанг. Новогодние пирамидки из песка на берегу Меконга.

Танец мира.

Новый год в Луан-Прабанге. Один из мифических «предков» лаосцев.

Молодые партизаны.

за его спиной французскую разведку. Одна из ссор «хозяина не-ба» и Ванг Пао окончилась тем, что последний выхватил пистолет и выстрелил в «короля мео». Вместо дисциплинарного взыскания Ванг Пао получил чин полковника. А пострадавший Тубилифонг вскоре вынужден был целиком переключиться на торговые махинации с опиумом.

После событий 1963 года генерал Ванг Пао становится одной из главных фигур Центрального разведывательного управления. Он осуществляет руководство крупными подрывными операциями в ключевых районах Верхнего Лаоса.

Под командой «черного генерала» действует 15 тысяч солдат и офицеров. Его главная ставка в Лонг-Ченге, минуя Вьентьян, связана непосредственно с региональным штабом ЦРУ и американских ВВС на тайланской базе Удон, засекреченным под шифром «штаб 333». Отсюда и из других американских баз в Индокитае генерал Ванг Пао и его советники из ЦРУ получают, минуя вьентянские власти, долларовую помощь, оружие, в том числе и артиллерию, боеприпасы, продовольствие. Армия Ванг Пао ведет свои действия как против патриотов на линии фронта, так и в тылу Освобожденных районов. Во время боевых операций части Ванг Пао поддерживаются военно-воздушными силами как Пентагона, так и самого ЦРУ.

Помимо вновь сформированных после 1963 года частей особого назначения, под командой «черного генерала» действует часть племен лао сунгов. От них Ванг Пао получает не только нужные сведения, требует выполнения секретных операций и активных боевых действий в тылах патриотических сил, но и... опиум. Контрабандные операции с этим товаром — немалый источник личных доходов генерала и его многочисленных жен. К началу 1969 года ряды так называемых специальных сил «черного генерала» значительно порешили. А самому Ванг Пао не только пришлось менять свои логова, но и отлживаться на госпитальной койке в одной из американских баз. Вертолет, на котором он совершил одну из инспекционных поездок, подвергся обстрелу партизан. Сам «черный генерал» был ранен, а его попутчик — американский офицер ЦРУ — убит.

А теперь пора закончить рассказ о загадочной карте капитана Д. П. Голли, на которой недалеко от Сам-Неа был изображен район с расходящимися от него стрелами в другие Освобожденные районы Лаоса и соседний Вьетнам.

Бандиты и их хозяева

В мае 1969 года я побывал в Мьянг-Юте. Сейчас по узким горным долинам этого района, обозначенного на карте Д. П. Голли кружком, идут машины, двигаются вереницы людей, боевые подразделения Патет-Лао. И над всем этим возвышается окутанная туманами легендарная гора лао сунгов — Патхи. В комитете Сам-Неа нас принял комиссар провинции товарищ Кхампет. Он недавно вернулся с мьянг-ютского фронта и рассказал о недавно закончив-

шнейся многомесячной операции по ликвидации крупнейшего бандитского гнезда лаосских наемников ЦРУ. Оно обосновалось всего в 30 километрах от Сам-Неа. Вот этот рассказ.

Операция началась в январе 1968 года. Обстановка к тому времени сложилась довольно напряженная. Окопавшиеся здесь с 1963 года банды активизировали свою деятельность. Ключевая база разбойниччьего гнезда с аэродромом, взлетной вертолетной площадкой и крупнейшей в Лаосе радарной установкой американских военно-воздушных сил располагалась на плоской, длиной в 7 километров, вершине горы Патхи. Прилегающая к ней территория труднодоступных районов площадью в 200 квадратных километров, где проживало более 12 тысяч жителей, была превращена в отлично укрепленный бандитский район. Всем необходимым, от продовольствия, оружия до новых подкреплений, «специальные отряды» снабжались с воздуха. В ряде других районов провинции окопалось еще несколько банд.

— О том, какого накала достигали бои, — подчеркнул в беседе комиссар, — можете судить хотя бы по тому, что за полтора года противник потерял убитыми, ранеными и сдавшимися в плен около 6 тысяч солдат и офицеров. С начала 1968 года в ходе операции по ликвидации бандитского гнезда освобождены сотни деревень, в которых проживало более 25 тысяч жителей. Когда 13 марта 1968 года вершина Патхи была взята штурмом, то первое, что увидели атакующие, — трупы американских офицеров и таиландских наемников. Из захваченных документов и допросов военнопленных было установлено, что радарная система и бандитский штаб находились фактически в руках американских «советников». В течение ряда лет гигантский радар использовался для координации действий ВВС США и точной наводки на цель бомбардировочной авиации даже в пасмурную погоду как в Освобожденных районах Лаоса, так и во Вьетнаме. Интересная деталь: ни одна дорога не вела на вершину Патхи — все снабжение и связь держались по воздуху.

В решающих боях, — закончил свой рассказ Кхампет, — мы впервые применили новое реактивное пехотное оружие, сокрушающее огневые удары которого доверили панику среди окопавшихся на вершине Патхи американских офицеров и бандитов генерала Ванг Пao.

Подрывная деятельность ЦРУ тщательно скрывается, а официальный Вашингтон обычно делает заявления о том, что Соединенные Штаты не вмешиваются в дела Лаоса. И все-таки... «В 1963 году Пентагон направил в Лаос группу особых войск, сотрудников госдепартамента и ЦРУ, щедро снабженных деньгами», — признала хорошо осведомленная американская газета «Вашингтон пост». Она же не без основания утверждала, что в Лаосе «Центральное разведывательное управление США с 1963 года осуществляет одну из активнейших операций в мире». Как-то американский корреспондент во Вьентьяне Джон Уилер метко сказал: «До сих пор Юго-Восточная Азия знала тихих и безобразных американцев. Но сейчас в Лаосе речь идет о невидимых американцах. И по мере того как Соединенные Штаты все глубже увязают в Лаосе, официальные власти еще больше пытаются окружить завесой секретности американскую деятельность в этой стране».

И действительно, на вновь прибывшего во Вьентьян человека, не знакомого с обстановкой, разделение двух фронтов, дипломатического и неофициального, производит известное впечатление. Здесь вы нигде не увидите (это не Сайгон и не Бангкок!) американцев в военной форме на улицах. На гражданских аэродромах — ни одного пилота в форме военно-воздушных сил США. С 1963 года Пентагон даже перестал публиковать данные о размерах американской военной помощи правым силам Лаоса.

Одновременно с этим официальные представители США и реакционная западная печать раздувают пропагандистскую кампанию о так называемой «подрывной деятельности ДРВ», обвиняя Демократическую Республику Вьетнам в «развязывании войны» и «агрессии против Лаоса». При этом сознательно игнорируется законное право вьетнамского, лаосского и камбоджийского народов Индокитая на взаимоподдержку и солидарность в совместной борьбе против империалистической агрессии и подрывной деятельности США: в этом районе, хотя об этом открыто было сказано в документах Конференции народов Индокитая, проходившей в Пном-Пене весною 1965 года и в которой приняли участие представительные делегации всех стран этого района. Такова уж «логика» агрессора.

Чтобы закончить рассказ о размахе вмешательства «невидимых американцев» во внутренние дела Лаоса, приведу лишь некоторые сами за себя говорящие свидетельства и факты.

Почти все расходы на армию правой группировки, в том числе жалование военнослужащим, оружие, боеприпасы и снаряжение, строительство новых и ремонт старых военных баз, финансируются, как правило, за счет помощи США. А военные расходы в реальном бюджете вьентьянских властей, по некоторым данным, составляют от 70 до 80 процентов. США не только оказывают военную помощь, но и содержат огромный аппарат своих военных и прочих советников, которые работают всюду: от центрального аппарата до батальонов, а в отдельных случаях и рот регулярной армии. Пентагон утверждает, что в Лаосе находилось лишь 72 американских военных атташе, а остальные военные советники якобы покинули страну после заключения Женевских соглашений 1962 года. Однако это не так.

При штабах всех округов, не говоря уже о ставке генерала Ванг Пао, действуют «помощники атташе», которые находятся на полуофициальном положении. Остальные «специалисты», как правило, работают под прикрытием гражданских профессий и большей частью находятся в расположении частей в провинциях и районах. Это их называют «невидимыми американцами». В главной ставке Патет-Лао нам сообщили, что к началу 1969 года число американских «советников» возросло до двенадцати тысяч. Под командой агентов Пентагона и ЦРУ действуют отряды сайгонских и таиландских «коммандосов», банды чанкайшистов, окопавшиеся в северных горных районах Лаоса с 1950 года, филиппинские, японские и прочие наемники.

Каковы же цели активной подрывной деятельности Вашингтона в Лаосе?

На первых порах основной задачей, как показали события, был срыв выполнения Женевских соглашений, заключенных летом 1962 года, а точнее, развал коалиционного правительства нацио-

нального единства трех группировок, раскол нейтралитских политических и вооруженных сил, возобновление и резкое усиление войны против патриотических сил. Конечной — военное решение лаосской проблемы и установление здесь «твёрдого» антикоммунистического режима. Целью Вашингтона было и остается превращение Лаоса в важный военно-политический плацдарм против Вьетнама, установление здесь своеобразной «зоны-тампона», чтобы, как заявил в беседе со мной один из американских дипломатов, установить на этом рубеже своеобразный «бамбуковый занавес» перед освободительными движениями в Индокитае.

Это еще раз подтвердили события на фронтах лаосской войны в 1969 году. Весной ЦРУ и Пентагоном был разработан новый секретный план резкого усиления боевых действий против патриотических сил, в котором ударная роль отводилась «специальным частям» лаосских наемников Центрального разведывательного управления, военно-воздушным силам США и тайландинским интервентам.

Операции начались в апреле 1969 года массированными бомбардировками американской авиацией провинции Сиенг-Куанг. За месяц были уничтожены города Кхан-Кхай, Фонг Саван и Латбуок, около 70 деревень, расположенных на подступах к Долине Кувшинов. В конце апреля войска генерала Ванг Пао при активной поддержке военно-воздушных сил США, прорвав оборону патриотических сил, вступили на территорию Освобожденных районов и оккупировали город Сиенг-Куанг.

Однако в ходе майско-июньских контрнаступательных операций части генерала Синкапо и полковника-нейтралиста Дыона не только освободили Сиенг-Куанг, но и выбили противника из Мьянг-Суи, где в течение последних лет находился один из штабов американских советников и тайландинских наемников.

Осени обстановка вновь резко обострилась. В сентябре крупные подразделения «специальных войск» Ванг Пао и части тайландинских наемников при поддержке военно-воздушных сил США высадились в Долине Кувшинов, Сиенг-Куанге, Фонг-Саване, Кхан-Кхае и Бан-Бане. Налеты американской авиации в эти дни достигали до 500 боевых самолето-вылетов за сутки. На самолетах компаний «Эйр Америка» и «Континентл эйрлайнс», а также военно-воздушными силами Пентагона доставлялись первым эшелоном оружие, боеприпасы, а также свежие подкрепления...

План этой операции, как подтвердила газета «Нью-Йорк таймс», был разработан американскими советниками в конце августа на секретном совещании в Лонг-Ченге — ставке Ванг Пао.

Подразделения Народно-освободительной армии оказывают упорное сопротивление, удерживая под своим контролем ряд важных позиций. В некоторых районах они перешли в контрнаступление.

CAM-HEA

Красный принц Суфанувонг

На небольшой каменистой площадке к склону горного кряжа прилепилась бамбуковая хижина. Густая корона тропических деревьев скрывает ее от постороннего взгляда. От подножья сюда ведет деревянная лестница, укрепленная на серых скалах. Лишь поднявшись на уровень с хижиной, обнаруживаю по соседству с ней темный провал — вход в пещеру. В солнечных лучах на камушках греется сиамский кот. У входа в пещеру — кадка с алыми горными цветами и телефон. Мы во временной резиденции лидера патриотических сил Лаоса принца Суфанувонга. Он выходит навстречу, приглашает в хижину. Принц прошлой ночью вернулся из поездки на фронт. Выглядит немного усталым, хотя и пытается это скрыть. Меня всегда поражает энергия и выдержка этого человека, его неиссякаемый оптимизм даже в самые трудные моменты.

В хижине полумрак. Посредине стол, несколько стульев. На стенах сине-красно-белое знамя Патет-Лао, календарь, плакаты и карта Индокитая. На ней темными тонами отмечены Освобожденные районы Лаоса и соседнего Южного Вьетнама.

Свои вопросы для интервью я переслал заранее, и письменный ответ уже готов. Остается сделать перевод и отправить в редакцию. Прошу Суфанувонга ответить на несколько вопросов, касающихся его биографии.

Вопросы эти не такие простые и вовсе не второстепенные, как может показаться на первый взгляд. Даже для людей, проживших десятки лет в Лаосе, семейные связи между различными ветвями большой королевской семьи остаются за семью печатями. Сотни принцев, тысячи и тысячи людей, причисляющих себя к большой королевской семье, играют активную роль в политической жизни. Нередко члены одной и той же семьи вот уже четверть века находятся по разные стороны фронта. До сих пор на имя Шри Саванга Ваттханы, короля Лаоса, поступают послания от лидеров основных лаосских группировок, участвующих в войне. Более того, сами эти лидеры и принц Суфанувонг, лидер патриотических сил, и принц Суванна Фума, глава вьентьянского правительства, продолжающего военные действия против патриотов, — члены большой королевской семьи. Суфанувонга мой вопрос не удивляет. Он берет лист бумаги и начинает объяснять.

— Остановлюсь лишь на принцах луан-прабангской королевской династии, — начинает Суфанувонг, — куда отношусь и я сам. Луан-прабангская, чампассакская и вьентьянская ветви ведут прямое начало от короля Сулиния Вонгса (1654—1712). С XIX века луан-прабангские принцы занимают королевский престол. После короля Манта Турата (1815—1836) в королевской семье появляются две основные ветви: старшая и младшая. Старший сын Манта Турата стал королем, а младший — вице-королем, или, по-нашему, упахатом. Нынешний король Лаоса Шри Саванг Ваттхана, вступивший на трон в 1959 году, наследник старшей династической ветви,

а я и мои братья представляю младшую. Если же говорить о родственных связях, то его величество Шри Саванг Ваттхана мой племянник по большой королевской семье. У моего отца упахата Бун Конга было одиннадцать жен. Но среди многочисленных братьев прямое отношение к упахатской линии имели пятеро. Мой старший брат принц Фетсарат был последним вице-королем. Сейчас из пяти принцев-братьев младшей ветви династии осталось двое — я и Суванна Фума. Мы с ним сводные братья. Помимо основных — старшей и младшей династических ветвей, в Лаосе множество других, входящих в большую королевскую семью. Их представители обычно добавляют к своему имени «тяо» — принц, просто принц. Кстати, видный деятель Патриотического фронта Лаоса Тяосук Вонгсак — один из них. Есть и другие.

— Много ли у вас детей?

— Восемь сыновей и две дочери. Пятеро из них учились или учатся в Советском Союзе. Старший сын Ария окончил Московский государственный университет, а дочь Виен Кео — Институт международных отношений.

Все старшие дети принца активные участники освободительного движения. Ария после возвращения в Лаос был назначен комиссаром в один из районов Сам-Неа, где шли жесточенные бои против банд генерала Ванг Пао. Он трагически погиб в начале 1968 года.

Но вернемся к 13 июля 1909 года, когда в семье упахата Бун Конга родился сын. Ему дали имя Суфанувонг. Мать мальчика была простой лаотянкой. Суфанувонгу было восемь лет, когда умер отец. Но он по-прежнему жил вместе с другими принцами в королевском дворце в Луан-Прабанге, окруженный заботами многочисленной челяди. Отца ему и Суванна Фуме заменил старший брат — принц Фетсарат. А вскоре мальчика отправили в Ханой — учиться в привилегированном лицее Альберта Сарро. Здесь прошла юность. Через десять лет, получив полного бакалавра, молодой принц Суфанувонг уезжает на девять лет в Париж. В 1937 году после длительной разлуки он надолго возвращается в Индокитай. Суфанувонг — один из первых инженеров Лаоса. Принц проектирует и строит десятки отличных мостов. Последний, самый удачный, как отзывался о нем Суфанувонг, он построил в 1940—1942 годах недалеко от Чепона. Несколько лет назад этот мост разбомбили американские пилоты.

Весть о капитуляции Японии, оккупировавшей к тому времени Индокитай, застала Суфанувонга в Ханое. Здесь он встретился с Хо Ши Мином, будущим президентом первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян. На глазах Суфанувонга проходили бурные события августовской революции 1945 года во Вьетнаме. Принц срочно выехал в Лаос, в Саваннакет, и принял участие в освободительной борьбе.

Так начался новый этап в его жизни. Впрочем, для самого Суфанувонга поворот не был неожиданностью. В свои тридцать три года он многое понял в окружающей жизни. Годы поисков, раздумий, искания сначала гимназиста, студента, потом инженера открыли принцу глаза. Он увидел нищую, обездоленную страну.

Суфанувонг рассказывал, как во Франции он познакомился с французами, совсем не похожими на колонизаторов, когда он, начинающий инженер, проходил практику в доках Бордо и Гавра. Многое дало общение с представителями прогрессивных кругов

французской интеллигенции. Когда он увидел на лаосской земле полурабский труд кули на каучуковых плантациях, когда постиг всю горечь слов «дороги, вымощенные костями туземцев», когда познал, что значит быть в глазах колонизаторов «туземным инженером», многое понял сын упахата Бун Конга.

В первом временном правительстве независимого Лаоса, созданном в октябре 1945 года, премьер-министром стал принц Кхаммао. Принц Сфанувонг получил посты министра вооруженных сил и главнокомандующего, а принц Суванна Фума — министра общественных работ. В марте 1946 года принц Суфанувонг был ранен во время отступления с последними частями патриотов в Таиланд. В Лаос вновь вернулись французские колонизаторы. К 1949 году большая часть временного правительства перешла на сторону французов. А в это время в самой стране ширилось освободительное движение. Во многих районах Лаоса появились партизанские отряды во главе с прославленными командирами Кейсоном, Нухаком, Ситхоном Коммадамом, Фейдангом и другими. В Освобожденных районах были образованы народные комитеты, ликвидированы феодальные и колониальные порядки.

25 октября 1949 года оставшиеся в Таиланде члены временного правительства большинством голосов приняли решение о роспуске движения Лао Иссара, национальной армии Патет-Лао и самоликвидации временного правительства. Принц Суфанувонг и его сторонники решили продолжать борьбу. Они нелегально вернулись в Освобожденные районы Лаоса. Не признал этого решения и принц Фетсарат. Но он остался в Бангкоке и до конца своей жизни не участвовал в политической деятельности.

В августе 1950 года в Освобожденных районах Сам-Неа был созван национальный конгресс движения Сопротивления. На нем было принято решение о создании Единого фронта освобождения Лаоса — Нео Лао Итсалы (НЛИ), принятая программа борьбы против французских колонизаторов, за подлинно независимый Лаос, избран ЦК НЛИ и сформировано правительство национального Сопротивления. Председателем Фронта и главою правительства был избран принц Суфанувонг. Борьба продолжалась.

Женевские соглашения 1954 года по Индокитаю для Лаоса означали конец господства французских колонизаторов и восстановление мира. Но путь к достижению независимости оставался тернистым.

На смену французским колонизаторам пришли янки. Их ставленники затянули претворение в жизнь Женевских соглашений, устраивая нескончаемые провокации. В новой обстановке в январе 1956 года в Сам-Неа был созван второй съезд Нео Лао Итсалы. Его решением НЛИ был переименован в Нео Лао Хаксат — Патриотический фронт Лаоса (ПФЛ). На съезде была принята политическая программа. Она наметила задачи борьбы за мирный, нейтральный, независимый и процветающий Лаос. Председателем ЦК Фронта был избран принц Суфанувонг.

Правые лаосские организации, вынужденные сперва согласиться на коалицию с ПФЛ на основе Женевских соглашений 1954 года, затем пошли на открытое предательство. В мае 1959 года принц Суфанувонг и другие видные деятели Патриотического фронта Лаоса были арестованы и брошены в застенки вьентьянской тюрьмы.

Им угрожала физическая расправа. Лишь через год при содействии подпольных организаций узникам удалось совершить побег.

К лету 1962 года под контролем Патриотического фронта Лаоса и нейтралистской группировки, образовавшейся в 1960 году, находилось уже две трети страны. США и вьентьянские власти вынуждены были 23 июля 1962 года пойти на подписание Женевских соглашений по Лаосу.

Второй конгресс ПФЛ собирается в апреле 1964 года, за несколько недель до 17 мая — начала войны. Он подвел итоги восьмилетней борьбы и принял программу первоочередных задач в сложившейся обстановке.

В конце октября — начале ноября 1968 года в Сам-Неа состоялся чрезвычайный, по существу третий съезд Фронта. Он принял новую политическую программу. В ней поставлена задача доведения до конца борьбы против агрессии США, за единый, мирный, нейтральный, независимый и процветающий Лаос. В этом документе указано, что лаосский народ требует строгого выполнения Женевских соглашений 1954 и 1962 годов по Лаосу, в частности, недопущения вмешательства иностранных государств в его внутренние дела, проведения политики нейтралитета, недопущение на его территории иностранных войск и иностранных военных баз. Ставятся также задачи демократических и социально-экономических преобразований. Председателем ЦК Патриотического фронта Лаоса вновь был избран принц Суфанувонг.

В своих официальных документах ПФЛ заявил о том, что лаосский вопрос может быть урегулирован мирным путем. Первым шагом к этому должно явиться прекращение пиратской воздушной войны и других агрессивных актов США против патриотических сил.

На всех этапах большого пути национально-освободительного движения Лаоса бессменным его лидером был и остается «красный принц» Суфанувонг, а вместе с ним и его боевые соратники, товарищи, видные прогрессивные деятели Кейсон, Нухак и другие.

Авторитет «красного принца» в стране настолько велик, что даже враги Суфанувонга не решаются в открытую чернить его. Лидер сражающегося Лаоса часто бывает в различных Освобожденных районах, выступает на митингах. На одном из них мне довелось присутствовать.

«Принц, товарищи, братя!» — таким обращением открыл этот митинг председатель. Здесь, как в Южном Вьетнаме, Анголе и многих других странах, охваченных пламенем освободительной борьбы, слово «товарищ»очно вошло в обращение среди патриотов. Товарищи, братя — это те, кто борется в едином фронте за единый, независимый, демократический и мирный Лаос, против империализма и сил внутренней реакции. Подавляющее большинство активных участников ПФЛ и его вооруженных сил — молодежь. Во главе движения стоит испытанный авангард — ветераны борьбы.

...В письменном интервью Суфанувонг рассказал об общей обстановке и первоочередных задачах.

Прошу наговорить небольшую часть интервью на магнитофон на русском языке. Суфанувонг соглашается. «Разрешите мне, — начинает он, четко выговаривая каждое слово, — передать братский привет великому советскому народу. Пусть крепнет боевая дружба между лаосским и советским народами. Успехов вам в строительстве коммунизма. До свидания!»

Принц знает четырнадцать иностранных языков. На десяти читает, пишет и говорит: русском, французском, английском, испанском, немецком, итальянском, греческом, латинском, тайском и вьетнамском.

Разговор заходит о Москве и Сам-Неа, о Лаосе и Советском Союзе. Принц несколько раз был в нашей стране. Впервые он увидел Москву в 1961 году.

«С большим уважением, — говорит Суфанувонг, — отношусь к газете «Правда», созданной великим Лениным. Ведь если говорить по большому счету, то важнейшей вехой на пути к нашей дружбе был Октябрь, великий Ленин. Мы не забыли, что первым государством, признавшим наше правительство, рожденное в бурном 1960 году, был Советский Союз. Мы не забыли и того, что посольство СССР находилось с нами в Освобожденном районе в годы прошлой войны Сопротивления.

Почти четверть века наш народ ведет суровую борьбу за свободу и независимость. Жить частенько приходилось, да и приходится, сами видите, в трудных условиях. Но мы полны решимости дать отпор агрессору, добиться свободы, независимости, лучшей жизни своему народу. И поддержка, помошь Советского Союза, других социалистических стран, всех революционных народов придает нам новые силы. Это не просто слова».

За тонкими бамбуковыми стенами шумят дождь. Совсем рядом фронт. Принца ждут неотложные дела.

— Ну что же, — говорит он на прощание по-русски, — до свидания. Приезжайте еще раз в Самград, так, кажется, по-русски Сам-Неа?.. Придет время, и мы снова встретимся, но не здесь, а во Вьентьяне — столице единого, независимого Лаоса. А пока, — улыбается он, — пока я отдал распоряжение, чтобы вас до ближайшей базы сопровождал бронетранспортер. Война. Ничего не сделаешь.

Набросив на плечи плащи, осторожно спускаемся с высоты на землю по скользкой лестнице. Дождь идет на убыль. Через несколько минут останавливаемся. Выжидаем. В небе американские самолеты-разведчики.

Воздушная война Вашингтона

Тусклый свет керосиновой лампы отвоевал у вечного полу-мрака пещеры небольшое светлое пространство. Гrot под гигантской стометровой каменной глыбой служит одновременно и убежищем и жильем. Здесь свой распорядок жизни. Пока тихо, можно сквозь широкие проемы любоваться причудливым горным пейзажем. С началом очередного воздушного налета все обитатели уходят по мрачным каменным проходам во влажное нутро пещеры, куда уже не доходит не только свет, но и шум боя. На шестой год войны в таких условиях живут сотни тысяч лаосцев. Впрочем, не совсем так. Эта пещера особая. Она своеобразное произведение «пещерного зодчества», родившегося совсем недавно, в суровой

обстановке военного времени. Это своего рода эксперимент. В 1968 году по решению ЦК ПФЛ были созданы специальные комплексные строительные бригады, и они занимаются подготовкой благоустроенных, насколько позволяет обстановка, «горных многоэтажных зданий». Первыми работу начинают подрывники, а завершают ее столяры, плотники и даже маляры. Мы уже успели побывать в огромных «благоустроенных» горных небоскребах — военном госпитале, помещениях центральных организаций ПФЛ. «Наша» пещера называется гостиницей «Дружба». На стенах простоялена дата открытия: апрель 1969 года. Мы же, делегация Союза журналистов СССР — «известинец» И. Лобода, киевлянин из РАТАУ В. Еременко и я, — первые ее постояльцы. Здесь есть и ресторан, он же кинозал, жилые помещения, отгороженные друг от друга занавесками, надежное бомбоубежище в глубине пещеры. Но даже сюда через пещерные проемы доходит едкий дым гари, напоминая о только что разыгравшейся обыкновенной для этих мест трагедии.

Полчаса назад мы услышали далекий шум авиационных моторов. Даже не взглядываясь в затуманенный горизонт, сопровождающий нас лаосец Суктавонг определил: «АД—6 с авианосца седьмого американского флота. С ним надо быть осторожным. Он чаще всего используется как наводчик. Высматривает цели, а затем вызывает истребителей-бомбардировщиков». На большой высоте морской разведчик делает один за другим зловещие круги, пока, наконец, не исчезает из поля видимости за хребтом, в глубине которого расположен наш гrott. А через считанные секунды прямо перед нами, метрах в трехстах рядом с жилой пещерой, разорвались напалмовые бомбы. Густые черные разводы огня и дыма стремительно поползли в разные стороны, а затем свились в огромные низкие тучи-грибы над долиной. Из соседней пещеры слышатся крики о помощи. Но их перекрывают дробные взрывы шариковых бомб. Смертоносный смерч бушевал минут двадцать. Янки сбросили восемь контейнеров — около 900 тысяч летающих стальных осколков на небольшую поляну радиусом в 300—400 метров. Прижавшись к влажным каменным стенам пещеры, мы молча наблюдали за еще одним бандитским налетом. Лишь через полчаса удалось сбить пламя, ликвидировать последствия налета. Из нашего гrotta никто не пострадал. Лишь спрятанные в кустарнике «газики» были пробиты осколками.

На этот раз преступники ушли безнаказанно, но их все чаще настигает народная кара. С некоторыми из пилотов, захваченных в плен в Верхнем Лаосе, мне довелось встречаться, слушать их признания. Вот одна из этих встреч.

Посреди пещеры длинный стол. На нем фарфоровые чашечки с душистым зеленым чаем, тарелки с конфетами, три керосиновые лампы. За столом человек пятнадцать. Некоторые успели снять свои браунинги и кольты, повесив их на перекладину рядом со столом. Другие пристроили оружие на спинке скамеек.

Небольшого роста лаосец обращается к собравшимся:

— Товарищи, друзья, братья! Разрешите открыть пресс-конференцию, организованную отделом пропаганды и агитации ЦК ПФЛ. На этой конференции мы расскажем вам о новых шагах США по расширению вооруженной интервенции в нашей стране и

познакомим с американским летчиком, сбитым над Лаосом. Слово предоставляетя Сисан Сисане, члену ЦК ПФЛ.

— Нам не так уж часто приходится собираться на подобные пресс-конференции, — говорит он. — Поэтому сегодня мне хотелось бы вкратце дать общий обзор обстановки.

Присутствующие здесь знают об обстановке в Лаосе, сложившейся за последние годы. С первых дней мира, а потом и войны мы сами были свидетелями бурно развивающихся событий. С некоторыми из сидящих здесь корреспондентов не раз сводила нас судьба на фронтовых дорогах Лаоса. Не раз мы попадали под бомбёжки, делили последнюю чашку риса в сырых, мрачных пещерах. Почти все добирались сюда из фронтовых районов, пройдя десятки, а то и сотни километров по размытым и разбитым дорогам.

Через несколько минут мы слушаем американского пилота, сбитого в этом районе. Его зовут Дэвид Луис Хрдлика. Он капитан военно-воздушных сил США. Вылетал с американской базы Такли в соседнем Таиланде. Был ведущим в тройке реактивных истребителей-бомбардировщиков Ф-105. Разбомбив отмеченный на карте объект, здесь же, в провинции Сам-Неа, Хрдлика на обратном пути был сбит огнем зенитной батареи. Это был четвертый и последний боевой вылет американского капитана. «Я признаю, — звучит на всю пещеру голос пилота, — что принимал участие в агрессии против мирного лаосского народа, ведущего справедливую борьбу. В плену мне была оказана своевременная медицинская помощь. Отношение ко мне хорошее. Прошу помилования...» Сын чешского эмигранта, покинувшего родину в поисках счастья, стал наемником, военным преступником.

Репортаж о Дэвиде Луисе Хрдлике и его собратьях по плечу был опубликован в «Правде» вместе с фотографией. А через несколько месяцев я получил из Калифорнии письмо. Госпожа Джеймс Дж. Эванс сообщила, что она по совету друзей нашла «Правду», где был напечатан репортаж. И на фотографии увидела человека, очень похожего на ее мужа. Он тоже был военным летчиком, бомбил Лаос и во время одного из боевых вылетов не вернулся. Она обращалась с просьбой помочь ей выяснить судьбу мужа. Жив ли он? «Может быть, — спрашивала госпожа Эванс, — Вы перепутали фотографии. Если это не он, то, может быть, напишите — не встречали ли моего мужа. Может ли европеец выдержать несколько лет в сырых пещерах?»

Представители Патет-Лао сообщили мне, что им ничего не известно о господине Эвансе. Возможно, погиб при падении. И вот я пишу ответ в Калифорнию, в Аламеду. Сообщаю о том, что ничего не знаю о ее муже, рассказываю о «тайной войне» Вашингтона против Лаоса.

Вдовы Америки должны знать, чем занимались и занимаются их мужья здесь, в Лаосе, ведь и от них скрывают правду...

В январе 1966 года Пентагон впервые подтвердил сообщение о том, что над Лаосом было сбито зенитным огнем два американских боевых самолета. Но и тогда было подчеркнуто, что они якобы «выполняли разведывательные задачи». В мае того же года официальный представитель Пентагона сообщил, что за прошедшие два года в Лаосе погибло 11 и пропало без вести около 20 военнослужащих США. В августе было дано новое уточнение: «С мая

1964 года, когда американская авиация начала разведывательные полеты над территорией Лаоса, погибло 30 американских военно-служащих». И лишь летом 1967 года некоторыми генералами Пентагона было сделано полупризнание о том, что авиация США с мая 1964 года совершаєт «одиночные», в порядке «самообороны» налеты на лаосскую территорию.

Весною 1969 года в мои руки попал любопытный документ — список 97 «пропавших без вести» в Лаосе американских пилотов. В нем даны имена, фамилии, воинские звания и... даже даты последних вылетов. И хотя на документе стоял гриф женевского Красного Креста, из вполне достоверных источников удалось узнать, что настоящими его авторами были особые службы Пентагона. Список открывают лейтенант Дж. Адам, «пропавший 22 мая 1968 года, и полковник Армстронг, «пропавший» 9 ноября 1967 года. И хотя список несколько «устарел» (составлен на осень 1968 года) и далеко не полон, все же кое-какую картину эскалации войны можно получить. В 1965 году число «пропавших» было — 13, в 1968 — более 30. Впрочем, уже летом 1969 года американские дипломаты в Вьентьяне неофициально говорили о более 200 американских пилотах, которые «пропали без вести» во время боевых полетов над Освобожденными районами.

17 мая 1969 года сражающийся Лаос отмечал пятую годовщину с начала вооруженного сопротивления американским агрессорам. К вечеру этого дня к нам в пещерную «гостиницу» прибыл связной из ставки главнокомандующего и передал последнюю итоговую сводку боев: над Освобожденными районами сбито 1127 американских самолетов и вертолетов.

Представители главной ставки рассказали, что многие американские пилоты не успевают выброситься с парашютом. Если в Пентагоне получают подтверждение об их смерти, то погибших автоматически включают в списки общих потерь во Вьетнаме. Кроме этого, в горных труднодоступных малонаселенных районах Лаоса особым спасательным отрядам вертолетов США удается «выловить» большинство оставшихся в живых пилотов. Остальные отсиживаются в плена, в сырых пещерах, ожидая конца войны и решения их судьбы.

А отвечать за разбой придется. В конце 1968 года в Освобожденных районах образована Комиссия по разоблачению преступлений американских империалистов. Вот лишь некоторые данные, собранные ею. В 1966 году американские военно-воздушные силы совершили 20 тысяч боевых самолето-вылетов над Освобожденными районами, в 1967 — свыше 29 тысяч. В первом полугодии 1969 года, даже по данным американской печати, их число возросло вчетверо по сравнению с 1967 годом...

Результаты этой бандитской войны чудовищны. Разрушены почти все города и крупные населенные пункты на Освобожденной территории. Сотни тысяч людей вынуждены были переместиться в пещеры и джунгли!

Но в Пентагоне явно не удовлетворены содеянным. Американские военные специалисты на электронно-счетных машинах подсчитали, что лишь за 1968 год война обошлась в круглую сумму — 1 миллиард долларов, но 83 процента средств «не было возмещено потерями, нанесенными противнику». В свое «оправдание» команда-

вание ВВС США привело данные о резко возросшей мощи и эффективности действий противовоздушной обороны патриотических вооруженных сил. И все это секретно. Ведь чудовищные данные о «тайной войне» используются для разработки новых авантюристических планов.

А пока Пентагону на шестой год войны приходится расписаться в беспомощности. Провалилась стратегия «подрыва экономики», а также многочисленные попытки развернуть крупные наступательные операции отборных сил правых против патриотов.

В ставне главнокомандующего

На рассвете на базу, где разместился наш отряд, прибыл связной из штаба. Он доставил пакет и личное приглашение от товарища Кхамтея быть вечером того же дня в ставке главнокомандующего.

В огромной ярко освещенной керосиновыми лампами глубокой нише посредине пещеры — карта Индокитая.

Нас ждали. Навстречу легкой походкой вышел в зеленой армейской форме без знаков различия стройный лаосец. Это и был главнокомандующий товарищ Кхамтей. Улыбаясь, он совсем не военному протянул руку, справился о здоровье и дороге. Время встречи и беседы ограничено двумя часами. Мое первое знакомство с товарищем Кхамтаем состоялось в начале 1964 года в городе Сам-Неа, в светлой просторной вилле — резиденции принца Суфанувонга. С ее балкона открывался чудесный вид на долину, по которой разбегались шумные улочки теперь уже не существующего города. Вечером 20 января 1964 года здесь в торжественной обстановке отмечалась пятнадцатая годовщина со дня рождения Народно-освободительной армии Лаоса.

Правда, первый партизанский отряд появился здесь еще в начале 1946 года. Командовал двадцатью двумя полураздетыми, плохо вооруженными бойцами саваннакетец Кейсон. В 1947 году в восточных районах страны — от Сам-Неа и до Саваннакета — уже существовал партизанский край. Огни вооруженного сопротивления французским колонизаторам появляются и в других районах страны. Постепенно они устанавливают между собой связь, налаживают сотрудничество. 20 января 1949 года в восточной партизанской зоне Кейсон сформировал первый крупный регулярный отряд. Это и стало официальным днем рождения Народно-освободительной армии Лаоса.

К началу американской интервенции в 1964 году НОАЛ прошла суровые боевые испытания. Пополнились ее ряды. Появились опытные военачальники. Один из них — товарищ Кхамтей.

Двадцатидвухлетним крестьянским пареньком вступил он добровольцем в ряды Патет-Лао в бурные дни революции 1945 года. Кхамтей вспоминает, как с остатками разбитой армии отступал весной 1946 года в Таиланд. Долгие мучительные месяцы политической эмиграции. А через два года о бесстрашном командующем

партизанскими частями в Нижнем Лаосе заговорили вьентьянские газеты. Это были самые трудные годы войны Сопротивления.

Весной 1959 года, предательски сорвав достигнутые к тому времени соглашения, вьентьянские реакционеры отдали распоряжение об аресте принца Суфанувонга и других лидеров патриотов. Одновременно была предпринята попытка разоружить единственныеставшиеся недемобилизованными отряды патриотических сил — первый и второй батальоны Народно-освободительной армии Лаоса. Сквозь горы и джунгли, вместе с обозами, женщинами и детьми, ведя ожесточенные бои с превосходящими силами противника, второй батальон шаг за шагом продвигался из Долины Кувшинов на старые партизанские базы. Вскоре сюда удалось прорваться большинству бойцов и командиров первого батальона НОАЛ. На плечи товарища Кхамтея и других оставшихся на свободе руководителей патриотического движения легла нелегкая задача — возродить армию. Через несколько месяцев им удалось восстановить старые партизанские базы, а через год организовать беспримерный по своей смелости побег из вьентянской тюрьмы принца Суфанувонга и его соратников. В 1960 году Кхамтей был назначен главнокомандующим НОАЛ. В то время ему было тридцать шесть лет.

Засравнительно короткий срок из двух батальонов и сотен партизанских отрядов возродилась регулярная армия. Ныне в ее рядах сражаются десятки тысяч патриотов. В НОАЛ нет званий и знаков различия, и по внешнему виду трудно отличить рядового бойца от командира. Она до сих пор строится на добровольном принципе. Но это уже не партизанские части. Тысячи командиров и комиссаров не только прошли «университеты» на фронтах, но и окончили военные училища.

Очень часто НОАЛ называют «вооруженные силы Патет-Лао» — вооруженные силы страны Лао. Я попросил товарища Кхамтея объяснить, какое из названий более правильно.

— Дело в том, — сказал он, — что все они верны, но родились на разных этапах борьбы. В 1945 году мы называли себя Патет-Лао. Потом до 1954 года — вооруженные силы Лао Итсала (Освобождения Лаоса). Во время Женевского совещания 1954 года это название встретило возражения со стороны правых. Мы не стали настаивать — дело в конце концов не в том, как называться. Так было возрождено старое название — вооруженные силы движения Патет-Лао (Страны Лао). В начале нынешней войны весной 1965 года мы восстановили старое название, несколько расширив его: Народно-освободительная армия Лаоса. Она наследница боевых традиций революционных вооруженных сил Лао Итсала и Патет-Лао.

О той обстановке, которая сложилась сейчас, товарищ Кхамтей рассказал следующее:

— Американские империалисты ведут здесь «особую войну», которая усиливается с каждым днем. Наземные операции против нас на почти полуторатысячекилометровой линии фронта ведутся в основном силами 80-тысячной армии правой лаосской группировки. Последняя фактически находится под руководством американских офицеров и генералов. Одновременно военно-воздушные силы США наносят удары по нашим боевым позициям и освобожденным районам. Активную роль в проведении подрывных операций в наших тылах играет агентура и отряды лаосских наемников Централь-

ного разведывательного управления США. Несмотря на это, нам удалось отстоять ключевые Освобожденные районы, нанести врагу тяжелые потери в живой силе и боевой технике и тем самым сорвать замыслы Пентагона военным путем решить лаосскую проблему. О ближайших военных планах пока говорить не время. С уверенностью хочу сказать одно: мы ведем справедливую борьбу и будем защищать каждую пядь территории, контролируемой патриотическими силами, будем делать все возможное для укрепления Освобожденных районов. Мы готовы дать отпор американским агрессорам и правой реакции. Наша главная сила в поддержке народных масс, в высокой сознательности бойцов и командиров Народно-освободительной армии Лаоса. Важным фактором также является поддержка нашей справедливой борьбы социалистическими странами, всеми миролюбивыми народами мира. Соединенным Штатам в конце концов придется убраться с нашей земли.

Главнокомандующего ждут неотложные дела, время, отведенное на встречу, подходит к концу.

— Передайте, — говорит он на прощание, — братский привет Советской Армии и советскому народу, искреннее спасибо за поддержку нашей справедливой борьбы. Мы знаем Советский Союз не только по словам. Желаем братскому советскому народу успехов в строительстве коммунизма, в борьбе за мир во всем мире.

Накинув плащ-палатки, покидаем сухую, ярко освещенную пещеру и погружаемся в кромешную темноту тропической ночи. Слабый луч карманного фонарика выхватывает из мрака куски размытой дождями дороги. Гремят оглушительные раскаты грома. К утру добираемся на свою базу, где нас ждут штабные командиры. Они кратко знакомят с положением на фронте.

В Лаосе 18 провинций, 117 городов, 1078 уездов и 13 067 деревень. Население, по разным данным, составляет от двух до трех миллионов жителей. К лету 1962 года, когда были подписаны Женевские соглашения, под контролем Патриотического фронта Лаоса и нейтраллистских сил находились две трети территории страны, где проживала половина населения. К этому времени в Освобожденных районах было около 8600 деревень.

В 1964—1965 годах проамериканской группировке и перекинувшимся на их сторону правым нейтраллистам при активной поддержке военно-воздушных сил США удалось захватить ряд Освобожденных районов — свыше 1540 деревень.

В 1966—1967 годы положение на фронтах относительно стабилизировалось и новые крупные наступательные операции противника были сорваны. К началу зимней военной кампании 1967/68 года под контролем патриотических вооруженных сил и левых нейтраллистов оставалось 571 уезд и 7030 деревень.

С ноября 1967 года инициатива в боевых действиях переходит к НОАЛ, которая на многих участках фронта развертывает наступление. Одновременно ликвидируются бандитские гнезда в тылах освобожденных районов.

В результате крупных боевых операций НОАЛ к ноябрю 1968 года было освобождено 67 уездов, около 600 деревень с населением более 150 тысяч человек.

С весны 1969 года Пентагон резко усиливает необъявленную пиратскую воздушную войну против Освобожденных районов, организует бешеные атаки вьентьянской армии на позиции, удержи-

ваемые НОАЛ и патриотическими нейтралистами, особенно на сиенг-куангском и саваннакетском направлениях. Продолжая упорные бои со вторгшимися в Освобожденные районы отборными частями правой группировки, НОАЛ на отдельных участках фронта перешла в контрнаступление. В ходе боевых операций военной кампании 1969—1970 годов в Верхнем Лаосе освобожден ряд ключевых районов, временно удерживавшихся правыми.

На экономическом фронте

Деревушка Сиенг-Луонг лежит километрах в тридцати от Сам-Неа. Она ничем не выделяется среди окружающих селений. Такие же высокие хижины на сваях. Вместо пола гибкая бамбуковая дранка.

Мы в гостях у почтенной Нанг, одной из старейших жительниц Сиенг-Луонга. Ей более восьмидесяти лет. Родилась она до прихода в Лаос французских колонизаторов. Одета Нанг по-старинному в сиреневую кофту и расшитую затейливыми узорами юбку. На голове пучок торчащих вверх волос, которые придают ей моложавый, даже озорной вид. Сложив на коленях руки, она с добродушной улыбкой отвечает:

— Что нового? Жить стали по-иному. Есть рис, соль, одежда. Раньше, при французыах, по два-три месяца в год еле концы с концами сводили. Жили впроголодь. А в лес за кореньями или на охоту даже в голодные месяцы ходить было запрещено. После освобождения мы стали хозяевами своей земли. В деревне в 1963 году появились первые группы трудовой сплоченности. Каждая из них объединяет три-четыре двора, три больших семьи. У нас ведь теперь почти все учатся. Кто бы раньше этому поверил. Жаль, что я уже никак не могу одолеть грамоту. Вот годков бы пятнадцать-двадцать назад, и я бы не уступила внукам!

Подробнее о переменах в освобожденной деревне рассказал деревенский староста Кхам Ма.

— У нас почти нет частных земель, — объяснил он. — Разумеется, это относится главным образом к горным районам Лаоса. Большинство же земель принадлежит общине. Эти земли периодически подлежат переделу. В группах трудовой сплоченности нет строгого учета вклада, сделанного каждым его членом. Помогаем друг другу на взаимных началах, заранее обговорив очередность общих работ. Иногда помочь оказывается, если можно так выразиться, «бесплатно», например семьям бездетных стариков, женам наших бойцов, кадровых работников, находящихся в других районах. Буйволы и сельскохозяйственные орудия по-прежнему остаются в личной собственности. Сельскохозяйственных машин нет.

Урожай в этом районе зачастую зависит не только от капризов погоды, но и даже от обезьян, слонов, крыс...

— Вот взять последние месяцы, — продолжил рассказ старосты крестьянин Кхам Кен. — Сначала на нас обрушились ливни, которые вызвали наводнения. Затем поля атаковали целые полчища

крыс. О, эти хищники пострашнее тигров! — добавляет он. — Против них пришлось вести настоящую войну с факелами и ядохимикатами. Выходили целыми деревнями. Только в нашем районе за несколько дней мы уничтожили свыше 80 тысяч крыс. И все же, несмотря на это, большую часть урожая спасти не удалось. Местные власти, опираясь на общественные организации, армию, развернули среди крестьян движение за повторный посев. Лишь так удалось избежать угрозы голода.

Мы попросили организовать встречи с руководящими работниками экономического отдела ЦК Патриотического фронта Лаоса — этого важнейшего тылового департамента. О положении на экономическом фронте и его главном участке — продовольственном — рассказали члены ЦК Тхонг Тянь и Сисан Сисана, губернатор Сам-Неа Тхао Ма и другие товарищи, непосредственно руководящие экономическими органами ПФЛ. И как бы ни показался рассказ о некоторых проблемах сухим и отвлеченным, без него представление о новой жизни, о сопротивлении было бы неполным.

Вот что рассказали руководители экономического отдела ЦК ПФЛ.

На территории, находящейся под контролем правых, есть крупные землевладельцы и кулаки, капиталисты и иностранные монополии, а значит, батраки, бедняки и середняки в деревне, рабочий класс, мелкая и средняя национальная и компрадорская буржуазия в городе. В городах торговыми операциями и ремеслами в основном занимались китайские и вьетнамские эмигранты, живущие многие поколения на лаосской земле. Их можно, да и то с натяжкой, отнести к национальной буржуазной прослойке. В Освобожденных районах крупных торговцев или предпринимателей — лаосцев практически нет.

За годы народной власти здесь почти на голом месте выросла промышленность: текстильные предприятия, механические, деревообделочные мастерские, предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции. Она представляет собой нечто вроде государственного сектора. На народных предприятиях трудятся десятки тысяч рабочих. До сих пор в эвакуированных из городов поселениях остаются мелкие торговцы и кустари — представители мелкой буржуазии. Они активно участвуют в антиимпериалистической борьбе, в демократических социально-экономических преобразованиях.

Специфично положение в сельских районах. При довольно редком населении у нас никогда не стоял остро вопрос о земле. И феодальная, и прочая эксплуатация имела форму, не всегда совпадающую с «классическими отношениями» между феодалами, землевладельцами, с одной стороны, и безземельными, малоземельными крестьянами — с другой. Последних у нас почти не было, а сейчас тем более нет.

Однако существовала своеобразная система феодально-бюрократической эксплуатации крестьянского населения и племен, называемая «куонг-лям». Заключалась она в следующем. Чиновники были фактически наделены неограниченной властью и привилегиями. Они забирали себе лучшие земли, распоряжались лесами, горами и водоемами. Убил оленя — лучшую и нежнейшую часть чиновнику, убил медведя — целительную медвежью желчь тоже ему, собрал лесной мед — снова отдай долю. В разгар уборочной

страды крестьяне по очереди обрабатывали поля власть имущего чиновника. Если чиновник был покрупнее, то даже расходы на свадьбу его сына несли крестьяне, подчиненные этому местному владыке. А помимо этого, с крестьян взимались обычные налоги и поборы в королевскую казну. Прислуживали в домах этих чиновников по очереди те же крестьяне. Они убирали двор, ухаживали за скотом, готовили обед. Для себя же еду крестьяне обязаны были приносить из дома.

Говоря о правовом и экономическом неравенстве, «неклассических» формах эксплуатации, надо иметь в виду и влиятельные круги рода-племенной знати. В некоторых районах Верхнего Лаоса до сих пор существует пожизненная долговая зависимость.

Впрочем, сегодня это уже не относится к Освобожденным районам. Мы покончили навсегда с этими формами феодально-бюрократической эксплуатации.

Некоторая часть представителей этого слоя или сбежала в районы, контролируемые правой группировкой, или подалась к бандитам. Но многие остались и трудятся на земле. Незначительное число «бывших» даже вошло в группы трудовой сплоченности.

Административную систему «куонг-лям» заменили демократические органы народной власти. Представители народной власти приравнены к военнослужащим, кадровым работникам Патриотического фронта Лаоса, рабочим и служащим народных предприятий. Им полагается лишь так называемый прожиточный минимум: рис, соль да один или два комплекта одежды в год. Например, кадровым работникам и служащим ежемесячно выдается по 18 килограммов риса и 200 граммов соли.

На экономическом фронте в новой обстановке народной власти приходится решать многие сложные вопросы. Один из них — рациональное использование земельных угодий. Дело в том, что из 700 тысяч гектаров обрабатываемой в стране площади лишь 200 тысяч гектаров находятся в Освобожденных районах. Из них около 60 тысяч гектаров приходится на поля с поливным земледелием и почти 150 тысяч гектаров на участки переложно-огневого земледелия. Если средняя урожайность на первых порах достигает 14—16 центнеров с одного гектара, то на вторых не поднимается выше 10 центнеров. Более того, участки, отвоеванные путем выжигания у джунглей на горных склонах, приходится оставлять через каждые два-три года. Возможности значительного расширения орошаемых полей ограничены. Необходимы большие усилия и средства для сооружения новых оросительных систем. Это значительно затруднилось в годы войны. И все же, несмотря на это, в ряде районов, в том числе в Сам-Неа и Сиенг-Куанге созданы новые ирригационные системы, которые позволили не только расширить площади под поливным рисом, но и дали возможность широко применить новую агротехнику. Делаются первые шаги по сбору двух осенне-зимних урожаев. Дополнительный весенний урожай уже собирают в отдельных районах Верхнего и Среднего Лаоса. Развитие на местах мелкой кустарной промышленности позволяет народной власти постепенно обеспечить все трудовое крестьянство необходимым сельскохозяйственным инвентарем.

Возникли и новые проблемы. В Освобожденных районах в зонах поливного земледелия появился слой сельских богачеев — кулаков, использующих наемную рабочую силу. Тот, у кого много рабо-

чего скота и сельскохозяйственных орудий (а они до сих пор в личной собственности), имеет большие возможности для получения высоких урожаев.

По-новому решается в Освобожденных районах вопрос с распределением общинных земель. Раньше их переделы осуществлялись один раз в два-три года. Это порождало «обезличку» земли, незаинтересованность крестьян в уходе за «своими» участками, незаинтересованность в длительном применении новой агротехники. К настоящему времени в Освобожденных районах переделы проводятся раз в пять-семь лет. И это уже сказалось на новом отношении к земле.

Там, где позволяют условия, появляются группы трудовой сплоченности — первые, пока еще примитивные формы коллективных хозяйств. В некоторых районах успешно действуют опытные сельскохозяйственные и животноводческие народные хозяйства.

Важную роль в стимулировании сельскохозяйственного производства, в улучшении жизни населения играет рациональная налоговая политика народной власти. Отменены все налоги, поборы и повинности реакционных властей. С конца 1963 года в Освобожденных районах введен единый налог в фонд спасения родины. Он распространяется только на производство риса. Ряд районов, в частности, где проживают лао сунги, освобожден от обложений. Налогом не облагается весенний урожай, а также в течение четырех лет все вновь освоенные участки. Взимается он, как правило, натурой — рисом.

А теперь о самом налоге. Он исчисляется в размере 15 процентов от той части урожая, которая остается в семье после вычета так называемого продовольственного минимума. Последний же исчисляется в размере 100 килограммов риса в год на каждого члена семьи. При обложении налогом учитывается и вклад крестьянских семей в освободительное движение. Так, в продовольственный минимум включается, вне зависимости от присутствия или отсутствия, доля в размере 200 килограммов на военнослужащего в рядах НОАЛ, партизана, кадрового работника, погибших в боях против правых и от рук бандитов, раненых.

В семейный продовольственный минимум включается обычно и доля отсутствующих: ушедших или угнанных в зону правых. Если отсутствуют все члены семьи, а ее земля обрабатывается другими, то ежегодная доля в 100 килограммов на каждого члена отсутствующей семьи сдается органам народной власти. Все это будет возвращено, если бежавшие или угнанные не запятнают себя сотрудничеством с врагом.

Эта разумная экономическая политика, направленная на стимулирование производства, повышение жизненного уровня, а в политическом плане на расширение массовой базы патриотического фронта, приносит свои плоды. Часть обманутых крестьян, завербованных бандитами или попавших в зону правых, возвращается. Они снова трудятся на родной земле, участвуют в строительстве новой жизни.

В связи с тем, что экономика в основном носит натуральный характер самообеспечения, денежное обращение играет ограниченную роль. До конца 1968 года в Освобожденных районах имели хождение как денежные знаки — кипы, выпущенные коалиционным правительством 1960—1962 годов, так и вьентьянские кипы.

В 1968 году выпущены новые кипы, которые являются единственными денежными знаками для Освобожденных районов. Возможности Вашингтона и Вьентьяна вести подрывную деятельность на финансовом фронте в связи с этим резко уменьшились. Внешнеторговые и внешнеэкономические связи с дружественными странами за последние годы значительно выросли. Они вносят существенный вклад в укрепление экономики Освобожденных районов.

Часть товаров, в том числе продовольствие и медикаменты, поступают от международных и национальных демократических организаций, дружественных стран в порядке помощи. Известную долю в бюджете составляют трофеи, захваченные во время боевых операций у армии правых и банд «черного генерала».

Народные предприятия, организации Патриотического фронта Лаоса и Лиги патриотических нейтралитских сил большое внимание уделяют самообеспечению на местах всем необходимым путем организации подсобных хозяйств. Все это дает возможность народной власти не только решать на местах продовольственный вопрос и снабжение населения необходимыми товарами, но и обеспечивать патриотические вооруженные силы.

Успехи, достигнутые в Освобожденных районах, позволили уже в 1957 году разработать перспективный план развития экономики и культуры. Первая трехлетка (1968—1970 гг.) успешно претворяется в жизнь. Главное внимание по-прежнему уделено решению продовольственного вопроса, развитию сельского хозяйства и промышленности, прежде всего кустарного производства. По основным показателям план 1968 года выполнен. На 14 процентов увеличились посевные площади под рисом. Удвоилась сеть народных магазинов. Возрос на одну треть внешнеторговый оборот.

Достигнуты успехи и в борьбе с неграмотностью. Заведующий отделом просвещения Утта Ма сообщил, что в настоящее время в Освобожденных районах открыты несколько общеобразовательных средних школ и специальных училищ. «Теперь мы подумываем даже о создании первого в стране вуза, — сказал он. — У нас есть кому преподавать — из Советского Союза и ряда других стран вернулись специалисты с дипломами высших учебных заведений. В ближайшее время ожидаются первые выпуски наших средних школ...»

Таковы достижения и первоочередные задачи. Но уже сегодня экономисты Освобожденных районов разрабатывают дальнейшие планы, основанные на научных расчетах. Интересны в связи с этим выборочные социологические обследования, которые проводятся в деревнях, уездах и провинциях. Их цель — поиски наиболее рационального использования производительных сил. В частности, изучается вопрос о рабочей силе в сельском хозяйстве. Так, в деревне На Кхо, где проживает 307 жителей, при равномерной нагрузке в течение года вместо 7350 трудодней могло бы быть использовано свыше 20 тысяч.

При разработке наметок перспективных планов учитываются возможности значительного увеличения площадей для сборов двух урожаев в год (в соседнем Вьетнаме в ряде районов собирают и по три урожая), дальнейшего развития подсобных промыслов, внедрения механизации, новой агротехники, лучшей организации труда. Но все это требует расширения фронта исследований, создания благоприятных условий для развязывания инициативы со стороны народных масс, местных организаций. И это не сделаешь сразу. Нуж-

ны эксперименты, практика, эксперименты. Требуется большая разъяснятельная и организационная работа, разумная экономическая политика, эффективная целенаправленная помощь населению капиталами, орудиями, семенами.

Руководители Фронта не закрывают глаза на трудности, но верят, что на экономическом фронте будут достигнуты важные победы в борьбе за единый демократический и процветающий Лаос.

Искусство — тоже оружие

Дневной полумрак пещеры. На дощатом, грубо сколоченном столе в беспорядке разбросаны книги и газеты с причудливой лаосской вязью. Две керосиновые лампы отбрасывают свет на сидящих людей. Одеты они кто в светло-зеленого цвета военную форму вооруженных сил Патет-Лао, кто в обычной черной крестьянской одежде.

Народу немного — человек восемь. Остальные подойдут чуть позже. Ничего на первый взгляд особенного: обычная обстановка, очередная встреча. Но это не совсем так. Встреча необычна, и разговор особый. Многие из моих собеседников старые знакомые: Сисан Сисана, Чанг Тхи, Сом Си, Утта Ма и другие, с которыми довелось не раз встречаться в воинских частях, на радиостанции, в редакциях газет и на партизанских базах. Они не только кадровые работники и боевые командиры освободительного движения. Это известные поэты, писатели сражающегося Лаоса.

Председательствует на этом своеобразном литературном собрании Сисан Сисана.

— Становление революционной поэзии и литературы, — говорит он, — процесс длительный. Мы считаем себя законными наследниками прогрессивных традиций национальной культуры.

Какое наследство нам досталось? В 1945 году Лаос был страною почти сплошной неграмотности. Ни одной прогрессивной газеты. Ни одного профессионального национального театра.

Из глубины веков до наших дней дошли передающиеся из уст в уста золотые россыпи безымянного народного творчества: сказания и поэмы, сказки и песни, праздничные представления. История народного искусства еще ждет своих исследователей. Многое уже делается, а еще большее предстоит сделать. Работа исключительной важности. Ведь в этих произведениях отражены вековые надежды лаосцев, их героическая борьба за лучшее будущее. Приято считать, что наивысшего расцвета в феодальный период народная литература и поэзия достигли в XVII веке во время правления последнего могущественного короля Страны миллиона слов — белого зонта Сулиня Вонгса (1654—1712 гг.). До сих пор любимы народом поэтические произведения этой эпохи. В них выражено стремление лаосцев к единству в борьбе за свою свободу и независимость, против междоусобиц и иноземных захватчиков. Поэмы «Синсай», «Калакет», «Тямпа Ситтон» («Четыре дерева тямпа»), «Кхун Лю и Нанг Уа», «Суливонг» и «Тхао Кампха»

(«Сирота Кампха»), сказания о похождениях отставного буддийского монаха Сиенг Миена. Среди горожан популярна древнеиндийская «Рамаяна», сцены из которой ставились на празднествах в королевском дворце. Недавно нами подготовлена к изданию поэма «Синсай». Одна из немногих, она была записана на пальмовых листьях и в таком виде хранилась в некоторых пагодах и даже семьях.

Под сводами пещеры звучат певучие строфы сказания, которые переводит писатель Чанг Тхи.

Жил король. У него была сестра необыкновенной красоты — принцесса Сумунтха. Это был удивительный король — всем жилось привольно: народ не притесняли, царили мир и спокойствие. Но неожиданно на страну обрушилось несчастье. Злой дух обосновался в джунглях. Однажды он тайком пробрался в королевский дворец, ворвался в опочивальню красавицы Сумунтхи и спящей унес ее в свое мрачное лесное царство. Печальная весть в тот же день разнеслась по королевству. «Беда! Беда! Стране грозит гибель!» И собрал в этот тревожный час король своих пятнадцать сыновей. И спросил король сыновей: «Что делать? Так ведь от нашего небольшого народа не останется ни одного человека. Кто готов спасти красавицу Сумунтху и убить злого духа?» Все ответили: «Мы готовы».

Трудным был путь и длинным, всего не перескажешь. Устали двенадцать братьев, на полпути остановились, да и не пошли дальше. «Будь что будет, — рассудили они. — Нет у нас больше сил тягаться со злым духом и спасать от гибели наш маленький народ». Лишь трое: Синсай с волшебным луком, Сихо — лев с хоботом слона да Сантхон — речная улитка нашли в себе силы и мужество продолжать путь. Долго шли они. Много преодолели опасностей, пока не добрались братья до царского дворца в глубине джунглей. Злой дух спал уже много месяцев. Рядом с ним сидела красавица Сумунтха. Она забыла все — семью, родину и не узнала братьев. Сумунтха просила оставить ее с мужем — злым духом. Околдовал он ее своими чарами, сделал своей пособницей. «Но ведь Сумунтха не виновата, — так решили три брата. — Потом поймет». Взяли они красавицу и отправились домой. На пути Сумунтха неизменно оставляла то расческу, то шпильку, то бусинки от украшений. Надеялась — муж проснется и сможет догнать беглецов по этим следам. Так оно и вышло. Пробудившись ото сна, злой дух понял, в чем дело, и отдал приказ своей демонской армии: уничтожить братьев и вернуть красавицу жену.

В это время добрый дух — покровитель королевства — открыл братьям тайну: злой дух не всемогущ и не бессмертен. Тот, кто найдет его сердце, захороненное в укромном месте, сможет убить злого духа. После многих подвигов Синсай нашел сердце «бессмертного» и убил злого духа.

Когда все вернулись в королевский дворец, здесь узнали еще одну тайну. Оказалось, злой лесной дух сам был когда-то принцем, и его околовал всесильный иноземный демон и хотел сделать своим орудием для уничтожения гордого народа.

С помощью чудодейственных чар братья оживили принца-пленника, сняв с него чары злого духа. А потом был пир на весь мир:

принцы договорились не воевать друг с другом, вместе бороться против иноземных демонов.

И еще была свадьба, каких не видывал свет. Принцесса Сумунтха стала женой Няк Кампхана (так звали заколдованного принца).

...Как и другие, я не заметил, как в пещеру вошел связной. Дождавшись конца рассказа, он вручил Сисан Сисане пакет — последние сводки новостей. Прерываем беседу и обсуждаем положение на фронтах. Под Сиенг-Куангом продолжаются упорные бои. Американская авиация бомбит саваннакетский «коридор». Во Вьентьяне отрицают участие вооруженных сил США в лаосской войне.

Отдав распоряжения, Сисан Сисана снова продолжает рассказ.

— О подвигах Синсая с детства знает любой лаосец. Нередко даже в политико-воспитательной работе, — говорит он, — нам приходится обращаться к этой истории. Ведь она близка нашей борьбе против агрессоров и их прислужников за свободу, мир, за существование нашего народа.

В беседу вступает Чанг Тхи:

— Я хотел бы напомнить интересные факты, которые имеют прямое отношение к развитию революционного искусства. В 1950 году в Освобожденных районах появилась первая газета.

13 августа 1960 года впервые прозвучали в эфире слова: «Говорит радиостанция Патет-Лао». Сейчас передачи ведутся на трех основных языках Лаоса, а также вьетнамском, французском. Радиокомитет имеет свои ансамбли, литературную редакцию. Роль радио в стране, где идет война и затруднена связь между районами, исключительно велика.

Самодеятельные художественные труппы, появившиеся в первые революционные годы, сейчас выросли в десятки професиональных ансамблей. В селениях и воинских частях действуют сотни самодеятельных художественных коллективов.

Весной 1961 года на экранах Освобожденных районов появился первый документальный фильм о боях в Долине Кувшинов, снятый лаосскими операторами. Сейчас кинохроникой студий Патет-Лао в Освобожденных районах начинаются многие киносеансы.

— Наши литература, поэзия и искусство, — говорит поэт Утта Ма, — развиваются в тесной связи с мировой прогрессивной литературой и искусством.

В Освобожденных районах демонстрируются кинофильмы Советского Союза, ДРВ, других братских стран. Наш ансамбль Нео Лао Хаксат не раз бывал на гастролях во Вьетнаме, Советском Союзе, других странах. Поэты, писатели, артисты и кинооператоры поддерживают тесные связи с деятелями литературы и искусства братских стран. Многие бывали в Советском Союзе. Издательство «Лао Хаксат» выпустило в свет много книг зарубежных авторов, в том числе ряд произведений советских писателей. В Освобожденных районах в суровые годы войны побывали артисты из Советского Союза, ДРВ, других стран, писатели и поэты.

С 1965 года издательство «Лао Хаксат» приступило к публикации произведений лаосских писателей, поэтов и журналистов на иностранных языках. «Достойные дочери и сыновья народа Лао» (сборник рассказов о героях), «Дождь в джунглях» (сборник нे-

больших рассказов о войне), «Фукутская крепость» (журналистские очерки), «Разбуженные джунгли» (рассказы о войне), сборники песен и стихов были изданы большими тиражами на английском и французском языках.

Прогрессивная лаосская литература как бы перешагнула незримые национальные рубежи, стала достоянием прогрессивной общественности во многих странах.

Сомси — самому известному поэту Лаоса — около сорока. Он читает поэму «Вражда. 21 марта 1946 года...». О раненом «красном принце» и трагическом сражении под Тхак-Хеком. А потом рассказывает о себе.

В 1947 году ушел в партизанский отряд. Здесь встретился с легендарным Ситхоном Коммадамом, стал его секретарем. В 1952 году горными тропами добрался до главной ставки в Сам-Неа. Здесь, работая в редакции газеты, впервые опубликовал песни, стихи, поэмы. Наиболее известны агитационная, как он выразился, поэма «12 лозунгов борьбы» и поэма «Вражда. 21 марта 1946 года...»

С 1965 года Сомси — заместитель директора радиостанции Патет-Лао, руководитель отдела литературы и искусства ЦК ПФЛ. В 1966 году был избран генеральным секретарем исполнкома Ассоциации патриотических деятелей культуры Лаоса, куда входят сотни бойцов идеологического фронта. Через час Сомси должен уйти — командировка в один из районов, только что освобожденный от бандитов. Поэт не раз был в Москве. Выезжал с ансамблем на гастроли в страны социалистического содружества. Из советских поэтов особенно близок ему по духу Владимир Маяковский.

До рассвета часа два. Накинув плащ, Сомси исчезает в непроглядной дождливой ночи.

К рассвету остаемся в пещере вдвоем с Сисан Сисаной. Спать уже не хочется. До самого обеда беседуем, вернее, Сисан Сисана рассказывает о себе.

— Если бы я жил в другое время, вероятно, был бы писателем-романистом, — говорит он. — А пока в те часы и дни, когда позволяет обстановка, пишу рассказы, очерки. Есть дела более неотложные.

Он бессменный директор радиостанции Патет-Лао с первых дней ее существования. В 1968 году назначен еще и директором только что созданного Каосан Патет-Лао — первого информационного агентства Фронта. Член ЦК ПФЛ. Сисан Сисана — автор музыки и слов многих популярных песен. С 1951 года радиостанция Патет-Лао свои передачи начинает песней «Империализм будет разбит». Ее автор — Сисан Сисана. Он же написал военный марш НОАЛ.

— Работа в театре помогает в журналистской деятельности, — рассказывает Сисан Сисана. — В нашей первой газете «Итсалая» я долгое время вел рубрику — разговор двух стариков, которые вечно спорят друг с другом.

В 1959 году во вьентьянской тюрьме, куда был брошен вместе с принцем Суфанувонгом и другими товарищами, начал писать документальную повесть. Но рукопись пришлось сжечь. Думаю все же найти время, чтобы завершить работу. В последние годы собираю материал для романа «Августовская буря» — о незабываемых событиях 1945 года. Параллельно работаю над повестью «Родная

земля». Отдельные части уже готовы. Она задумана как историческая повесть о событиях, предшествующих революции. Продолжаю писать рассказы о партизанских буднях. И песни.

С Фуми Вонгвичиттом мы беседовали в главной ставке. Он не только поэт, но и один из лидеров освободительного движения, генеральный секретарь ЦК ПФЛ. Недавно закончил две книги: историю лаосской революции и поэму «Побег из тюрьмы».

В пещерах, где разместилось первое педагогическое училище ПФЛ, вновь встретились с Утта Ма, автором «Тямпы» — песни с удивительной историей. Она была написана в 1935 году. Мелодия «Тямпы» — один из самых распространенных мотивов ламвонга. А вот слова пришло не раз переделывать. И песня каждый раз звучала по-новому. Ее поют не только в Лаосе, но во многих других странах. Она стала музыкальным символом поэтической и героической страны. Прошу Утта Ма исполнить ее и записать слова. В сырой пещере под разрывы бомб (долину с утра до вечера бомбят американские самолеты) звучит песня.

«О цветы Тямпа! О любовь моя! Когда я смотрю на тебя, моя радость, моя любимая, когда вглядываюсь в твои милые черты, до меня доносится аромат Тямпы, смешанный с твоим дыханием. И ты, и Тямпа для меня — это наши изумрудные горы и голубые реки, жизнь, все самое прекрасное и дорогое.

О цветы Тямпа! О любовь моя! Вы всегда со мной в радости, горести и печали. Вы прекрасны, как луна и звезды, как земля легендарной Страны миллиона слонов и белого зонта.

Когда ухожу в дальний поход, аромат Тямпы напоминает мне о тебе, любимая, о родной земле, которая была и есть, пока бьются наши сердца, о родной земле, которая дала нам жизнь и которая будет вовеки, пока есть гордые и свободные лаосцы...»

Эту песню я слышал раньше, от Чанг Тхи, с которым мы провели не один месяц на фронтовых дорогах Лаоса. Может быть, с него и надо было начать рассказ о бойцах-писателях. Хотя бы потому, что Чанг Тхи — автор первой повести партизанского края, написанной в 1965 году.

Познакомил нас Сисан Сисана, его старший товарищ и учитель. На Чанг Тхи была черная куртка, узкие черные брюки. На поясе болтался трофейный пистолет, захваченный у американского пилота. Чанг Тхи только что вернулся из Патхи, где шли бои с бандами генерала Ванг Пао. «Чанг Тхи Дионг Саван, — торжественно представил его Сисан Сисана. — Ответственный секретарь нашей центральной газеты «Лао Хаксат». Он расскажет о редакции, о последних боях, о писателях и о многом другом». И сразу же, не давая опомниться, пояснил: «Знаешь, что означает Чанг Тхи Дионг Саван? Нет? «Луна счастья». А вообще, мы зовем его: сахай Чанг Тхи, что в переводе значит товарищ Луна».

Товарищ Луна знал не только вьетнамский, но и французский, английский. В первый же вечер спел на русском «Подмосковные вечера».

Он много занимается переводами зарубежной художественной литературы, в основном с вьетнамского. Готовит к изданию «Как закалялась сталь» Н. Островского.

Но, как сказал Чанг Тхи, средней школы и университетов, к сожалению, не кончал. «Так жизнь сложилась. Как стал писателем? Не знаю. Прежде всего я журналист. А первая повесть —

это история моей жизни. Обыкновенная история. Может быть, поэтому она и пришла по душе читателю».

Об этой повести с одобрением говорили делегаты с мест на важном совещании в главной ставке, наряду с докладами о боях и о битвах за рис. Они просили увеличить тираж, справедливо считая книгу «Свет революции» исключительно важной для воспитания масс...

Если рассказывать о судьбе писателя Чанг Тхи, то, пожалуй, лучше всего начать с авторских предисловия и послесловия к его повести «Свет революции».

«Я родился в бедной семье, — писал он. — Если говорить о лишениях, то они как бы достались по наследству. Мой отец был арестован французскими колонизаторами, когда я был ребенком. Мать погибла.

С утра до позднего вечера я прислуживал хозяину. Жил впроголодь. Спал на голой земле, без подстилки и одеяла. Я напоминал ствол молодого дерева, раскачиваемого бурей.

Но пришел и ко мне счастливый день. Это был день, когда меня приняла в свои ряды революция. Я увидел свет новой жизни».

«Революция выковала из меня нового человека, наполнила смыслом жизнь. Я понял, что такое родина, что такое патриотизм и любовь к труду. Стал революционером. И теперь я самый счастливый человек на земле. У меня много друзей. Вступил в ряды Союза молодежи ПФЛ.

И хотя революции предстоит еще долгий и нелегкий путь, я не сверну с него. Буду идти по нему до тех пор, пока прекрасное солнце свободы не взойдет над всей нашей страной. Революция — как утренняя заря. И мы, бывшие эксплуатируемые и угнетенные, пойдем за лучезарным солнцем, чтобы добиться свободы для народа сегодня, завтра, навсегда».

— Родился я в 1940 году в небольшой деревне, затерявшейся среди гор, со всех сторон подпирающих зеленую чашу Долины Кувшинов, — начал свой рассказ товарищ Луна. — В восемь лет впервые услышал слова «Итсала», «подпольщики». В нашей хижине была одна из явочных квартир нелегальной революционной организации. Однажды ночью в дом нагрянули полицаи. Отец был избит, связан. Его увезли, и больше мы о нем ничего не слышали. Шел 1947 год... Нас осталось четверо: больная мать, я, мои старшие брат и сестра. На следующий год обрушилось еще одно несчастье — страшный голод. Схоронили брата и сестру.

Мы стали нищими. Ходили от селения к селению, просили на пропитание. Как-то ночь застала нас в хижине главы небольшого племени мео — лао сунгов. Вождь племени оставил нас прислугой.

К десяти годам я уже пас коз и лошадей. Хозяин ничего не делал. Целые дни лежал с женой и курил опиум. На них работали другие — его одноплеменники и мы — подуробы. Был у предводителя сын, мой одногодок. Он как мог издевался надо мной. Однажды мать надорвалась. Тяжело заболела. Но ее не лечили, а выгнали из хижины и переселили в помещение для скота. «Домовой убьет нас всех, — сказал хозяин, — если в нашем доме умрет чужак». Сквозь дырявую крышу стойла было видно звездное небо, под настилом тревожно мычали быки и блеяли козы, а у меня на руках умирала мама.

Так я остался сиротой. Хозяин всем говорил, что усыновил

меня. Но я оставался полурабом. Работал от утренней зари до заката, в дождь и жару. Били, издевались, часто не давали есть. Да и жил я в шалашике недалеко от хижины предводителя, один, как собака. Так прошел год. Я ничего не знал об отце, но часто думал о нем, о его судьбе, об Итсала. Однажды случайно услышал в селении разговор: «Итсала недалеко. Воюют против французов и местной знати...» Вспомнил отца, мать и решил бежать. Ночью ушел в джунгли, где действовали партизаны. Случайно наткнулся на дозор. Но партизаны к моей просьбе отнеслись сдержанно. «Иди, малыш, домой! У нас положение трудное. Отступаем. Не знаем, проблемы ли сами из окружения. Живи. Подрастешь — станешь партизаном». Я заплакал: «Куда же пойду? У меня нет никого, я раб. Я не вернусь. Не хочу умирать, как моя мать. Уж лучше здесь». Один дядя с бородой (это был командир отряда товарищ Ний) пожалел меня и сказал: «Ну что ж, малыш. Раз так — пойдем с нами». На базу отряд пробился. Но пришлось нелегко. Оружия почти не было: несколько старых японских винтовок, а остальное — самострелы и луки, древние мечи да сделанные в натуральную величину деревянные «гранаты» — для устрашения... Ели раз в день лесные клубни. Ведь мы были не бандиты, а партизаны — грабить мирных жителей не могли по долгу совести... Меня любили, отдавали самое лучшее. Впервые за последние годы я чувствовал отеческую заботу...

Начали учить грамоте. Платил чем мог — ведь я многое умел делать. Командир уступил моим настоятельным просьбам — я стал связным партизанского отряда. Однажды товарищ Ний долго засиделся со мной, сам рассказывал, меня о жизни расспрашивал, а потом сказал: «Послушай, сынок! Тебе надо учиться. Завтра со связным отправишься на центральную базу». Так в 1953 году в моей жизни начался новый этап.

На центральной базе недалеко от границы с Вьетнамом меня приняли, как родного сына, в семье Фуми Вонгвичитта, поэта, одного из руководителей освободительного движения. В 1954 году я поступил в школу в Освобожденном районе, окончил четырехлетку.. Выучился и печатать на машинке. В 1957 году было образовано первое коалиционное правительство. Фуми Вонгвичитт как представитель Патет-Лао получил пост министра культов. Он взял меня с собою во Вьентьян. Так я первый раз попал в город, столицу. Получал немного, но на жизнь хватало. Запомнился из вьентьянской жизни один случай. Представитель американского агентства ЮСИС долго присматривался ко мне, а потом предложил тройное жалованье, если перейду к ним на службу. Я отказался. И еще 1959 год. Мы сидели дома: Фуми Вонгвичитт, его жена, сын и я, — обедали. В помещение ворвалась полиция. Фуми был арестован. Потом мы узнали, что вместе с ним предательски арестовали других лидеров Патет-Лао, находившихся во Вьентьяне. Нас пока не трогали. А узникам грозила смерть.

Я продолжал работать в министерстве, печатал тайком листовки с призывом освободить арестованных. На машине вместе с приятелем мы разбрасывали их по ночам на улицах.

Нас пытались подкупить, заставить работать на правых. Но мы твердо стояли на своем. В один из июльских дней 1960 года я пришел с передачей принцу Суфанувонгу в тюрьму, а там паника.

Стражник грубо оттолкнул меня и прощедил сквозь зубы: «Убежал твой принц».

В городе начались аресты. Нам удалось скрыться. Потом восстание капитана Конг Ле 9 августа 1960 года. Мы в гуще борьбы, событий... В эти дни вместе с Сисан Сисаной работали в редакции «Лао Хаксат», которая перебралась из джунглей во Вьентьян. Потом отступление и снова моя родная земля Сиенг-Куанг. Здесь в Кхан-Кхае я встретился с одним командиром Патет-Лао. Его зовут Дыон Си. После расспросов выяснилось, что это мой отец. Мы сидели и плакали, не веря, что наконец нашли друг друга... А через несколько недель нам снова предстояла длительная разлука. Война. ...Постепенно стало ясно, что мое призвание — журналистика. В 1964 году был назначен ответственным секретарем редакции центральной газеты «Лао Хаксат».

Но все это скорее канва моей жизни. За годы борьбы я многое научился. Много читал. Выучил несколько языков. Начал писать репортажи и очерки. А потом первую повесть «Свет революции»...

Мои планы? Как и прежде, журналистская работа. А еще собираю материал для повестей, в основу которых лягут реальные события. Первая будет о Сам-Неа, сердце революции, его славном и трудном периоде — 1956 году. Вторая — документальная повесть о суровых буднях девятнадцати лет партизанской войны против французских колонизаторов...

Весной 1969 года я снова встретил Чанг Тхи в Освобожденном районе. Вместе с ним побывали в главной ставке, на позициях зенитных батарей, в районах, где только что закончилась крупнейшая операция по ликвидации банд Ванг Пао. Повести, о которых говорил Чанг Тхи, написать он еще не успел — продолжает собирать материалы, разыскивать очевидцев... А пока несколько месяцев трудился над очерками об операции против бандитского гнезда. Чанг Тхи одним из первых с частями Патет-Лао добрался до неприступной крепости наемников — плоской вершины Патхи, легендарной горы лао сунгов...

И здесь снова судьба свела его с племенными предводителями лао сунгов, которые служили реакционерам, сами были реакционерами. В своих корреспонденциях он писал о людях, их судьбах.

— Как-то вечером, — рассказал Чанг Тхи, — мы остановились в лаосунгской деревне Пано в трех километрах от Патхи. В хижине на топчане лежал мужчина лет тридцати пяти и курил опиумную трубку. Он был худ. На красноватом лице наркомана с жиденькими усами — грусть, безысходная грусть. Троє грязных детей копошились у очага. «А где мать этих детей?» Он помолчал, а потом неуверенно ответил: «Умерла». Долгое время не хотел продолжать разговор, потом сказал: «Ее украл Ванг Пао». Всю ночь на пролет мы слушали страшную историю.

«Ее звали Тиа. Мы поженились, — рассказал Полы (так звали этого мужчину), — когда ей было четырнадцать, а мне семнадцать. Жили дружно. Люблили друг друга. Однажды, это было в 1966 году, наш сын тяжело заболел. Пошли к колдуну — тот посоветовал принести злому духу в жертву весь наш скот. Но болезнь и после этого не утихала. Мой дядя был командиром роты мео на Патхи. Он пришел к нам в гости и сказал: надо ребенка везти в Сам-Тхонг — одну из баз нашего шефа Ванг Пао». — «У меня нет денег», — сказал я. «Ничего, я помогу — доставим через линию

фронта на военном вертолете». Я забыл сказать, что младшая сестра моей Тиа была одной из жен генерала Ванг Пао и ее мать жила в ставке Ванг Пао в Лонг-Ченге. А аэродром Сам-Тхонге располагается от ставки в трех километрах. Отец же Тиа был полковником в армии Ванг Пао.

Я взял сына и на американском вертолете добрался до Сам-Тхонга. Потом вызвал сюда и мою жену. Как-то к нам в гости зашел родственник — генерал Ванг Пао. Зашел и раскричался: «Я известный генерал, и мои родственники должны жить прилично. Меня унижает ваша бедность». И... отдал распоряжение, чтобы Тиа переехала жить в гостиницу в Лонг-Ченг. Я согласился, хотя было странно, почему такая роскошь представлена лишь Тиа. Потом начал понимать. Моя жена приглянулась развратному генералу. Он решил ее сделать очередной женой в своем и без того многочисленном «гареме». Потом уже Тиа мне рассказала, что Ванг Пао предложил ей: «Брось своего нищего мужа и детей, стань моей женой. Будешь жить, как принцесса...» Тиа ответила: «Мы любим друг друга. Нам хорошо и так». Ванг Пао рассвирепел и стал угрожать: «Хорошо! Если добром не согласишься — буду действовать по-другому».

Но это я узнал потом. А тогда.. Как-то зашел ко мне в гости генерал и после ничего не значащего разговора предложил: «Знаешь, Полы, красавица Тиа не для тебя. Возьми пятьсот долларов и отдай мне жену. А себе найдешь за эти деньги не одну, а много». Я рассмеялся, думал, он шутит. Но Ванг Пао зло бросил: «Я не ребенок и шуток не люблю». Тогда я спокойно ответил: «Послушай, генерал, только безумец примет твоё предложение. Ведь мы любим друг друга». — «Ну, как знаешь, — сказал Ванг Пао. — Потом пожалеешь». На том и кончили разговор. Я думал, что к утру он проспится, опомнится. В тот же вечер собрался вылететь, как было намечено, в Патхи. Когда подходил к вертолетной площадке, увидел бегущую ко мне с плачем Тиа. Но ее схватили солдаты. Не пустили дальше. Я успел крикнуть: «Тиа, оставайся с двумя детьми здесь, а я со старшим вернусь!» Но здесь появился сам Ванг Пао. «Забирай всех, своих выродков! — крикнул он. — Здесь не детский сад. А Тиа останется с сестрой». Меня вместе с тремя детьми затолкали в вертолет.

В июле 1967 года жить совсем стало тяжело. Я пошел в комендатуру «специальных войск» в Патхи и потребовал вернуть мне жену. После долгих пререканий комендант дал Ванг Пао телеграмму, а тот ответил: арестовать этого проходимца (это меня-то!), а если сочтете нужным, и расстрелять. Меня арестовали и решили казнить. Но я сказал Кету, коменданту: «Перед смертью хочу взглянуть на своего врага — Ванг Пао. По обычаям мео это мое священное право». Кету согласился и отправил меня и детей под охраной в Лонг-Ченг. Ванг Пао не захотел и говорить, но казнь отменил. Мне же приказал выдать деньги и продовольствие, а также предложил подписать бумагу о разводе. Я вновь отказался. Солдаты связали меня и моим большим пальцем сделали на бумаге отпечаток. А потом привели Тиа. Она плакала, обнимала детей и просила: «Полы, не бросай меня! Почему ты согласился подписать эту бумагу?..»

Так же поступили и с Тиа, силой поставив отпечаток ее пальца

на документе. Я стоял, молча наблюдая за всем происходящим. Потом взял детей и пошел прочь. А вслед неслись рыдания Тиа.

Совсем недавно, накануне прихода сюда армии Патет-Лао и разгрома частей Кету, узнал, что моя любовь, радость моя, ненаглядная Тиа жива. Ванг Пао ее бросил. Она стала одной из девиц, которые служат американцам в гостинице Лонг-Ченга. Вот и все...»

Теперь ты понимаешь, — сказал Чанг Тхи, — почему я прежде всего взялся за очерки о Патхи.

...В пещерный проем просматривается звездное ночное небо, исполосованное зенитными снарядами. На западе небосклон окрашен в трепещущие огненные тона — на сиенг-куангских рубежах продолжаются бои.

Наочные трассы вышли автомашины. Урчание их моторов раскатывается гулким эхом по долине. С наступлением темноты из стремительно надвинувшихся грозовых туч низвергаются плотные водяные потоки.

Под прикрытием плащей добираемся до «газика» и забираемся внутрь. Дождь барабанит все сильнее. Теплая водяная капель пробивается через дырочки от осколков и звонко разбивается о металлический «кол», напоминая о недавнем налете.

К утру будем на границе. До свидания, Патет-Лао, Страна Лао. Победы тебе на трудном пути к свободе!

СОДЕРЖАНИЕ

В ДЖУНГЛЯХ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ЛАОСА

«Пещерный город»	6
Граница	12
Ожидание	15
Кочующий завод	16
Дорога, дорога...	18
Командующий Ин Кон	20
Города, которых нет	21
Путь на Чепон	29
Вдоль «зловещего коридора»	31
Потомки «диких рабов»	36
Загадки джунглей	39
Традиции и освободительная война	41
Солдаты революции	44
Непокоренный юг	46
В Саваннакетском провинциальном комитете	48
Артисты выходят на гастроли	51
До Фалана рукой подать	52
Пора тропических ливней	53

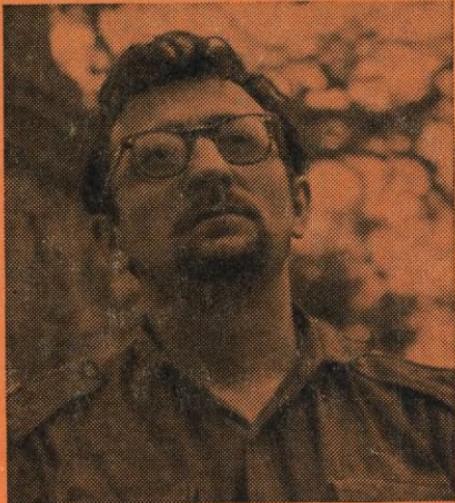
НА БОЕВЫХ ПОЗИЦИЯХ ДОЛИНЫ КУВ- ШИНОВ

Впереди Кхан-Кхай	56
В штабе Синкапо	59
«Великая поляна»	61
Полковник Дыон и его товарищи	64
На фукутских рубежах	69
Солнечная долина	73
Внуки Патчая	76
«Черный генерал» Ванг Пао	78
Бандиты и их хозяева	81

САМ-НЕА

«Красный принц» Суфанувонг	86
Воздушная война Вашингтона	90
В ставке главнокомандующего	94
На экономическом фронте	97
Искусство — тоже оружие	102

34 коп.

Иван Михайлович Щедров родился в 1933 году в деревне Копоново Калужской области. Окончил исторический факультет МГУ. Кандидат исторических наук.

Около девяти лет жил и работал в странах Индокитая. С 1963 по 1969 год — корреспондент «Правды» во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Более пяти лет провел на лаосском, северовьетнамском и южно-вьетнамском фронтах.

Первая книга — «Ханой» — вышла в 1961 году. О войне во Вьетнаме автор рассказал в книгах «Гроза над Красной рекой» и «В пятнадцати километрах от Сайгона». За репортажи с северовьетнамского и южновьетнамского фронтов Ивану Щедрову присуждена премия имени Воровского. За работу в Демократической Республике Вьетнам автор награжден орденом Трудового Красного Знамени.